
ЛЕНИН
ОГОНЁК
[ИЗ]ДАТЕЛЬСТВО
[«ПР]АВДА», МОСКВА
№ 41 ОКТЯБРЬ 1973





Встреча в Звездном городке. **Фото В. Воронина.**

ПРОГРАММА ПОЛЕТА ВЫПОЛНЕНА!

27 сентября 1973 года в 15 часов 18 минут по московскому времени в очередной космический рейс отправилась новая «бригада» космонавтов. Их было двое — командир корабля «Союз-12» подполковник Василий Григорьевич Лазарев и бортинженер Олег Григорьевич Макаров. Им предстояло пробыть на космической вахте два дня. И эти два дня, как все предыдущие полеты, итожили напряженный труд сотен ученых, инженеров, рабочих.

Их было двое, и программа их деятельности была насыщенной до предела. Им предстояло комплексно проверить и испытать усовершенствованные бортовые системы, продолжать отрабатывать процессы ручного и автоматического управления, провести спектрографирование отдельных участков земной поверхности, в чем заинтересовано наше народное хозяйство.

Впервые стартуя в космос, они не были новичками: оба, и командир корабля и бортинженер, были зачислены в отряд космонавтов в 1966 году. И за эти годы прошли отличную подготовку. В эти два дня им предстояло ее продемонстрировать. Коммунисты Лазарев и Макаров выполнили задание успешно.

29 сентября после завершения программы работ на борту корабля «Союз-12» космонавты товарищи Лазарев и Макаров возвратились на Землю. А на следующий день их встречала Москва.

Космонавты В. Г. Лазарев и О. Г. Макаров.

Фото А. Пушкарева (ТАСС).

ПО ПУТИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Теплый и радушный прием был оказан в Югославии члену Политбюро ЦК КПСС, Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину, посетившему эту страну по приглашению Председателя Союзного исполнительного веча СФРЮ Д. Биедича с официальным дружественным визитом.

Президент Социалистической Федеративной Республики Югославии, Председатель Союза коммунистов Югославии Иосип Броз Тито принял члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина и имел с ним сердечную и дружескую беседу.

А. Н. Косыгин и сопровождающие его лица совершили поездку в социалистические республики Сербию, Македонию, Хорватию и Боснию и Герцеговину, где осмотрели предприятия, памятные исторические места, встречались и беседовали с трудящимися, руководителями государственных и общественных организаций, ознакомились с жизнью и достижениями народов Югославии.

Между Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и Председателем Союзного исполнительного веча СФРЮ Джемалом Биедичем состоялись переговоры.

Беседы и переговоры проходили в дружеской атмосфере, в духе взаимопонимания и откровенности.

Главы правительств с удовлетворением констатировали, что советско-югославское сотрудничество весьма успешно развивается во всех областях — политической, экономической, научно-технической и культурной.

29 сентября в Сараеве, на заводе электрооборудования, входящем в объединение «Энергоинвест», прошел митинг дружбы. Продолжительными аплодисментами встретили участники митинга высокого советского гостя.

Товарищ А. Н. Косыгин выступил перед собравшимися с речью. Высоко оценив усилия Югославии в интересах преобразования международных отношений на мирных началах, он сказал:

«Наша общая заинтересованность в укреплении мира, совпадение и близость позиций по актуальным международным проблемам дают основания для уверенности в том, что Советский Союз и Югославия будут и дальше действовать вместе в интересах мира и социализма».

На снимке: Бриони. Во время встречи Алексея Николаевича Косыгина с Иосипом Броз Тито.

Телефото ТАНЮГ — ТАСС.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!





ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 41 (2414)

6 ОКТЯБРЯ 1973

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Подписка на журнал «Огонек» принимается без ограничений во всех пунктах приема подписки «Союзпечати», на почтамтах и в отделениях связи.





Председатель Государственного совета Республики Гвинея-Бисау Лунс Кабрал выступает на заседании Национального народного собрания.

РЕСПУБЛИКА ГВИНЕЯ-БИСАУ

Пошел восемнадцатый год с того момента, когда в Бисау, столице одной из португальских колоний в Африке — «португальской» Гвинеи,— несколько человек организовали нелегальную партию. Она называлась Африканская партия независимости Гвинеи и Островов Зеленого Мыса (ПАИГК) и возглавлялась Амилкаром Кабралом. Своей задачей партия ставила освобождение страны от колониального господства.

Шли годы. С 1961 года ПАИГК стала готовиться к вооруженной борьбе. Ее активисты работали внутри страны, разъясняя населению цели и задачи предстоящей борьбы против португальских колонизаторов. Первое вооруженное столкновение с армией Лиссабона имело место в феврале 1963 года, и с той поры, вот уже целое десятилетие, на земле Гвинеи-Бисау идет сражение за свободу и независимость.

За это время небольшие партизанские группы ПАИГК выросли в настоящую, хорошо обученную армию. От колонизаторов очищено около восьмидесяти процентов территории страны. На освобожденных землях созданы народные органы власти, действуют школы и госпитали, работают народные магазины.

Во второй половине минувшего года на всей освобожденной территории Гвинеи-Бисау были проведены выборы депутатов в Национальное народное собрание. Они должны были в начале этого года собраться на свою первую ассамблею, чтобы провозгласить образование государства Республика Гвинея-Бисау. Но 20 января подосланные Лиссабоном наемные убийцы зверски расправились с Генеральным секретарем ПАИГК товарищем Амилкаром Кабралом, пытаясь сломить, а если удастся, то и уничтожить партию. Но ПАИГК сумела выстоять. И не только выстоять, но и с удвоенной силой громить колонизаторов. Ассамблея, правда, была отложена и собралась лишь 23 сентября этого года.

На нее прибыли руководители ПАИГК, депутаты Национального народного собрания, гости, иностранные журналисты. Вступительную речь произнес нынешний Генеральный секретарь ПАИГК товарищ Аристидес Перейра. Затем зачитывается проект декларации о провозглашении государства Республика Гвинея-Бисау, принимается текст первой конституции нового государства, избираются его руководящие органы: Государственный совет, который является законодательным органом в период между сессиями Национального народного собрания, и Совет государственных комиссаров — правительство нового государства.

Наша страна с самого начала оказывала и оказывает патриотам из Гвинеи-Бисау бескорыстную помощь и поддержку. Не случайно поэтому с трибуны собрания так тепло говорилось о нашей партии, правительстве, советском народе.

1 октября Советский Союз признал Республику Гвинея-Бисау. В послании Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева Генеральному секретарю ПАИГК товарищу Аристидесу Перейра говорилось, что суверенное государство будет служить верным оружием «в борьбе за окончательное изгнание из страны иностранных поработителей...». Пожелаем же народу Гвинеи-Бисау и его партии успехов в этой благородной задаче.

Олег ИГНАТЬЕВ

Республика Гвинея-Бисау.

Бойцы Народно-освободительной армии Гвинеи-Бисау на параде в честь провозглашения Республики.
Фото автора.



СОАВТОРЫ УРОЖАЯ

СИБИРЬ

Ю. ЛУШИН

Фото автора.



Соавтор урожая Александр Кимаев.

Когда этот репортаж дойдет до читателя, водитель мощного «Уральца» с прицепом Александр Кимаев будет в рейсе. Это я знаю точно, потому что, как он сам сказал: «Хлеб ждать не будет, и судьба урожая сейчас в руках шоферов, в наших руках. Каждую минуту беречь нужно».

Каждую минуту! Может, это он так, ради красного словца, подумал я, сидя рядом с ним в кабине. Машина шла ровно, без рывков. На выбоинах Кимаев чуть притормаживал, чтобы зерно случайно не плеснулось через борт, хотя оно надежно было прикрыто брезентом.

Шофер видел, как собирался этот хлеб в колхозе «Знамя коммунизма» — зернышко к зернышку, все пятнадцать тонн, которые он вез теперь на тогучинский элеватор. Он знал, что не просто было решиться колхозникам взять повышенные обязательства и вместо трех с половиной тысяч тонн зерна по плану продавать пять тысяч. И было бы преступлением потерять в пути хоть горсть собранного хлеба. Он знал все это, потому что родился и вырос тут же, в Тогучинском районе, и с детства видел, как трудятся хлеборобы. И теперь выходило так, что он тоже соавтор урожая, хотя не пахал, не сеял.

— Каждый год, наверное, приходится участвовать в уборке? — спросил я.

— Нет, не каждый,— ответил он.— Второй сезон хлеб вожу.

И снова все внимание на дорогу.

— И второй сезон в ряду лучших водителей автохозяйства? Да у вас талант!

— Скажете тоже! — смеется Кимаев.— Талант у Брюхова Николая Павловича. Три жатвы в передовых. За ним не угонишься. Вот его «ЗИЛ», видите?

...Мы подъехали к элеватору. Кимаев снял брезент. Контролер, визировщица Саша Багдасарян за считанные секунды взяла пробу зерна, и «Уралец» въехал на весы. Подошел директор элеватора Николай Иванович Козлов.

— Нынче хлеб отменный, сухой, качественный,— говорит он.— И возят отлично. Кимаев, например, семьдесят пять — девяносто тонн за смену. Владимир Кабанов, Андрей Вальд и того больше... Мы за сутки полтыщи с гаком машин принимаем. Если и дальше дело так пойдет, то недели через две все шестьдесят тысяч тонн зерна будут в закромах. Это наш план.

Я смотрю, как четко, быстро разгружаются машины, и вспоминаю слова Кимаева: «Беречь надо каждую минуту!» Новосибирская область должна по плану продать один миллион четыреста двадцать пять тысяч тонн хлеба. Ровно половина уже на элеваторах. Оставшееся зерно возят сейчас свыше двадцати тысяч автомашин. Я представил, что все они вдруг по каким-то причинам потеряют по минуте. Получится примерно 15 суток, а за сутки только вот этот тогучинский элеватор принимает три с половиной тысячи тонн зерна. Комментарии, наверное, не нужны...

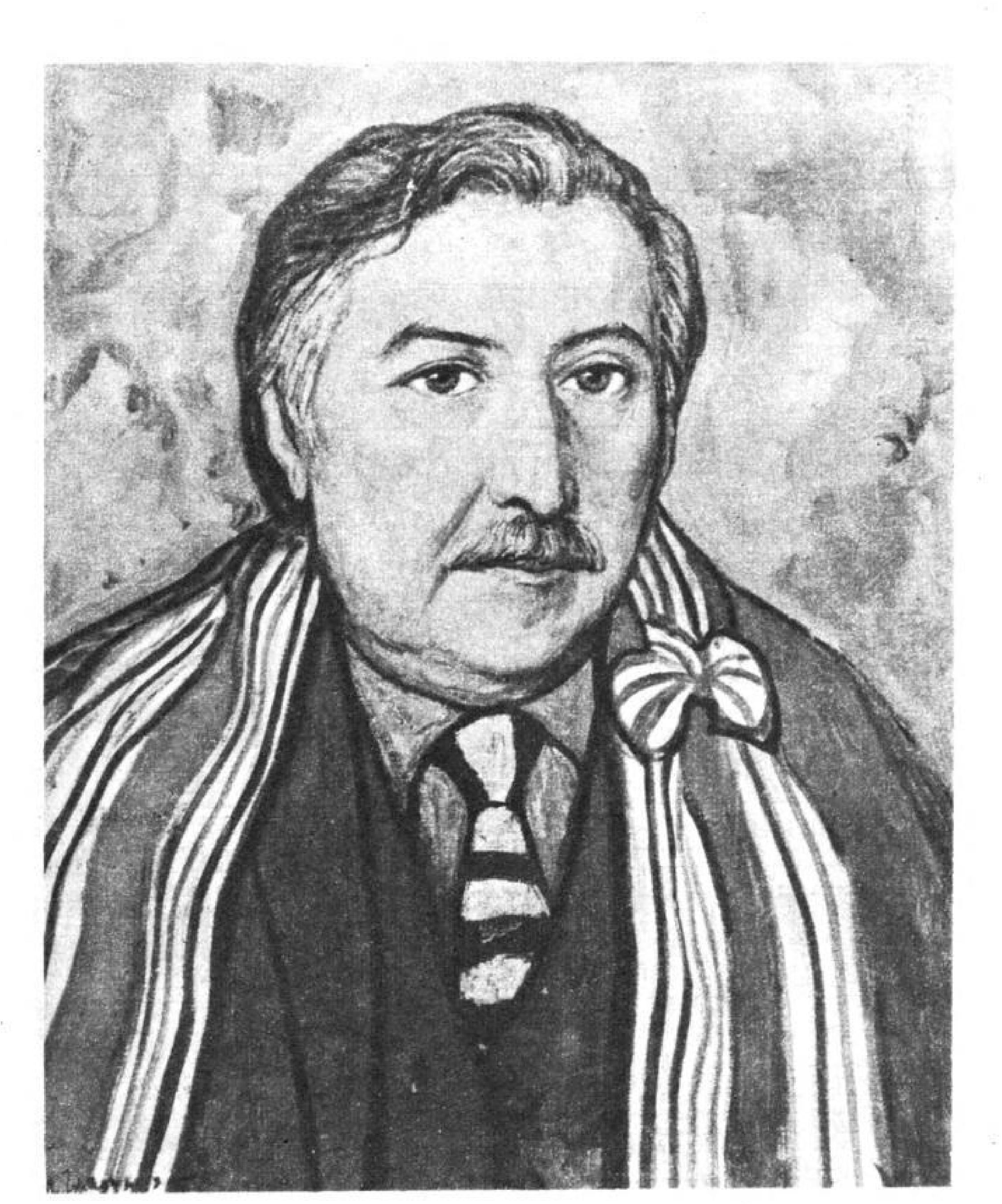
Город Тогучин, Новосибирская область.



Течет хлебная река к элеватору.

Лихо, в считанные секунды берет пробу зерна Саша Багдасарян.





Портрет Генерального секретаря Компартии Чили Луиса КОРВАЛАНА, исполненный с натуры художником Ильей Глазуновым в июле 1973 года. Портрет экспонирован на выставке «Чили под знаменем народного единства», открытой в Выставочном зале Союза художников СССР.

ЗАЯВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС В СВЯЗИ С АРЕСТОМ ТОВАРИЩА ЛУИСА КОРВАЛАНА

28 сентября с. г. военной хунтой в Чили арестован и предан военному трибуналу видный государственный и политический деятель страны, сенатор, Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили Луис Корвалан.

Товарищ Л. Корвалан является видным деятелем международного коммунистического и рабочего движения, неутомимым борцом за мир, демократию и социальный прогресс, за жизненные интересы чилийских трудящихся. На протяжении трех лет существования народного правительства в Чили он последовательно выступал в защиту национальных интересов страны, за социально-экономические преобразования, направляя все свои усилия на то, чтобы они осуществлялись в условиях соблюдения демократических прав и свобод.

Военная хунта, убив президента С. Альенде, расправившись с сотнями патриотов и демократов, ныне предприняла новые акты репрессий против представителей подлинных демократических сил страны.

Центральный Комитет КПСС решительно протестует против актов беззакония и произвола, против преследований патриотов Чили и призывает все демократические и прогрессивные силы мира выступить в защиту всех демократов Чили, за то, чтобы не допустить физической расправы с Луисом Корваланом и каких-либо мер насилия над ним.

ЦК КПСС требует свободу Луису Корвалану, прекращения преследований всех патриотов и демократов Чили!

Владимир КОТОВ

САЛЬВАДОР АЛЬЕНДЕ

Черною змейкой скользит
телеграфная белая лента:
в Чили
хунтой
убит
президент
Сальвадор Альенде.
Льется по улицам кровь.
Уже не дебаты в залах!
Частная собственность
вновь
всю свою суть показала!
Маски ее наконец
сброшены, свалены — в хламе.
В куски
президентский дворец!
В клочья
ненужный парламент!
Какая «законная власть»?!
Дайте пограбить всласть!..
Кровавое колесо —
вот облик грабителей лживых!
В клочья и вдребезги
все,
все, что мешает
наживе!
Изнанка
роскошных витрин,
изнанка
шикарного света —
смотри, Человек,
смотри!
Запоминай все это!
Сегодня
все дали
окрест,
как никогда, видны,
и нет на планете мест,
далеких
от нашей страны.
Не надо иллюзий, прикрас
в борьбе за грядущие были.
Всемирный рабочий класс!
Запомни
уроки Чили!
Смерть,
как боец,
встает,
геройская смерть президента.
Имя твое
на борьбу зовет,
президент Сальвадор Альенде!

Пренса Латина
Специально для «Огонька»
с места события

Хорхе ТИМОССИ

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ «ЛА МОНЕДЫ»

«Я не покину «Ла Монеду», не откажусь от своих обязанностей и буду защищать до конца власть, которую вручил мне народ»,— заявил Сальвадор Альенде в своем выступлении по радио 11 сентября.

Такова всегда была его неизменная и последовательная позиция. Мне приходилось не раз встречаться с президентом Чили. И когда в наших беседах затрагивался вопрос о возможности государственного переворота со стороны реакции, он говорил мне: «Они могут убрать меня из дворца только мертвым». Я сразу же вспомнил эти слова Сальвадора Альенде, когда начался военный мятеж. А все произошло так...

Утром 11 сентября в 7 часов 30 минут С. Альенде неожиданно раньше обычного прибыл в президентский дворец в сопровождении большой группы людей. Среди них было около 50 карабинеров, его личные врачи, помощники и советники и другие официальные лица. В это время в столице Чили было неспокойно. Все ожидали каких-то еще неясных надвигающихся событий. Хотя одна попытка государственного переворота 29 июня силами подразделения танкового полка провалилась, тем не менее накануне вечером и ночью по Сантьяго ползли тревожные слухи. В частности, некоторые наблюдатели в Сантьяго, постоянно анализировавшие положение в Чили, предполагали, что в новой попытке государственного переворота, если она произойдет, будут участвовать уже все три рода чилийских войск. Это также подтверждали некоторые высказывания бывшего главнокомандующего сухопутными войсками генерала Карлоса Пратса, сделанные им в частных беседах.

После того как Сальвадор Альенде вошел в «Ла Монеду», карабинеры в сопровождении четырех легких танков заняли исходные позиции на ближайших основных подступах к дворцу. Ультраправые элементы уже давно создали в столице Чили напряженную обстановку.

В 7.00 11 сентября Сальвадору Альенде сообщили, что в городе Вальпараисо произошел мятеж военных моряков и их отряды двинулись маршем на Сантьяго. В 8.00 радиостанция, находящаяся под контролем социалистической партии, проинформировала своих слушателей о ненормальной обстановке, сложившейся в Вальпараисо. Она призвала рабочих к бдительности. В 8.45 станция умолкает, обстрелянная с воздуха авиацией. Над президентским дворцом на бреющем полете проносятся самолеты.

Мне было видно из окон бюро Пренса Латина, как ровно в 9.10 по президентскому дворцу была выпущена первая ракета «воздух-земля». В 9.15 мне удалось связаться по телефону с приемной президента. Помощник Сальвадора Альенде сказал:

— Можешь передать, что мы все умрем здесь, но не сдадимся.

— Какими силами располагаете сейчас, чтобы оказать сопротивление?

— Охрана президентского дворца, 50 карабинеров, личная охрана президента, помощники С. Альенде, а также работники правительственного аппарата готовы к сопротивлению с оружием в руках.

Около 9.30 прервана всякая связь с заграницей. Телефонные станции захвачены хунтой. На 9.45 я заказал Париж. Но, увы, разговор не состоялся. Корреспонденты Пренса Латина, находясь на улице, близ бюро, отчетливо видели танки, шедшие к дворцу «Ла Монеда», самолеты, проносившиеся на бреющем полете. Стрельба усиливалась и доносилась с разных сторон. Шум становился оглушающим.

В 11.00 путчисты предъявили Альенде ультиматум, предлагая ему сдаться.

О том, что произошло несколько минут спустя в «Ла Монеде», мне поведал еще один телефонный звонок из дворца. Фамилию этого человека я не хочу раскрывать, потому что после взятия штурмом «Ла Монеды» войсками путчистов ему удалось скрыться, и он находится сейчас в глубоком подполье.

Получив ультиматум, Альенде собрал всех, кто был в президентском дворце. Он попросил женщин покинуть «Ла Монеду». Предложил рядовым служащим также уйти. Карабинерам, бывшим рядом с ним, предоставил полную свободу выбора. Ушли женщины, затем карабинеры. Вслед за этим по просьбе отца покинула дворец дочь президента Беатрис.

В своем ответе руководителям военного мятежа Сальвадор Альенде подчеркнул, что он не сдастся и останется во дворце. Он сказал:

— Может быть, это последний раз, когда я смогу обратиться к вам, будучи глубоко убежденным, что свержение конституционного президента Чили было бы наиболее кровавой страницей в истории государственных переворотов в Латинской Америке.

Повсюду пахло порохом, соляркой и горелым мясом. Находясь вблизи бюро Пренса Латина, было невозможно определить, откуда, кто и в кого стреляет. Стрельба стала неумолкаемой. В унисон слились залпы ракет «воздух-земля», выстрелы орудий, танков «Шерман» и очереди ручных пулеметов мятежников.

Центральные улицы Сантьяго обезлюдели. Многие машины, оставленные своими владельцами, были раздавлены танками.

В 13.52 неожиданно раздается телефонный звонок. На проводе был Хайме Барриос, советник президента по вопросам экономики. Он сообщил мне, что ведет огонь из окна верхнего этажа. Далее Хайме Барриос сказал:

— Мы будем сражаться до конца. Альенде стреляет из автомата. Здесь сущий ад, и нас просто душит дым. Аугусто Оливарес убит.

Это был последний разговор с Хайме Барриосом. Неизвестно, что произошло с ним дальше. Аугусто Оливарес был одним из известнейших чилийских журналистов, верный друг и последователь Альенде. Фернандо Флорес — генеральный секретарь правительства Народного единства; Даниэль Вергара — заместитель министра внутренних дел. Оба сражались с оружием в руках и погибли. Рядом с Альенде до конца боролся журналист Карлос Хоркера, близкий ему человек, и другие замечательные мужественные люди, патриоты Чили. Многие из них, в том числе Карлос Хоркера, а также некоторые члены личной охраны президента были схвачены, привезены в казарму, а затем расстреляны. Был убит во дворце очередью из автомата Анибаль Пальма, бывший генеральный секретарь правительства.

13.50—14.15. В этот промежуток времени погиб Сальвадор Альенде, который до последнего вздоха сражался с врагами свободы чилийского народа. Он погиб через три дня после того, как его дочь Беатрис отметила свой день рождения. Я был приглашен к ней в гости. Сальвадор Альенде предложил мне сыграть с ним партию в шахматы. Право первого хода он всегда предоставлял партнеру. Так было и на этот раз. В ходе игры он сказал:

— Начинать первым партию не люблю.

...Длинные шлейфы дыма тянулись из дворца «Ла Монеда», когда сюда 12 сентября прибыли пожарники, чтобы погасить пламя, грозившее полностью поглотить здание. В это же время военная хунта предложила реакционнейшей чилийской газете «Эль Меркурио» прислать своего фотокорреспондента, чтобы заснять тело погибшего Сальвадора Альенде.

Откуда бы ни бросить взгляд на «Ла Монеду», казалось, что окна дворца увеличились в размере. Зияющие пустоты вместо стекол, похожие на мрачные пещеры. 12 сентября на улицах Сантьяго можно было увидеть много трупов. Неподалеку от бюро Пренса Латина лежал труп человека, который, видимо, не смог спастись от озверевших убийц-путчистов из-за того, что он, инвалид, передвигался на костылях. На его тело было страшно смотреть. Оно было все пробито пулями.

Патриоты Чили не сдаются. В стране образуются очаги сопротивления. Гибель многих лучших сынов и дочерей Чили не была напрасной. Она будет взывать к отмщению за тех, кто отдал жизнь за новое, светлое будущее родины. Она придает новые силы тем, кто свое счастье, свой долг видит в служении народу, трудящимся.

Сантьяго.



Сальвадор Альенде среди советских специалистов. Снимок сделан 24 августа 1973 года.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ СОВЕТСКИЕ ГРАЖДАНЕ

Четыре часа утра, а в международном аэропорту Шереметьево многолюдно. Здесь встречают самолет Аэрофлота, который доставил советских людей, работавших в Чили. Я знакомлюсь с некоторыми из них, прошу рассказать о недавних трагических событиях.

— Наш завод,— говорит В. П. Поляков, руководитель группы советских специалистов,— находился в местечке Эль Биота. Это в провинции Вальпараисо. Отношения у нас с чилийскими инженерами и рабочими были самые дружеские, обстановка на заводе деловая. Завод уже построил шесть больших домов с удобными, комфортабельными квартирами.

Трудно было представить, что произойдет военный переворот с его кровавым террором... Правда, фашиствующие молодчики в течение нескольких месяцев подрывали мосты на дорогах, нефтепроводы, линии электропередач, но у нас на заводе и в Эль Биота было спокойно. Да и мы сами видели массовые манифестации в поддержку Народного единства и правительства Сальвадора Альенде, которые проходили в Чили повсюду, видели бесконечные колонны юношей и девушек. Они шли в Сантьяго, чтобы сказать «нет» гражданской войне. Чилийский народ верил в свободу, демократию.

В день военного путча мы, как всегда, утром поехали на работу. Улица будто вымерла. Подъезжая к заводу, мы видели солдат. Под прицелом их автоматов на земле лежали люди с вытянутыми вперед руками. Нас остановили чилийские друзья. Рассказали, что ночью завод захватили солдаты с военной базы Новаль, что нам надо возвращаться домой.

В своих квартирах мы оказались как бы в заключении. Военные патрули то и дело проходили под нашими окнами. А в окнах соседних домов виднелись пулеметы, наведенные на наши подъезды. Над домом постоянно висел военный вертолет. Телефон не работал, газ, электричество, даже воду отключили.

Но полностью изолировать нас от чилийских друзей не удалось. Рискуя жизнью, они тайком приходили в наши квартиры. И за это мы им бесконечно благодарны. Но имена их называть нельзя: военная хунта может жестоко отомстить...

Друзья с болью и гневом говорили о фашистском терроре, который обрушился на страну. Называли многих наших знакомых, которых бросили в тюрьму, называли и тех, кто уже был расстрелян. Но сопротивление кровавому режиму усиливается. В рабочих кварталах Сантьяго, Вальпараисо и в других городах идут бои. В стране создаются партизанские отряды для борьбы с военной хунтой. То, что сделало для народа правительство, возглавляемое Сальвадором Альенде, нельзя перечеркнуть. Никакие зверства не сломят воли трудящихся к борьбе и победе.

Мы прожили под дулами пулеметов, изолированные от внешнего мира, почти две недели. Однажды прошел слух, что телеграфная связь с Сантьяго восстановлена. Наши товарищи Валерий Сергеев, Виктор Воронец и Валерий Назаров поехали в город Винья дель Мар, чтобы дать телеграмму в посольство. Но это им не удалось. Их арестовали.

— Едва мы въехали в Винья дель Мар,— рассказывает переводчик Валерий Сергеев,— как нашу машину остановили карабинеры-полицейские. Угрожая автоматами, нас заставили выйти из машины. Тут же, на улице, стали производить обыск. Выворачивали карманы, били прикладами по ногам. Потом, подталкивая в спины стволами автоматов, повели в полицию. Там снова обыскивали, снова били прикладами, а потом втолкнули в камеру, где продержали семь часов. За это время нам не дали даже кружки воды.

Наконец дверь отворилась, и карабинеры, подталкивая нас прикладами, передали нас морским пехотинцам. Эти рослые парни погнали нас в военную машину, повезли в город Вальпараисо. В городе по улицам патрулировали броневики, на перекрестках стояли танки. Слышалась перестрелка.

Нас привезли в порт, в казарму морских пехотинцев. Снова обыскали и поставили лицом к стене, руки за голову. Так мы стояли два часа. Стоило пошевелиться, опустить затекшие руки... сильный толчок стволом автомата в спину, грубый окрик: «Буду стрелять!»

К охранникам подошли три морских пехотинца. Сказали, что им приказано нас отвести на мол. Мы уже знали, что на молу расстреливают. Слышу разговор: «Как их вести — руки за голову или за спину?» «Да все равно, как им идти умирать».

Нас повели на мол, снова подталкивая автоматами. По дороге к конвойным подошел офицер, сказал: «Это советские, их на корабль!»

Военный корабль путчисты превратили в плавучую тюрьму. Здесь нас опять, уже в который раз, обыскали и вновь били прикладами по ногам. Пришел офицер. Спросил: «Экстремисты?» Ему ответили: «Нет, Советы!» Он навел на нас автомат, потом опустил его и скомандовал: «Посадить в трюм».

В трюме мы сидели до утра. Всю ночь в городе слышалась стрельба, на молу раздавались залпы — происходили расстрелы. Утром нам наконец впервые за целые сутки дали воды, затем повели с корабля, посадили в машину и отвезли в Эль Биота...

Жена советского специалиста Любовь Федоровна Кладова вместе с семьей жила в Сантьяго. Она рассказывает:

— Когда произошел переворот, начались массовые казни. Мы не выходили из квартир. Могли убить. Гостиницу, в которой жили советские специалисты, обстреляли, хотя путчисты знали, что там иностранцы. Знакомые чилийцы рассказывали о зверствах мятежников, о том, что они убивали целые семьи.

Никогда не забуду, как нас везли по городу на аэродром. Впереди полицейский автомобиль с сиреной и мигалкой на крыше, за ним автомобиль с солдатами и пулеметом, наведенным на наш автобус. Сзади тоже солдаты на автомобиле и тоже пулемет.

И несмотря на такое окружение, когда проезжали рабочие кварталы, я увидела, как окно на верхнем этаже дома открылось и чья-то рука помахала нам красным платком.

По приезде в аэропорт к нам в автобус вошел молодой солдат.

— Не думайте, что все мы такие,— сказал он,— очень сожалею о случившемся. Я ваш друг.

А. ГОЛИКОВ

САМОЕ

Приближается открытие Всемирного конгресса миролюбивых сил в Москве. Во всех странах идет в эти дни подготовка к московской встрече борцов за мир. Корреспондент «Огонька» Б. ЛАБУТИН встретился с членом президентской группы Всемирного Совета Мира, заместителем председателя болгарского Национального комитета защиты мира ГЕОРГИЕМ ПИРИНСКИМ и попросил его поделиться своими мыслями о предстоящем конгрессе.

Нынешний форум миролюбивых сил, можно сказать, юбилейный. Около четверти века назад в Париже состоялся первый Всемирный конгресс Движения сторонников мира. За эти годы многое изменилось на нашей планете. И мне представляется закономерным, что теперь конгресс соберется в Москве, городе, который стал

Андрей ТОЛКУНОВ

Это случилось в начале июня 1943 года. Авиация США совершала очередной налет на Нюрнберг. Первой волной шли истребители, вызывавшие огонь на себя. За ними летели тяжелые бомбардировщики, подавлявшие обнаруженные огневые точки. Внизу пронзительно выли сирены, взрывались склады горючего, фашисты в панике бежали к укрытиям. Выполнив задание, самолеты уже уходили на запад. В этот момент прожекторы противовоздушной обороны «поймали» один из уходящих истребителей. Вокруг него сомкнулось плотное огневое кольцо. Изрешеченный снарядами, с горящими моторами, он стал стремительно падать на землю. Тяжело раненный летчик с трудом покинул горящую машину. Внизу специальный отряд гестапо следил за опускавшимся парашютом. Израненный пилот в бессознательном состоянии был доставлен в один из блоков Лангвассера — Нюрнбергского госпиталя для военнопленных. Фашисты были уверены, что часы летчика сочтены. Слишком много он потерял крови. Его положение с каждой минутой резко ухудшалось.

...Битва с фашизмом для политработника лейтенанта Советской Армии П. П. Кошкарева началась у стен Брестской крепости. До последней капли крови, до последнего снаряда дрались ее защитники. Многое узнала наша страна об этом подвиге, но многое еще хранят разрушенные сте-

ДОРОГОЕ

сегодня центром прогресса, символом мира и дружбы. Здесь главный штаб мирного наступления, свидетелями которого мы стали и которое за последние несколько лет принесло столь существенные плоды для всех народов земного шара.

Никогда еще в отношениях между Востоком и Западом политический барометр не предсказывал такого улучшения погоды. Когда проходил парижский конгресс, атмосфера была совершенно иная. Незадолго перед этим в печально известной фултонской речи Черчилль призывал к «холодной войне». В Америке свирепствовал маккартизм. В то время я жил и работал в Соединенных Штатах, куда эмигрировал в 1923 году, после фашистского переворота в Болгарии. На следующий год вступил в Коммунистическую партию США, почетным членом которой до сих пор состою. Я исполнял тогда обязанности ответственного секретаря Американского славянского конгресса, объединявшего граждан славянского происхождения.

Трудно описать радость, с которой мы приняли известие о том, что Болгария стала наконец свободной. Однако мне не удалось сразу вернуться на родину. В сентябре 1946 года мы собрали съезд Славянского конгресса. Он был весьма представительным. Приехали делегаты из СССР, Чехословакии, Болгарии и других стран. Невозможно забыть грандиозный пятнадцатитысячный митинг в Мэдисон-сквер-гардене и могучий голос Поля Робсона. «Широка страна моя родная»,— пел он на русском языке. В глазах участников митинга я читал решимость бороться за мир до конца. В самые черные дни мы твердо верили в победу нашего дела, и эта уверенность придавала новые силы.

На Всемирный конгресс в Париже в 1949 году я не попал потому, что сидел в тюрьме, уже шестой раз за 27 лет. Потом «Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности» решила, что «преступник Пиринский не должен больше ходить по американской земле». В 1951 году я был выслан из США и приехал в Болгарию. Родина оказала мне большую честь, избрав заместителем председателя Национального комитета защиты мира.

Движение сторонников мира объединяет миллионы людей всех континентов. Сегодня все более широкие массы сознают, что борьба за мир — долг каждого честного человека. В авангарде этой борьбы стоит Советский Союз, другие социалистические страны. Иначе и не может быть, потому что социализм и мир неразделимы. С каждым новым успехом социализма крепнет надежда народов на мирное будущее. Усилия стран социалистического содружества на международной арене заставили отступить тень «холодной войны». Визиты Леонида Ильича Брежнева в США, ФРГ и Францию открыли новые перспективы мирного сотрудничества государств с различным общественным строем.

Я присутствовал в зале «Универсиада» в Софии на митинге по случаю присвоения товарищу Брежневу звания Героя Народной Республики Болгарии. За свои семьдесят два года мне довелось побывать на многих собраниях, но такую силу всеобщего воодушевления, такой горячий энтузиазм видел впервые. Честное слово, я вернулся с праздника помолодевшим — такая здесь звучала уверенность в наших новых общих победах, в светлом завтрашнем дне планеты. Болгарский народ активно поддерживает твердую и принципиальную политику КПСС, направленную на то, чтобы приблизить это завтра.

Нашему народу известно, что такое фашизм, что несет с собой война. Мы знаем цену миру и потому придаем большое значение предстоящему в Москве форуму миролюбивых сил. В Болгарии развернута сейчас деятельная подготовка к конгрессу. Печать, радио, телевидение обеспечили широкую гласность материалам подготовительных консультативных встреч в Москве. На тысячах митингов и собраний обсуждены вопросы, которыми займется конгресс. Самый злободневный из них — это положение в Чили. Болгарский народ присоединяет свой голос к общему возмущению преступными действиями военной хунты и поддерживает справедливую борьбу трудящихся Чили. У реакции одни и те же методы расправы с силами прогресса — кровавый террор и насилие. Так было у нас в Болгарии в 1923 году, когда фашисты потопили в крови сентябрьское восстание, так было в Германии, когда к власти пришел Гитлер. Но движение народов к свободе и миру неодолимо. Его невозможно подавить. Это убедительно доказал героический Вьетнам. Поэтому мы говорим сегодня: победа будет на стороне патриотов Чили. Мы надеемся, что конгресс в Москве послужит укреплению всемирного движения солидарности с чилийским народом.

Всемирный конгресс миролюбивых сил в Москве ставит перед собой благороднейшие задачи. Он, безусловно, будет способствовать дальнейшей разрядке напряженности, поиску новых путей международного сотрудничества.

«ТЫ СТАЛ НАПОЛОВИНУ РУССКИМ»

ны легендарной крепости. В один из последних дней героической эпопеи Кошкарев, раненный, в бессознательном состоянии, попадает в плен. Но не сломлена воля советского воина.

В лагере Хаммельбурга Петр Павлович Кошкарев становится одним из активных участников подпольного движения. Лагерь был особым,— в нем содержались лишь советские командиры. Голодный паек, сырые бараки, изуверские поверки, с утра до ночи орущий о «новых победах рейха» репродуктор... Все было направлено на то, чтобы сломить волю советских офицеров, заставить их стать изменниками Родины, вступить во власовскую армию. Легендарные генералы Карбышев и Тхор вели неустанную контрпропаганду. Многое знает Петр Павлович об этих замечательных людях, которые вместе с другими генералами и офицерами вели в плену неравную битву. Не сумев сломить волю заключенных Хаммельбурга, фашисты вынуждены были расформировать лагерь.

Лагеря Замостья, Хаммельбурга, Нюрнберга... Везде, как бы ни было невыносимо трудно, политрук продолжал вести свою войну с фашизмом.

— В Нюрнберге по заданию нашего подпольного комитета я должен был попасть в международный госпиталь для военнопленных Лангвассер,— вспоминает Петр Павлович.— Работе в нем мы придавали большое значение. Попасть в госпиталь было очень трудно. В Лангвассере содержались лишь раненые и больные. Пришлось выпить раствор красителя (я тогда работал в гальваническом цеху). С тяжелым отравлением немцы были вынуждены отправить меня в лазарет. После выздоровления югославским товарищам, помогавшим нашему подполью, удалось «закрепить» меня санитаром в русском блоке.

Их было много, подпольщиков. Югославский врач Иссо Нойман, доктор Вячеслав Васильевич Козьмин — русский, живший в Югославии, югославы Кристич, Николов, Мишич, работавшие санитарами (все они также были военнопленными), французы, поляки, бельгийцы — участники движения Сопротивления, американские и английские летчики — все эти люди не сложили оружия в плену и продолжали борьбу с фашизмом. В застенках Лангвассера, как и в других лагерях, ковалась боевая дружба борцов-антифашистов разных национальностей. Действия подпольщиков активизировались, когда в госпиталь был доставлен генерал Карбышев. Его влияние и авторитет, вера в победу поддерживали многих. Он становится душой подпольщиков.

...Американскому летчику становилось все хуже. Доктор Козьмин понимал, что спасение лишь в срочном переливании крови. Но где взять кровь за колючей проволокой лагерного лазарета, кто среди больных и раненых заключенных мог пожертвовать последним, что могло еще сохранить силу и жизнь?

— Может быть, у нас одна группа?

Врач обернулся. Перед ним стоял знакомый русский санитар Кошкарев. Для раздумий времени не было. Срочно взяли анализ. Группа совпадала. В последнюю минуту нашелся еще один смельчак, советский военнопленный Григорий Рябикин, пожелавший отдать свою кровь.

Через несколько дней в барак заглянул Козьмин:

— Ну, что, герой, хочешь посмотреть на человека, которого ты спас? Мы все устроили, он тебя ждет.— Врач кинул на нары форму югославского санитара.— На, замаскируйся.

Такая осторожность была вызвана необходимостью: русским строго запрещалось появляться в других бараках. Шли медленно. Кошкарев был еще очень слаб.

В центральном блоке содержались американские, французские и югославские военнопленные. На нарах, у которых они остановились, лежал забинтованный человек.

— Вот он, твой спаситель,— сказал санитар по-английски.

Раненый открыл глаза и приподнялся. С трудом прошептал слова благодарности. По его щекам текли слезы.

— Ну, брат, как дальше будешь жить? — шутливо поинтересовался Козьмин у американца.— Ведь ты у нас теперь стал наполовину русским...

...Сжав руку летчику и пожелав ему скорейшего выздоровления, Кошкарев покинул блок. Оставаться было крайне опасно. С минуты на минуту ожидалось появление охраны.

Это была их вторая и последняя встреча. В конце июля фашисты вышли на след подпольщиков. Политрука вместе с тридцатью двумя товарищами отправили в штрафные команды. И снова лагеря, колючая проволока, сырые бараки, подземелье — еще два года неравной битвы. Организация новых побегов, саботаж, сводки Совинформбюро — вот чем жил лейтенант Кошкарев.

Наступил победный сорок пятый...

Сейчас старший лейтенант запаса Кошкарев — начальник филиала 10-го автокомбината города Москвы.

— Работы хватает. Два года назад в Москву приезжал Вячеслав Васильевич Козьмин. Встретились, как родные братья. От него я и узнал имя американского летчика. Его звали Джон Дюпон. У нашего лагерного врача сохранился медицинский журнал Лангвассера.

Наша беседа с Петром Павловичем проходила в его кабинете. За окном — автопарк. Время от времени входили водители, прося подписать путевой лист.

— Хотелось бы,— говорит Петр Павлович,— встретиться с тем летчиком.

...Мы не знаем, где сейчас находится бывший американский летчик Джон Дюпон — в Неваде, Техасе или же на Аляске, рабочий он или фермер, служащий или бизнесмен. Но живет у него наверняка память о суровых годах войны, о сырых бараках Лангвассера...

НЕИСТОВЫЙ СИКЕЙРОС

Борис ПОЛЕВОЙ

Лет двадцать назад, в дни Конгресса сторонников мира, проходившего в Варшаве, мы с Назымом Хикметом глубокой ночью вернулись к себе в отель. На нашу долю в тот день выпала нелегкая задача редактировать газету конгресса, выходившую на шести языках. Многонациональная редакция ее представляла собой маленькую копию Вавилонской башни. Все говорили на своих языках, и объясняться приходилось через двойной и даже тройной перевод. Устали мы поэтому невероятно и добирались до своего жилья, еле волоча ноги.

Холл отеля был пуст. Положив голову на стойку с ключами, дремал портье, переодевшийся в мягкую домашнюю куртку и оттого потерявший всю свою торжественную официальность. Но в глубине холла светилась маленькая настольная лампа, и за столиком, утонув в кресле, сидел Илья Эренбург. Сидел, задумавшись. К нижней его губе прилипла потухшая сигарета, а на столе стояла чашка кофе и лежал какой-то толстый том.

— Что, Илья Григорьевич, устали? Не спится?

Не ответив на вопрос, он показал на лежащий перед ним альбом.

— Вот посмотрите, какой я получил сегодня подарок.

Это была роскошно изданная монография, посвященная какому-то художнику. Мы из вежливости присели, раскрыли альбом, намереваясь поскорее его пролистать и отправиться на покой, но со страниц книги хлынул на нас такой кипучий поток человеческих страстей, запечатленных в графике и живописи, что оторваться было невозможно. Мы рассматривали страницу за страницей, а Эренбург, вновь раскурив свою сигарету, улыбаясь, поглядывал на нас,— дескать, попались в плен художнику!

— Чье это? — спросил наконец Хикмет.

— Сикейроса. Мексиканца. Он делегат нашего конгресса.

Так, глубокой ночью в холле спящего отеля, впервые увидел я творения одного из величайших художников века — Давида Альфаро Сикейроса, прославленного живописца и удивительного человека.

— Мы с ним старые друзья,— сказал нам тогда Эренбург.— Познакомились случайно в Мадриде, в музее Прадо. Как раз в тот день франкисты влепили в этот музей несколько снарядов. Он был совершенно пуст в тот день, великолепный музей. Только два человека и бродили по его залам: я и какой-то коренастый, курчавый латиноамериканец в форме офицера Интербригады, на смуглом лице которого как бы запечатлелась вся трагическая история его континента. В те дни он приехал в Испанию не с кистями, а с оружием. Был отличным, храбрым, как я потом узнал, офицером, а как о художнике мне рассказал о нем Хемингуэй. Великолепный художник, не правда ли?

Я знал Эренбурга. Знал, что он весьма скуп на похвалы, на лестные характеристики. Знал и то, как он взыскателен к живописи. Из современных живописцев он по-настоящему любил Пикассо и Леже. Но монография о художнике-мексиканце явно произвела впечатление и на него. Он листал ее вместе с нами, снова и снова возвращаясь к той или иной композиции. Со страниц этой книги вставала перед нами трагическая история Латинской Америки, запечатленная страстной, кипучей, стремительной кистью на полотне, на стенах зданий, даже на куполах церквей.

Хикмет, у которого чувство прекрасного было развито в высшей степени, рассматривая репродукции, многозначительно цокал языком:

— Да, брат, это, брат, искусство. Надо нам завтра с ним познакомиться, с этим Сикейросом.

— Опоздали,— усмехнулся Эренбург, вновь зажигая потухшую сигарету.— Опоздали, он сегодня вечером улетел.— И, уже явно поддразнивая меня, заявил: — Вот вы охотитесь за настоящими людьми, а такого человека упустили. Это самый настоящий из настоящих. В дни мексиканской революции он был капитаном в войсках армии свободы, в головном отряде, а его отец — полковником в войсках диктатора. Отец и сын любили друг друга, но сражались друг против друга, отстаивая каждый свои убеждения. Сюжет?! Об этом сюжете както рассказывал мне Эйзенштейн. Он подружился с Сикейросом, когда снимал фильм о Мексике, и очень высоко его ценил.

С той ночи, которую я провел в холле варшавской гостиницы, рассматривая монографию о Сикейросе, крепко заинтересовал меня этот художник. Я изучил все, что писали о нем у нас, и все его работы, которые были репродуцированы. Но познакомиться с ним удалось лишь, когда Сикейросу присудили международную Ленинскую премию «За укрепление мира между народами» и мне по поручению Комитета привелось вылететь в Мексику на церемонию ее вручения.

Мы летели с женой, и по дороге она все время посмеивалась надо мной. Действительно, я очень волновался, будто летел на свидание с человеком, которого давно любил, знал, но с которым был надолго разлучен. Да так оно, в сущности, и было, ибо, когда речь идет о художнике или писателе, познакомиться и полюбить человека можно и заочно, читая или рассматривая его произведения.

Мексика — одна из удивительнейших стран, какие мне довелось посещать, странствуя по белу свету. В этой стране, где значительная часть населения — индейцы и негры, не ощутишь даже тени расовой розни. На площадях стоят романтические памятники вождям аборигенов континента, а в искусстве, в архитектуре, особенно в современном искусстве и архитектуре, заметно ощутимо и очень плодотворно влияние великолепных тысячелетних традиций ольмеков, майя, ацтеков и других славных племен, некогда воздвигавших на этой земле гигантские постройки и целые комплексы, умевших украшать жизнь великолепными и неповторимыми произведениями прикладного искусства. В Мексике даже базар, самый обычный базар, где продавались и овощи, и фрукты, и предметы быта, можно было часами рассматривать, как музей.

Могучая живая струя высокой народности в соединении с революционностью оплодотворила в нашем веке трех самобытных гигантов в мексиканской живописи: Хосе Клементе Ороско, Диего Риверу и, конечно же, Давида Альфаро Сикейроса, в творчестве которого эти две тенденции нашли наиболее сильное отражение.

Три художника украсили своими творениями наш беспокойный, столь богатый страшными, сокрушительными войнами и великими революциями век. Они очень различны, эти три мастера. У каждого из них свое лицо, метод, манера. Но все они, находясь в эпицентре кипения социальной и политической жизни народа, жили его жизнью, печалились его печалями и радовались его радостями. Они каждый по-своему отразили в творчестве самые острые этапы истории Мексики, от оккупации страны железными, тупыми и безжалостными ордами испанских конкистадоров, от ранних слепых и стихийных крестьянских бунтов до рабочих забастовок, до могучих классовых битв уже сегодняшних дней.

Не восприняв ни одного из модных европейских увлечений, три мексиканских мастера шли каждый своим путем, заряжая творческие аккумуляторы от народных традиций, и запечатлевали свои раздумья о прошлом и мечты о будущем. И делали они это, может быть, особенно выразительно не столько на холстах, сколько на стенах общественных зданий — начиная с клубов профсоюзных ассоциаций и социальных учреждений и кончая соборами и президентским дворцом.

И вот нам предстоит познакомиться с одним из этих мастеров, вживе ставшим легендой своего народа. Советский посол С. Т. Базаров, широко мыслящий человек, уважаемый местной интеллигенцией, давно уже дружит с этим художником. Посол сам везет нас из Мехико в маленький городок за гребнем гор, где у художника студия, в которой он сейчас работает над композицией со сложным названием «Марш человечества на Земле и в Космосе».

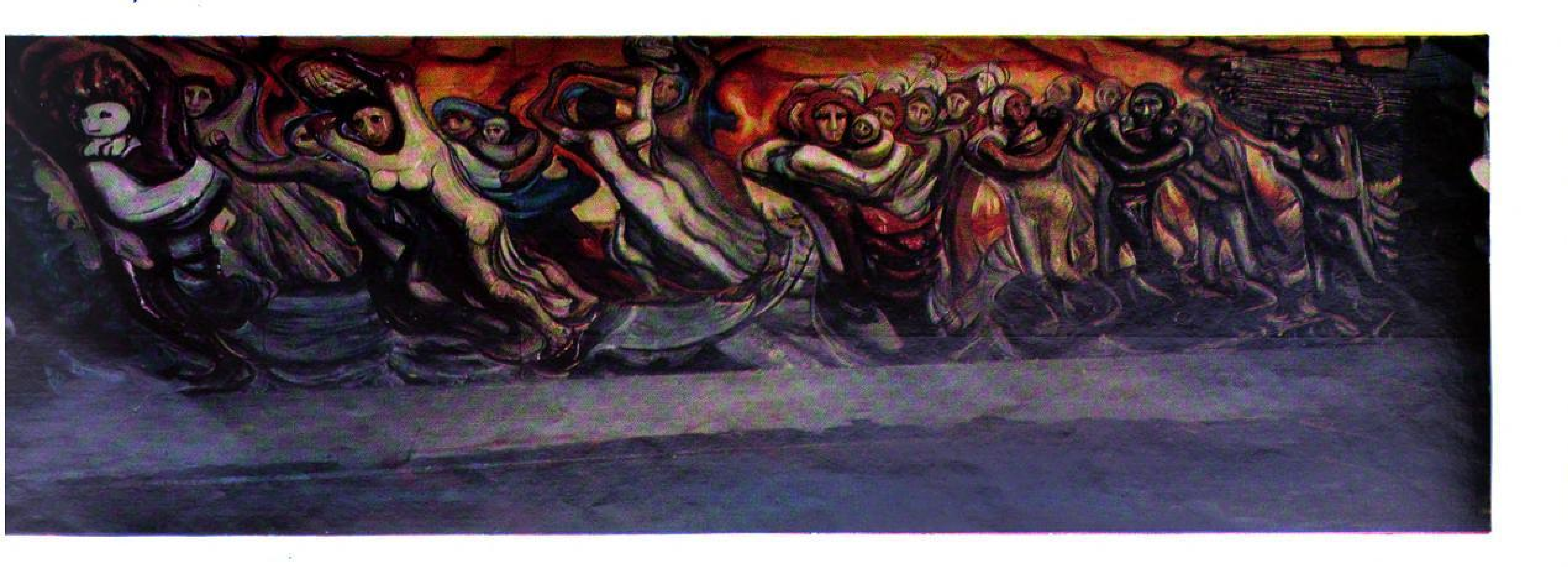
— Грандиознейшая работа, настолько большая и сложная, что даже представить ее трудно,— говорит посол, который, как оказывается, в курсе событий.— Восемь тысяч квадратных метров. Восемь тысяч! Для этой работы в Мехико строится специальное здание. Оно задумано как своеобразный мемориал Героическому Человеку. В этой стране

Отрывок из книги «Силуэты»



Д. А. Сикейрос. ПАННО ДЛЯ МЕМОРИАЛА ГЕРОИЧЕСКОМУ ЧЕЛОВЕКУ. Фрагмент.

Д. А. Сикейрос. ПАННО ДЛЯ МЕМОРИАЛА ГЕРОИЧЕСКОМУ ЧЕЛОВЕКУ. **Фрагменты.**



много отличных фресок и стенных росписей, но в таком масштабе только Сикейрос мог размахнуться.

За окном проносятся причудливые горные пейзажи. Мы высоко, машина занесла нас под облака. Становится трудно дышать, хотя горный воздух кристаллически чист и напоен ароматами альпийских трав. Посол продолжает:

— Фрески — это не то слово. Для того, чтобы обозначить то, что делает Сикейрос в искусстве, еще нет точного названия. Сам он называет это скульптоживопись. Так это дословно переводится на русский. Не фреска, не барельеф, не горельеф, а как бы все это вместе...

Сбежав с гор, машина вбегает на улочки залитого солнцем городка с особнячками испанского типа, стоящими словно бы спиной к улице, причем, как яркие разноцветные облака, через белые глухие заборы выплескиваются наружу каскады каких-то цветущих кустов и деревьев. Все это неистово благоухает под жарким, палящим солнцем. А улицы совершенно безлюдны. Мы приехали в час фиесты — послеобеденного отдыха, когда весь городок погружается в сон.

Весь городок, но не дом, у ворот которого остановилась наша машина с посольским флажком на радиаторе. За высоким забором, где находится студия художника, чувствуется интенсивная жизнь. Долетающие оттуда звуки совсем не характерны для художнического труда: стук молотков по упрямому металлу, визг пил, распиливающих сталь, а к аромату цветов примешиваются вовсе индустриальные запахи каких-то химических соединений.

Художник и его жена радушно встречают нас на пороге. На Сикейросе белое помятое сомбреро, застиранный глухой комбинезон, какие в Соединенных Штатах зовут оверолами и в каких ходят на смену рабочие. И оверол этот измазан не только красками, но и машинным маслом и ржавчиной. И руки у художника в масле и ржавчине, будто он слесарь и только что отошел от верстака. Вместо руки он подает нам локоть и добродушно извиняется: ничего не поделаешь, приехали раньше назначенного часа и застали за работой.

Его жена, маленькая, хрупкая, со смуглым, будто из бронзы отлитым лицом, ведет нас в глубь двора, в небольшой домик, в комнату, обставленную очень просто, с подчеркнутой крестьянской обстоятельностью, но в эту самую, так сказать, крестьянскую гостиную невидимые аппараты подают чистый охлажденный воздух, и после солнечного жара приятно отдыхать на застеленной ковром тахте.

На стене сразу обращает на себя внимание большая фотография, на которой запечатлен угол какого-то сельского двора, в соломе сидят молодые люди: он и она в крестьянской одежде. Оба юны, оба красивы, у обоих те же медальные профили. Что-то очень знакомое в лицах этой молодой пары.

— Это же мы с Альфаро,— улыбаясь, поясняет сеньора Сикейрос.— Мы тогда только что поженились. За ним уже гонялась полиция, и нам сразу же пришлось скрываться. Крестьянская семья укрыла нас, дала нам одежду и жилье. Вот так мы и провели свой медовый месяц.

В самом деле, вся биография мастера, столько сделавшего для родного искусства,— почти непрерывная революционная работа, перемежающаяся ссылками, изгнаниями, тюремным заключением. Юношей Сикейрос бросился в освободительную борьбу своего народа; студент художественного училища, он стал капитаном армии свободы. Теперь в его кабинете на почетном месте огромный портрет легендарного Сапаты, вожака крестьянских восстаний, который был другом художника. В начале 20-х годов Сикейрос вступил в компартию. В 1928-м впервые побывал у нас, в Советском Союзе, но не с выставкой своих произведений, а как один из вожаков профсоюзов Мексики. В тридцатых годах он президент Национальной лиги борьбы против фашизма, в 1936-м — один из командиров Интернациональной бригады в Испании.

Когда я поведал ему о том, как ночью в варшавском отеле Эренбург впервые показал мне его произведения, художник улыбнулся:

— Да, с Ильей мы познакомились в Испании. Он не был военным, нет. Но в руках его было могучее оружие — его перо. И еще трубка. Илью и Хема (так друзья называли Эрнеста Хемингуэя.— **Б. П.**) мы часто видели в окопах. Оба умели преспокойно курить свои трубки даже во время атак марокканцев.

Разговор возвращается к грандиозной работе художника, которую он выполняет со своими учениками — молодыми людьми, приехавшими к нему из семнадцати стран.

— Как родилась у вас эта грандиозная идея?

— В тюрьме, во время последнего заключения, которое было довольно долгим. Тогда я решил в финале жизни создать гимн Человеку. Среди моих тюремщиков оказался один довольно приличный малый. Он приносил мне в камеру листы картона и краски. И я там делал эскизы.— Сикейрос встает, выходит и через малое время приносит целую охапку картонных листов, которые ловко, как игрок в карты, разбрасывает по полу, да так, что они ложатся один к другому. Хитро улыбается:— А вы знаете, в тюремной одиночке очень хорошо работается. Ни телефонных звонков, ни приглашений на всякие там рауты и собрания, ни восторгов, ни хулы критиков, ни уличного шума.

Мастер смеется.

— Вам это странно слышать, не так ли?

— И вам часто приходилось работать в таких условиях? — с ноткой удивления спрашивает моя жена.

— Не очень часто, но иногда подолгу,— отвечает Сикейрос.— Ничего, сеньора, не поделаешь: живем при капитализме.

У меня даже есть арестованные картины... Да, да, арестованные и изолированные от глаз людских. Как это могло быть? Опять же, повторяю вам, сеньора, таков капитализм. Я сделал монументальную роспись здания театра Мехико. Роспись на остро социальную тему. Хозяева театра испугались. Соскрести со стены не решились — все-таки как-никак Сикейрос, но нашли соломоново решение: заказали ширмы и ширмами этими загородили картину. Так моя работа была арестована. Но, сеньора, разве можно арестовать искусство да еще в век цветной фотографии? Во множестве репродукций картина разошлась по миру, никакие ширмы не смогли ее скрыть.

Моя жена смотрит на художника, как на волшебника, сообщающего невероятные вещи, и это удивление, по-видимому, льстит ему.

— А в Соединенных Штатах, в Лос-Анджелесе, один мультимиллионер, человек тщеславный и глупый, заказал мне расписать парадную залу своего дома. Согласовали тему — тропическая Америка. Но я поставил ему условие, что до окончания работы он не будет приставать ко мне ни с советами, ни с критикой. И он действительно не приставал, он даже и не знал, что я там пишу, ибо находился в своем оффисе в Нью-Йорке... Тропическая Америка! Он воображал, что я изображу ему экзотическую зелень, крокодилов, цветы, обнаженных бронзовых женщин. Как бы не так! На фоне богатейшей природы я нарисовал ему в виде Иисуса Христа распятого на кресте индейца. А наверху, на крест, посадил американского орла. Того самого, которым они украшают свои доллары. У заказчика этого хватило ума не поднимать шума и не подавать в суд, не вступать в конфликт с искусством. А соскребать фреску было жалко: как-никак уплачены деньги, и немалые. Тоже картину арестовали — заказали шикарную ширму и заставили ею картину. Вот какие вещи случаются у нас, дорогая сеньора!

Из маленького жилого домика переходим в большие, как ангар, помещения, где не сразу, а по частям, так сказать, по блокам, ибо это индустриальное название в данном случае вполне уместно, создается композиция. Тут выясняется, почему из мастерской художника доносятся заводские шумы. Юноши всех цветов кожи — белые, желтые, коричневые, черные,— ученики Сикейроса, приехавшие к нему из разных стран, трудятся над гигантскими человеческими фигурами, монтируют стальные рельефы, выкладывают мозаики из весьма увесистых камней, рисуют. В соседнем помещении из металла выковывают эти рельефы, подгоняют их. В отдельной комнате варят специальные краски,— по собственному рецепту мастера.

Сейчас обеденный перерыв. Помещение пусто, но со всех сторон нас окружают человеческие фигуры, как бы влекомые одним могучим потоком. Сотни фигур и ни одной в состоянии покоя. И, как тогда ночью, в варшавском отеле, я словно бы оказываюсь окруженным всеми страстями человеческими: ужасом, торжеством, радостью, горем,— и все это словно бы несется в общем потоке из седой древности в нашу эпоху ракет и луноходов.

Иные фигуры в этой как бы сотворенной средствами изобразительного искусства «человеческой комедии» кажутся знакомыми. Ну да, это палач и диктатор Мексики генерал Диас, против которого когда-то сражался студент художественного училища Альфаро Сикейрос, это вожди мексиканской революции Сапата и Вилья, это любимые художники мексиканского народа Ривера и Ороско. Человечество движется в этом непрерывном потоке, движется от глухого ропота к освобождению, через кровь войн, через крах надежд. И хотя мы видим лишь часть этой грандиозной работы, чувствуется, как художник, ненавидя вековечную эксплуатацию, страстно изобличает мир капитализма. Несмотря на драматизм воспроизведенных сюжетов, образное решение грандиозной темы лишено трагического звучания. Наоборот, вся борьба страстей воспринимается как апофеоз человеческой силы.

Чувствую, что, вернувшись домой, трудно будет рассказать о масштабах грандиозной этой работы, и поэтому мы фотографируем один из фрагментов.

Перед прощанием оговариваем детали процедуры вручения Ленинской премии. Мастер начинает волноваться. Он говорит, что всегда считал Ленина величайшим человеком на земле и что нет большей чести, чем прижать к сердцу знак с его изображением.

— Этот знак я буду носить всегда. Что же касается денежной части моей премии, я переведу ее народу борющегося Вьетнама. Я все время жалею, что уже в том возрасте, когда трудно носить оружие. Я не могу поехать во Вьетнам, как когда-то поехал в Испанию в качестве боевого офицера. Пусть моя премия поможет вьетнамцам воевать.

И когда машина трогается, Сикейрос стоит в воротах виллы, обняв жену, и машет нам вслед своим белым измятым крестьянским сомбреро.

В горы мы въезжаем уже затемно. Ночь в этих краях надвигается без сумерек — просто солнце скрывается за хребтом, и тьма накрывает разом и горы, и землю, и улицы душистого городка. Только еще неистовее начинают благоухать цветы.

Машина снова разматывает крутые извилины горного серпантина, но мы уже не видим ни склонов, одетых голубоватыми соснами, ни обрывов, ни горных рек. Темно. Совершенно темно.

В темноте как-то особенно хорошо думается. За несколько дней, которые мы с женой провели в Мексике, нам удалось немало повидать. Видели великолепные музеи древнего и современного искусств. Видели ацтекские пирамиды — гигантские ритуальные комплексы, построенные в сухой степи словно бы космическими пришельцами и донесшие до нас ритм и прелесть древнего доиспанского искусства здешних краев. С друзьями бродили ночами по улицам Мехико. Подолгу стаивали на площадях, где дюжие парни в сомбреро, с гитарами в руках щедро угощали всех, кто хотел слушать, и музыкой и пляской. Целый день провели в выставочном зале университета, где в ту пору экспонировался, как говорилось в проспекте, «весь Сикейрос». Через окно этого зала любовались первым экспериментом мастера в области «скульптоживописи» — огромным, многоцветным рельефом, созданным на тему «Народ университету, университет народу»...

И когда вдруг из-за какого-то поворота дороги открылся внизу, вдали мерцающий океан огней Мехико, достигающий горизонта, както сам собой вдруг пришел главный вывод из всего виденного и слышанного. Интереснейшая страна. Интереснейшая культура. Интересные люди. И все-таки самым интересным из всего того, с чем мы здесь встретились, был Давид Альфаро Сикейрос, неистовый Альфаро, как зовут его друзья. И я решил, что завтра так и скажу, официально поздравляя с трибуны нового лауреата Ленинской премии мира.

Иван БОЧАРОВ

ИТАЛИЯ: ПАУТИНА НЕОФАШИЗМА



В Италии рвутся бомбы. Рвутся под колесами пассажирских экспрессов и у опор высоковольтных линий, в книжных магазинах и в банковских конторах, на тротуарах и в подъездах жилых домов...

Самым ужасным был взрыв в здании сельскохозяйственного банка в Милане 12 декабря 1969 года, разнесший в клочья шестнадцать человек. Самое безумное преступление замышлялось в апреле этого года в экспрессе Турин—Рим: если бы детонатор не сработал преждевременно в руках террориста, вырвав ему бок, то бомба взорвалась бы во время прохождения поезда по многокилометровому железнодорожному туннелю, вызвала бы обвалы и гибель всех пассажиров — более тысячи мужчин, женщин, детей. Самое кровавое злодеяние было совершено в Милане 17 мая во время церемонии открытия памятника полицейскому комиссару Луиджи Калабрези, когда в толпу присутствующих была брошена бомба, ранившая более пятидесяти человек, четверых из них — смертельно.

Динамитный террор в Италии сейчас называют «трама нера» — «черный заговор», поскольку следы этих кровавых преступлений ведут к наследникам чернорубашечников — современным итальянским неофашистам, которые выступают под самыми разными вывесками. Помимо неофашистской партии, существующей в стране с 1946 года под названием Итальянское социальное движение (ИСД), в Италии действуют десятки других формирований, которые в той или иной форме своим символом веры провозглашают итальянский фашизм или германский нацизм: Национальный авангард, Новый порядок, Отряды действия Муссолини, Преторианская гвардия, Кавалеры нации, Объединенный антикоммунистический фронт, Черные каски, Зеленые рубашки, Черные орлы, Белая гвардия и т. д. и т. п. Лидеры ИСД все эти организации объявляют независимыми, «дикими», неподконтрольными Итальянскому социальному движению. Это очень удобная ширма для последышей Муссолини: как только кто-либо из неофашистов попадается с поличным, закладывая динамит в вагон пассажирского поезда или бросая бомбу в толпу демонстрантов, штаб ИСД тут же объявляет его принадлежащим к одной из «диких» организаций, чтобы сохранить за собой реноме респектабельной парламентской партии.

Но что же представляет собою партия, именующая себя Итальянским социальным движением? Прежде всего нужно подчеркнуть, что партия эта воссоздана вопреки духу и букве конституции Итальянской Республики, которая ясно и недвусмысленно провозглашает: «Запрещается восстановление, в какой бы то ни было форме, распущенной фашистской партии».

Но такие организации все же существуют в сегодняшней Италии, существуют и активно действуют. Говорят, что странная терпимость к наследникам Муссолини в течение всех послевоенных лет объяснялась тем, что в наименовании партии «Итальянское социальное движение» отсутствует слово «фашизм», что не дает формального основания обвинить неофашистов в нарушении конституции, обвинить их в том, что они фашисты.

Так ли это?

Обратимся к фактам. Нынешний секретарь ИСД Джорджо Альмиранте однажды прямо дал ответ на этот вопрос, заявив, что слово «фашист» у него написано на лбу. По другому случаю он также недвусмысленно провозгласил: «Мы были и остаемся фашистами, над нами веет дух великого человека, гиганта мировой истории, каким был Бенито Муссолини».

Другой видный лидер неофашистов, Франц Турки, говорил:

«Я утверждаю, что Италия, подлинная Италия, осиротела с его, Муссолини, гибелью... Никогда никто не в состоянии будет до конца понять, какое несчастье принесла нам Его смерть, как недостает Его нам, нам, которые осмелились унаследовать Его доктрину. Мы, как итальянцы и фашисты, никогда не были Его апологетами, мы только следовали за Ним, верили Ему и продолжаем верить».

«Мы должны бороться до конца,— заявлял, в свою очередь, депутат парламента от неофашистской партии Куччо,— не забывая, что Муссолини из глубины святой могилы в Предаппио нам неустанно повторяет: против этой бесполезной и лживой демократии, за триумф фашистской идеи нужно действовать, сражаться и, если нужно, умирать».

Ответы, кажется, достаточно красноречивые. Но дело не только в провокационных заявлениях неофашистов, которые на каждом углу афишируют свою общность, свое родство с партией и человеком, приведшим Италию к катастрофе.

Неофашисты, как уже говорилось, не только словом, но и делом подписываются под заветами Муссолини. Об этом свидетельствует повседневная хроника итальянской политической жизни, стратегия террора, разработанная и претворяемая в жизнь современными адептами Муссолини, чтобы проложить себе дорогу к власти.

Известно, что недавно умерший генерал Де Лоренцо, возглавлявший заговор 1964 года против нынешнего парламентского строя Италии, был связан с неофашистами. На выборах 1972 года Де Лоренцо баллотировался в парламент от неофашистской партии и демонстративно принимал участие в политических манифестациях рядом с Альмиранте и другими лидерами Итальянского социального движения. Тесно связан с ИСД и глава последнего раскрытого в Италии реакционного заговора фашистский головорез князь Боргезе. Итальянский еженедельник «Эспрессо», полемизируя с правой печатью, которая усматривала в заговоре князя Боргезе лишь действия изолированных одиночек-авантюристов, писал: «Сейчас пытаются протащить тезис, будто этой опасной подрывной гимнастикой занимались немногие и неосторожные фанатики. Но за спиной Валерио Боргезе и его жалких «приятелей» проглядывают лица людей, которые никогда не скрывали своего намерения ликвидировать демократические институты и способствовать с помощью провокационных действий решительному сдвигу вправо всей итальянской политики».

И далее этот же еженедельник указывал: «Элементы, способствующие организации подрывных действий, не меняются. И если мы углубим расследование, то легко обнаружим, что не очень меняются также люди и силы, использующие свое время, свои деньги и свое влияние для того, чтобы создать обстановку, в которой нашу страну можно было бы толкнуть в «сильные и надежные» руки. В руки людей, всегда готовых на авантюры, дилетантов и профессионалов».

...Мне неоднократно приходилось быть свидетелем предвыборных кампаний в Риме. Нужно сказать, что человеку, не искушенному в вопросах расстановки политических сил в Италии, попади он в Рим в такое время, вообще может показаться, что самая влиятельная партия в стране — это MSI (Movimento Sociale Italiano — Итальянское социальное движение), имеющая своей эмблемой бело-зелено-красное — по цвету национального флага — пламя. И действительно, трехцветные языки пламени, на фоне которого вырисовывается зловещий облик MSI, преследуют итальянского избирателя на каждом шагу.

Афишами MSI в такие дни сплошь оклеены стены домов, плакаты с эмблемой этой партии перехлестывают улицы, проголосовать за MSI настойчиво внушают с небес, где кружат самолеты или вертолеты, таскающие за собой хвосты с теми же тремя буквами — MSI.

Тротуары покрыты сугробами неофашистской литературы: листовками, брошюрами, пачками газет и журналов. А по улицам носятся машины, в которых сидят подозрительные субъекты с помятыми физиономиями, под звуки воинственных маршей выкрикивающие избирательные лозунги и выбрасывающие на тротуары новые порции листовок. О размахе неофашистской пропаганды во время предвыборных кампаний красноречиво говорит, например, тот факт, что эта партия на муниципальных выборах в Риме затратила на пропаганду гораздо больше средств, чем все остальные партии, вместе взятые, включая правящую христианско-демократическую партию.

Столь же массированным было финансирование неофашистов на политических выборах 1972 года. Это дало возможность партии апологетов «дуче» увеличить количество поданных за них голосов почти вдвое.

Целый ряд причин объясняет этот тревожный рост влияния неофашистской партии. Сыграли свою роль, конечно, щедрые подачки итальянского капитала и черно-красной аристократии в лице крупнейшего итальянского нефтепромышленника Монти, неаполитанского судовладельца Лауро, цементного короля и банковского воротилы Пезенти, князя Торлония, герцога Каэтани и т. д., а также финансирование из иностранных источников. Для проведения избирательной кампании 1972 года неофашисты располагали колоссальной суммой в 3 миллиарда лир.



Вот они, кровавые дела итальянских неофашистов.

Но главное, чем объясняется рост влияния ИСД в Италии, — это кризис политики христианских демократов, партии, на которую в послевоенное время сделала основную ставку итальянская буржуазия. Оказалось, что христианские демократы не в состоянии сдержать дальнейший рост силы и влияния коммунистической партии, помешать развитию рабочего движения, которое постепенно ликвидирует внесенный после войны в его ряды раскол и набирает невиданную ранее силу. Поэтому, разочарованные результатами политики христианских демократов, определенные группировки правящего класса Италии теперь более активно обращаются к традиционным ударным силам резерва итальянской реакции.

С другой стороны, фашизм ищет поддержку и среди мелкой и средней буржуазии, страдающей от гнета крупного капитала, а также среди деклассированных элементов, не могущих найти себе применения в Италии, в частности среди безработного, пораженного язвой эмиграции Юга. Бедняцкие массы Юга, особенно наименее подготовленные в политическом отношении слои, разуверившиеся в демагогических избирательных лозунгах буржуазных партий, легко становятся восприимчивыми к столь же демагогическим приемам неофашистской пропаганды, обвиняющей в упадке Юга не капитализм, а действующую в стране парламентскую многопартийную систему. Реакционные партикуляристские мятежи, которые имели место в последние годы в Реджо-Калабрии и Аквиле, показали, насколько опасна по своим последствиям политика, обрекающая Юг на медленное умирание и делающая из него заповедное поле для маневров авантюристов Итальянского социального движения и правых группировок внутри самой правящей партии.

Итак, размахивая на индустриальном Севере перед носом крупной буржуазии знаменем «твердого порядка» и борьбы против «забастовочной мании», неофашизм мгновенно преображается, меняя свою черную окраску на розовато-красную, как только он предстает перед аудиторией другого типа — перед социальными слоями, являющимися объектом эксплуатации той же монополистической буржуазии Севера. Здесь наследниками «дуче» используется другой язык, язык реакционной демагогии, чтобы направить в ложное русло протест масс против своего бедственного состояния.

Такова социальная мимикрия неофашизма. В период предвыборной кампании 1972 года Джорджо Альмиранте во всеуслышание заявил: через год мы будем либо у власти, либо в траншеях. Результаты выборов, несмотря на явный успех неофашистов, получивших 8,7 процента голосов, показали, что их надежды на приход к власти легальным путем очень далеки от осуществления. Резко усилившийся после этого террор в стране ясно говорил о том, что Альмиранте и его друзья спустились в траншеи и стремятся воссоздать в Италии атмосферу гражданской войны.

Но времена в Италии изменились. Если после взрывов на площади Фонтана в Милане понадобились долгие месяцы и даже годы, чтобы уличить в причастности к ним неофашистов, то неудавшийся террористический акт в экспрессе Турин—Рим сразу же был квалифицирован как акция ИСД. Ее исполнитель, 22-летний молодчик из неофашистской партии Нико Адзи, был хорошо знаком полиции как профессиональный налетчик и громила из отряда неофашистских штурмовиков, имеющих свой центр на площади Сан-Бабила в Милане. После ареста Нико Адзи прямо заявил, что он фашист и что его идеалом являются «доблестные эсэсовцы». Устройство взрыва на переполненном людьми поезде он объявил собственной инициативой, но опять же попался с поличным, когда попытался передать из тюремной больницы письмо своим сообщникам. В письме, перехваченном полицией, он сокрушался по поводу неудачи и тяжелых возможных последствий этого для слета неофашистских головорезов, который через несколько дней должен был состояться в Милане. На последующих допросах преступник признал, что его террористическая акция должна была подготовить условия для установления в Италии военного режима.

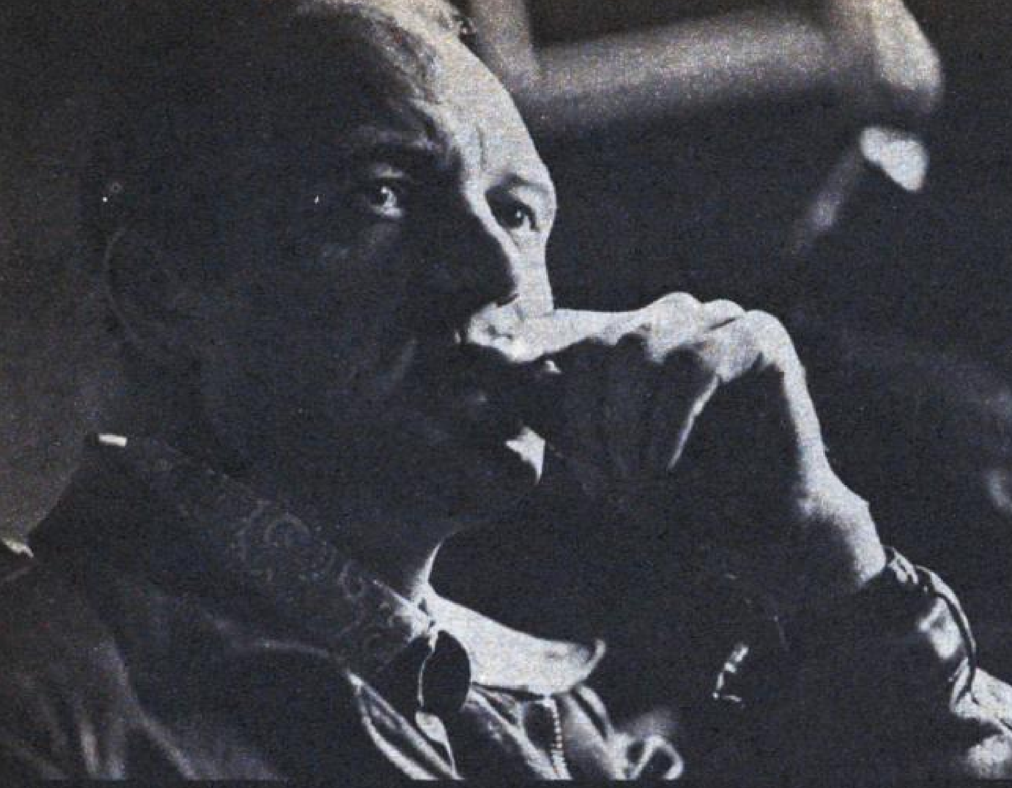
В этой обстановке власти сочли необходимым запретить слет чернорубашечников. Тогда съехавшиеся уже со всех концов Италии активисты ИСД двинулись к миланской префектуре, чтобы выразить «протест» против решения властей. Путь им преградила полиция. Завязались стычки, из рядов сторонников «твердого порядка» в стражей порядка полетели бомбы. Взрывом был убит наповал один из полицейских. Руководители ИСД снова попытались было объявить преступление делом рук своих «диких» коллег, но теперь этим уже никого нельзя было ввести в заблуждение. Материалом обвинения стали фотоснимки, опубликованные в газетах, на которых главари ИСД шествовали в обнимку с молодчиками, обвиняемыми в убийстве полицейского...

Прижатые к стенке неопровержимыми уликами, неофашистские заправилы тогда, видимо, и решились прибегнуть к новой провокации, чтобы отвести от себя удар. Иначе трудно объяснить поведение исполнителя террористического акта на открытии памятника Луиджи Калабрези, выступившего в роли своеобразного камикадзе. Он швырнул бомбу на глазах десятков людей и дал себя схватить, объявив себя «индивидуальным анархистом», последователем батьки Махно. В пользу версии о жесте озлобленного одиночки-параноика, казалось, говорило и то, что Джанфранко Бертоли — так зовут террориста — только что прибыл в Италию после нескольких лет пребывания за рубежом, откуда он ни с кем в Италии якобы не поддерживал никаких связей. Однако этой версии было суждено продержаться всего несколько часов. Печать сразу же сообщила, что Бертоли до отъезда за рубеж был связан с неофашистами.

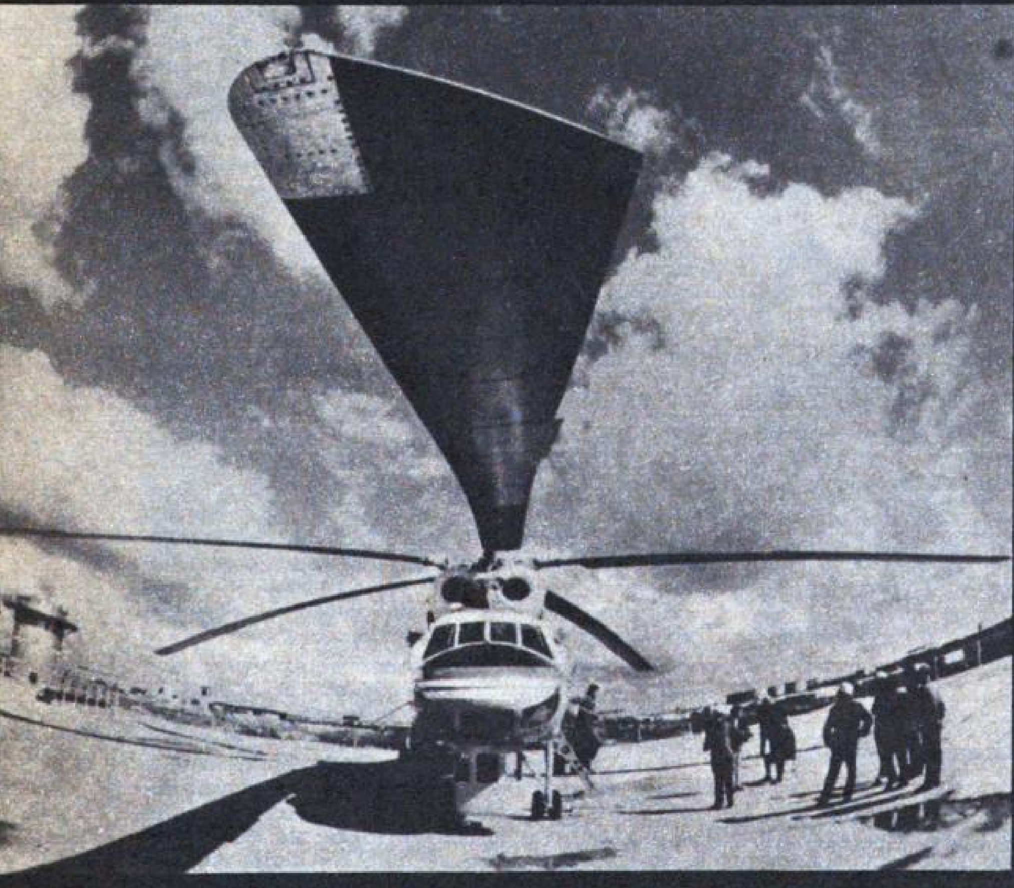
Последние преступления фашизма переполнили чашу народного терпения. По всей стране прокатились многомиллионные выступления трудящихся с требованием покончить с неофашистским террором и устранить с политической арены партию последователей Муссолини, само существование которой оскорбляет антифашистскую совесть абсолютного большинства итальянского народа. Были проведены парламентские дебаты о неконституционности Итальянского социального движения. Против Джорджо Альмиранте и его подручных возбуждены дела по обвинению в незаконном возрождении запрещенной фашистской партии.

Итальянский народ полон решимости преградить путь неофашизму.

ОПЕРАЦИЯ В-3



Юрию Пелевину приходилось сидеть за штурвалами всех отечественных вертолетов.



Вот он, вертолет-кран!

Сергей Иванович Кукушкин: «Работать можно».







Прораб Ф. М. Плотников и руководитель вертолетной бригады, ведущий инженер по летным испытаниям вертолетов Н. А. Генов.

Лев ШЕРСТЕННИКОВ

Фото автора.

Пристроился я удобно. Справа и слева — летчики: первый — Юрий Пелевин и второй — Володя Ястребов. Прямо передо мной огромная овальная дыра — люк. Если я вздумаю вертеться, то сквозь люк могу свалиться в нижнюю кабину, прямо на плечи сидящего там еще одного летчика — Гургена Карапетяна. Это не входит в мои планы, тем более что Гурген летает с открытыми «форточками»: так лучше видно.

— Готовы! — спрашивают снаружи. Это Генов — руководитель бригады.

— Готовы,— бросает Гурген.

— Можно, Петрович! — Пелевин, летящий сегодня командиром корабля, обращается к бортинженеру. Петрович, сидящий на третьем, заднем кресле, кивает и что-то говорит. Но разобрать слова уже невозможно. Рев двигателей забивает голоса.

Несколько кругов пробежит секундная стрелка — и деталь точно встанет на место.

Мы медленно поднимаемся и зависаем метрах в десяти над землей. Теперь сквозь люк и «форточки» мне отлично виден конец троса, спущенного из брюха машины. Из-за левого ботинка Гургена выплывает огромный жбан без дна — царга. На ее верху два монтажника. Они ловко перехватывают наш трос, цепляют его к тросам, укрепленным на царге, и, спустившись по лесенке, исчезают из поля зрения. Машина медленно поднимается, выбирая слабину троса, и вздрагивает, натянув его до конца. Двигатели завывают еще натужнее, и кажется, что людям передается напряжение машины, силящейся оторвать от земли железяку весом почти в девять тонн...

Челябинский трест «Востокметаллургмонтаж» получил задание: в третьем волочильном цехе Синарского трубного завода установить скрубберы — аппараты для очистки воздуха. Конечно, это задание не представляло бы особой сложности, если бы... Если бы не одна деталь: цех уже был готов и покрыт крышей. И как раз в центре его предстояло возвести четыре скруббера, четыре стальные колонны, каждая высотой 45 метров и весом около ста тонн. Опыт и реальные возможности диктовали: разобрать часть кровли, стены цеха, установить кран, смонтировать скрубберы и удалиться, предоставив строителям залатывать нанесенные разрушения. Да, таковы реальные возможности... А были еще и нереальные — так казалось сначала большинству специалистов. Именно на основе этих «нереальных», «прожектерских», «почти фантастических» возможностей возникла и была проведена операция, не имевшая прецедента в монтажной практике и получившая название «ОПЕРАЦИЯ В-3».

...В тот неяркий февральский день челябинцы были поражены необычайной процессией, которая двигалась по улицам города к шоссе, ведущему на Свердловск. Впереди шел автомобиль ГАИ. Его громкоговорители вновь и вновь разносили: «ОПАСНО! ТРАНСПОРТИРУЕТСЯ НЕГАБАРИТ. СЪЕХАТЬ С ДОРОГИ. ОСТАНОВИТЬСЯ!» За автомобилем ГАИ шла радиостанция, которая обеспечивала связь колонны с Челябинском и пунктом назначения — участком строительства в Каменске-Уральском. Далее следовали машины техпомощи и пескоразбрасыватель. За ними — юркий синий «Москвич» начальника колонны. И, наконец, громадина-автопоезд, длиною в тридцать один метр. На дышле-трубе, одним концом укрепленной на тягаче, а вторым — на задней тележке, словно огромная муфта, была нанизана строенная секция скруббера, диаметр которой перекрывал чуть не все шоссе. Между машинами колонны непрерывно поддерживалась радиосвязь.

— Первый, первый, я — третий. Впереди скользкая дорога,— предупреждал начальник колонны, главный механик треста Владимир Александрович Гах. — Снизить скорость.

И водитель тягача В. Х. Розэ потихоньку сбавлял газ. А за стеклами кабины уже начинали густеть сумерки. Возле поселка Тюбук, на половине дороги — сто пятом километре,— предстояло свернуть на грейдер. Включили фары. В их лучах поблескивали редкие снежинки. Чуть снизив скорость, колонна двигалась по грейдеру. И остановилась перед мостом. А при съезде с него дорога резко уходила вправо. В этом была и сложность и опасность.

Розэ вывел машину на мост и стал выворачивать руль. Но ширина подсыпанного дорожниками полотна оказалась недостаточной. При выполнении маневра колеса задней тележки нависли над обрывом. Гидравлика, предназначенная для резкого поворота этих колес, не выдержала мороза — лопнули шланги. Лучше всего было бы остановить колонну на ночь, а утром двинуться дальше. Но автопоезд плотно закупорил дорогу — ждать нельзя. Что делать? Прикидывались разные варианты и тут же отвергались — слишком велика опасность опрокинуть поезд в реку. Решающее слово — за водителем. Всегда спокойный и молчаливый Розэ подождал, пока выскажутся начальники, поплевал на руки и сел за руль. Маневр был выполнен почти с ювелирной точностью — колеса вернулись на проезжую часть.

За первым поворотом сразу же последовал второй, не менее крутой. Даже усыпанная песком дорога не держала машины, под колеса приходилось подбрасывать шпалы. Но миновали и этот поворот и еще с десяток не менее сложных мест, пока наконец автопоезд не остановился перед воротами завода.

...Уже прошла весна и начали пылить дороги, когда последний блок доставили на строительную площадку. Первый этап «операции В-3», сформулированный «Транспортировка сверхнегабаритных и длинномерных конструкций», благополучно завершился.

Летчиков не удивишь сложностью заданий. Но когда они увидели большую площадь, сплошь уставленную гигантскими металлическими стаканами, то ахнули: «Ого! Ну и работку нам подвалили». Одно дело — представлять все это по чертежам и цифрам, другое — увидеть в натуре.

Вертолет «МИ-10К» — красивая серо-голубая машина. На площадку его собрата «МИ-10», укрепленную меж высоких стоек шасси, свободно въезжал автобус. У десятого К — короткие ноги, ровно такие, какие необходимы, чтобы под фюзеляжем поместилась крохотная вторая кабина — монтажная. Индекс «К» означает — вертолет-кран. В центре днища фюзеляжа — люк. Над ним сооружение, напоминающее пирамидку из кольев над костром, на которую вешают котелок. Но эта пирамидка, или, как ее называют, «паук», способна удержать многие тонны. Несколько лет назад был установлен рекорд грузоподъемности для вертолета — двадцать пять тонн. Но одно дело — компактный груз, умещающийся внутри вертолета, благоприятный режим полета. Другое — когда весь груз снаружи, и к тому же его приходится долго держать в неподвижности. Это требует самого интенсивного режима работы двигателей. Кроме того, с каждым новым узлом росла высота, и монтажники действовали на очень узких площадках. Ураганный ветер, поднимаемый лопастями, пытался сдуть человека. И нужны были здесь немалые выдержка и ловкость.

Когда я приехал на площадку, скрубберы уже возвышались над крышей на две трети своего роста. Главный механик треста Владимир Александрович Гах, инициатор и руководитель всей операции, влюбленно смотрел на них и повторял:

— Какие красавцы! Поверить трудно, что все это соорудил вертолет!

Бригадир Сергей Иванович Кукушкин вместо обычной монтажной каски натянул на голову шлемофон. Его ребята, монтажники, уже взбираются наверх. Звучит радиооповещение: всем посторонним отойти в безопасные места. На площадке ревет вертолет. И вот из-за обреза крыши он появляется со своей ношей. Медленно приближается громадная стрекоза с подвешенной к ней консервной «банкой». Както начинаешь сомневаться в точности расчетов, когда эта «банка» — девятитонная царга — повисает над тобой. А ну как трос тонок? От вихря винтов вибрируют щиты, которыми прикрыт стеклянный фонарь цеха. Каково же там, наверху, где стоят монтажники? Царга слегка раскачивается и медленно поворачивается вокруг оси. Командир корабля должен подвести машину к объекту. Теперь управление передается в нижнюю кабину. И задача Гургена Карапетяна — «раскачивать» вертолет в такт раскачиванию груза, погасив таким образом колебания. Но это лишь одна из задач. Еще нужно строго удерживать вертолет относительно ориентира на земле и грузом точно попасть в ловушку — специально приваренные трубы, расходящиеся конусом над местом установки. А главное, ни на секунду нельзя забывать, что под твоим грузом люди. И одного неверного движения будет достаточно, чтобы смести их с высоты... В лексиконе бригадира, корректирующего летчика-монтажника, сейчас всего четыре слова: «вира», «майна», «стоп», «хорошо». Только по его команде летчик разомкнет электрозамок, поддерживающий трос. Царга уже зависла над ловушкой. Летчик гасит колебания, сажая ее в ловушку. Затем приподнимает царгу и ждет, пока монтажники направят ее точно, с отклонениями в миллиметры. И вот вертолет уже бросил трос и возвращается на свой бетонный квадрат...

Спускаются монтажники, сразу закуривают, смеются. Кукушкин стягивает шлемофон.

— Вначале было не по себе,— признается он.— Пришел вертолет, мы только руками развели: хороша махина, а каково будет под ней? А теперь...— Сергей Иванович выразительно посмотрел на возвышающиеся колонны.— Работать можно...

Так проходила вторая часть «операции В-3». Когда я покидал площадку, работа уже подходила к концу. И уже было ясно, что впервые столь широко использованные возможности вертолетного монтажа — это эксперимент, который сулит обширные перспективы развития летно-монтажных работ. Пока еще нет такой специальности — летчик-монтажник, но не появится ли она завтра? И тогда винтокрылые машины станут привычной деталью строительных площадок.



Джон Окай, поэт. Гана. Президент Ассоциации писателей Ганы.



Махмуд Дервиш, поэт, член правления СП Палестины. Палестина

ДЕЛЕГАТЫ

Большой успех сопутствовал конференции писателей стран Азии и Африки, которая недавно проходила в Алма-Ате. По окончании этой конференции поэты стран Азии и Африки провели творческий симпозиум в Ереване. Многие участники этого симпозиума — постоянные авторы нашего журнала, и поэтому в канун отъезда в свои страны они посетили редакцию «Огонька».

Не надо было им задавать вопросы об их алма-атинских и ереванских впечатлениях. Это было видно по их радостным лицам, выступлениям на встрече и, главное, по творческим планам, которые несли заряд интернационализма, солидарности с Советским Союзом в общей борьбе за мир, справедливость и свободу.

Высокую оценку конференции в Алма-Ате и симпозиуму в Ереване дал гаитянский поэт Жан Брие́р.

У нас в гостях побывали руководители Союза писателей Народно-Демократической Республики Йемен Абдалла Фадель Фариа и Абдалла Маллахи, которых сопровождал корреспондент газеты «14 октября» Халиль Абдул Азиз. Гости — участники алма-атинского форума заявили, что итоги конференции писателей Азии и Африки свидетельствуют о большом успехе этой международной встречи. Отдав должное конструктивному вкладу в конференцию советских писателей, они высказались за развитие самых тесных контактов между союзами писателей НДРЙ и СССР.



Кларисс Андриамампандри Рацифандрихаманана, поэтесса. Малагасийская Республика.



Фернандо Коста де Андраде, поэт. Ангола.



Жан Бриер, поэт. Сенегал.



Гауссу Диавара (Мали), поэт, переводчик, драматург.



Хосе Гарсиа Вилья, поэт. Филиппины.



Кармен Гьерреро Накпиль. Филиппины. Вице-президент Общества филиппино-советской дружбы.



Ленри Петерс, писатель. Гамбия.



Муин Бсису, поэт. Палестина.

АЛМА-АТЫ В «ОГОНЬКЕ»

Фото Б. Кузьмина.

Ангольский поэт Коста де Андраде отметил, что он является представителем страны, в которой многие прогрессивные поэты сидят в тюрьмах, но не прекращают своей работы. Наш народ любит поэзию, хорошо знает стихи своих соотечественников, а также поэтов других стран. Он любит произведения присутствующего здесь палестинского поэта Махмуда Дервиша и покорен поэзией Владимира Маяковского.

По мнению малийского поэта Гауссу Диавара, конференция в Алма-Ате и симпозиум в Ереване имеют историческое значение как в общественно-политическом отношении, так и литературном. В этом, подчеркнул Гауссу Диавара, большая заслуга советских литераторов. Далее он сказал: «Я очень рад, что побывал в Советском Союзе. И даже если меня не станет, то здесь около моего сердца люди прочтут написанное золотыми буквами слово «Россия».

Президент Ассоциации писателей Ганы Джон Окай, бывший студент Литературного института имени Горького, давая высокую оценку движению солидарности стран Азии и Африки, отметил, что сейчас в Гане появляется много молодых талантливых поэтов и прозаиков.

Филиппинский поэт Хосе Гарсиа Вилья сказал, что он получил двойное удовольствие, побывав на конференции и симпозиуме и главное — в Советском Союзе. «Это,— отметил он,— для меня одно из самых замечательных путешествий...»

Темпераментная поэтесса из Малагасийской Республики Кларисс Р. гневно бичевала западную пропаганду, которая извращает жизнь в Советском Союзе. «Увидев все своими глазами,— сказала она,— я убедилась в том, что здесь все принадлежит народу и все доступно для всех. Мне было очень радостно узнать, что в Советском Союзе знают нашу литературу». Кларисс Р. закончила свое выступление здравицами:

Да здравствует Советский Союз!

Да здравствуют советские писатели!

Да здравствуют литературы стран Азии и Африки!

На встрече также присутствовали филиппинская общественная деятельница Кармен Гьерреро Накпиль, поэт из Гамбии Ленри Петерс, палестинский поэт Муин Бсису.

Гости нашего журнала обещали тесно сотрудничать с «Огоньком» и просили передать самые горячие слова благодарности добрым и отзывчивым читателям — советским братьям и сестрам, пожелали им больших успехов и радостей на ниве созидательного труда и в борьбе за мир и лучшие идеалы человечества.

Н. ПАСТУХОВ



Простые люди Америки и Африки смотрят на зрителей с многочисленных картин американского художника Элтона Фокса, который известен также и своими книгами об изобразительном искусстве. В последние годы география его творчества расширилась: две поездки по Советскому Союзу вдохновили художника на создание картин, рассказывающих о нашей стране. На днях Элтон Фокс посетил редакцию «Огонька» и подарил ей несколько своих последних работ, с которыми в ближайшее время смогут познакомиться читатели нашего журнала.



Б. СМИРНОВ

Фото Э. ЭТТИНГЕРА.

СВЕТ В ГОРАХ

Собираясь в эту командировку, я по привычке положил в сумку электробритву и дорожный электрокипятильник. Потом вдруг спохватился: ведь там, куда предстоит ехать, нет электричества! Даже не верилось, что такие места еще существуют. В маленьком поселке Сиреники на Чукотке, в избе якутских охотников, в оренбургском степном колхозе и в свайном поселке морских нефтяников я щелкал по вечерам выключателем и, словно должное, воспринимал сияние лампочки под потолком. А как же иначе? Огромные ГЭС, скромные теплостанции, передвижные энергопоезда стали такими же обязательными «деталями» быта, как школа или больница, а линии опор с электропроводами способны, кажется, пересечь самые невероятные преграды. И уж если где-то люди живут еще без света — значит, добраться к ним очень и очень нелегко.

...В Буйнакске — старинном городе предгорий Дагестана — вовсю сияло солнце, однако вертолетчики сидели в гостинице без дела: перевалы были закрыты облаками. Но в пять утра в дверь номера постучали: «Собирайтесь скорее, вылетаем». Минут через двадцать «МИ-8», загруженный деревянными столбами опор, поднялся в воздух.

Внизу — поселки плоскогорья, поля пшеницы. Далеко справа промелькнул гребешок строящейся плотины Чиркейской ГЭС. Вертолет набирал высоту, стрелка альтиметра показывала 1 800 метров, а земля все не «отставала» от нас, тоже поднималась пологими холмами — и вдруг обрывалась почти отвесной стеной ущелья. Вертолет, словно бы спрыгнув с трамплина, повис над хаотичным миром скалистых круч, острых горных гребней и узких долин. Кое-где с трудом различались крыши домов, прилипших, как пчелиные соты, к крутым склонам. А со всех сторон в облачном окружении поднимались к небу вершины гор.

— Видишь тропинки на скалах? По ним опоры на руках таскаем! Дорог здесь уже нет, а нам лететь еще километров сто двадцать! — наклонившись ко мне, крикнул сквозь гул Магомет Ильясов, прораб механизированной колонны № 96 треста «Дагсельэлектросетьстрой».

Только теперь я заметил в одном из ущелий пунктиры опор электролинии. Сверху все это казалось игрушечным — словно кто-то воткнул булавки в плюшевые склоны гор. А на самом деле... Можно представить, каких трудов стоила эта простая — в обычных условиях! — работа: врыть в грунт опоры, навесить изоляторы и протянуть провода...

Минут через сорок вертолет приземлился в лесистой, глубоко запавшей между горами долине. Лопасти винтов не успели еще остановиться, как откуда-то стали появляться люди. Из-за поворота выскочили всадники, потом, пыхтя, выполз трактор. А сверху по тропинке сбегали ребятишки. Я запрокинул голову — метрах в двухстах над нами, на уступе обрыва, приютились домики горного аула.

— Там село Хупри,— объяснил один из спешившихся конников со значком депутата местного Совета на пиджаке. Это Хаспул Гамзатов, председатель сельсовета.

Вместе с ним мы поднялись к аулу. Двухэтажные, построенные террасами сакли, узкие проемы улочек, камень, дерево, глина... И свежеструганые, остро пахнущие пропиткой столбы — опоры, стеклянные изоляторы, провода, опутавшие весь аул. Ток еще не подключен, но в каждой сакле, под каждым потолком уже висят лампочки, и керосиновые светильники на столах скоро станут ненужными.

— Трудно, очень трудно жить в горах,— рассказывает Хаспул Гамзатов.— Видите, керосин жжем. А чтобы достать этот керосин, надо навьючить коня и идти шестьдесят километров по горной тропе в райцентр или через два перевала пробиваться в Грузию. С октября и до апреля в горах снег, часты обвалы и лавины...

— Тяжелые у вас дороги!

— Нет их, дорог, только тропы! Вот несколько дней назад был праздник — впервые к нам трактор пробрался! Все жители выходили с лопатами, помогали делать дорогу. Теперь будет легче, а то добраться до райцентра — большая проблема. Люди бы купили все, что им нужно, но донести до дома могут лишь самое необходимое. Потому и живем так скромно.— Председатель обвел рукой аул.— Теперь и дорога и электричество будут. Это — большое событие для наших людей!

— Вы уже решили, наверное, как распорядиться электричеством...

— Да, на сессии местного Совета обсуждался этот вопрос. Главное — улучшить быт людей, зажечь лампочки в каждом доме. Думаем широко использовать электричество и в хозяйстве. Мельница у нас водяная — сделаем механическую. Поставим пилораму — значит, будут свои доски, сразу начнем ремонт помещений. Затем механизируем фермы, поставим электродоильные аппараты...

— Но согласитесь, даже с электричеством здесь сложно будет налаживать жизнь. Не проще ли переселиться в другие, более доступные районы?

Председатель задумался, осмотрелся вокруг. Видимо, он искал подходящие слова, чтобы гостю все было ясно.

— Такие разговоры велись раньше, ведутся они и сейчас. В прекрасных местах, на берегу моря, на плодородных землях строятся для горцев поселки — новые, благоустроенные домики, все удобства. Люди туда переселяются, а потом складывают вещи и возвращаются домой, в горы, на земли отцов...

С плоских крыш аула Хупри видны густые сосновые леса на склонах гор, широкий ковер сочной травы и пестрых цветов, бурная речка, в которой, как похвастались мне местные ребятишки, водится крупная форель. С момента нашего прилета прошел час, но этот уголок земли уже казался мне прекрасным. А горцы живут тут веками. И никакой труд не покажется им чрезмерным, чтобы сделать эту землю еще лучше, еще богаче.

...Электрики работали в нескольких километрах от того места, где вертолет выгрузил опоры. Здесь трасса электролинии прерывалась — дорога, пробитая бульдозером, поворачивала в сторону, а трасса должна идти прямо, через скалу. Столбы и огромные катушки проводов лежат у дороги. Сверху слышатся равномерные удары — это где-то за камнями, за буреломом рабочие долбят яму для опоры. Лом, лопата, лом, лопата... Они напоминают мне сейчас альпинистов, штурмующих склон, только штурм идет и вверх и вглубь — на целых полтора «непроходимых» метра вглубь. Наконец яма готова. Теперь самое трудное — подтащить к яме тяжелую, липкую, пропитанную едким креозотом опору. Столб поддерживают сразу несколько человек, но склон крут и неровен — иногда опора всей тяжестью наваливается на чьи-то одни плечи... Шаг за шагом, метр за метром — вверх. Когда опора наконец у ямы, рабочие обессиленно цепляются за кусты — даже присесть негде.

— У нас в мехколонне полно всякой техники,— рассказывает прораб Магомет Ильясов во время перекура,— тягачи, бурильные установки, краны. Но здесь бездорожье. Только вертолет нас выручает. Без него электрифицировать такие районы было бы просто невозможно.

— Это и есть, наверное, главная причина, из-за которой свет запоздал с приходом в горы?

— Да, все дело в вертолетах. Ведь смешно получается: по радио передают, что атомная станция опресняет воду, ракеты летят к Марсу, а мы только проводим к людям электричество! Но мне все же кажется, что ракета и эта вот лампочка в горах по-своему равны. Только сегодняшний уровень техники, уровень развития авиации может зажечь здесь эту лампочку. Только богатая страна может позволить, чтобы вертолет возил бревна. Вы знаете, во что обходится государству свет в десяти саклях одного аула? В семьвосемь тысяч рублей! А наш трест подключил за эти годы к энергосистеме более семисот населенных пунктов! Этот район, самый сложный,— один из последних в Дагестане. Через год, ручаюсь, свет будет повсюду...

В древнем селе Чох зажглись огни.

Цунтинский район. Опоры могут попасть сюда только по воздуху.

На развороте вкладки:

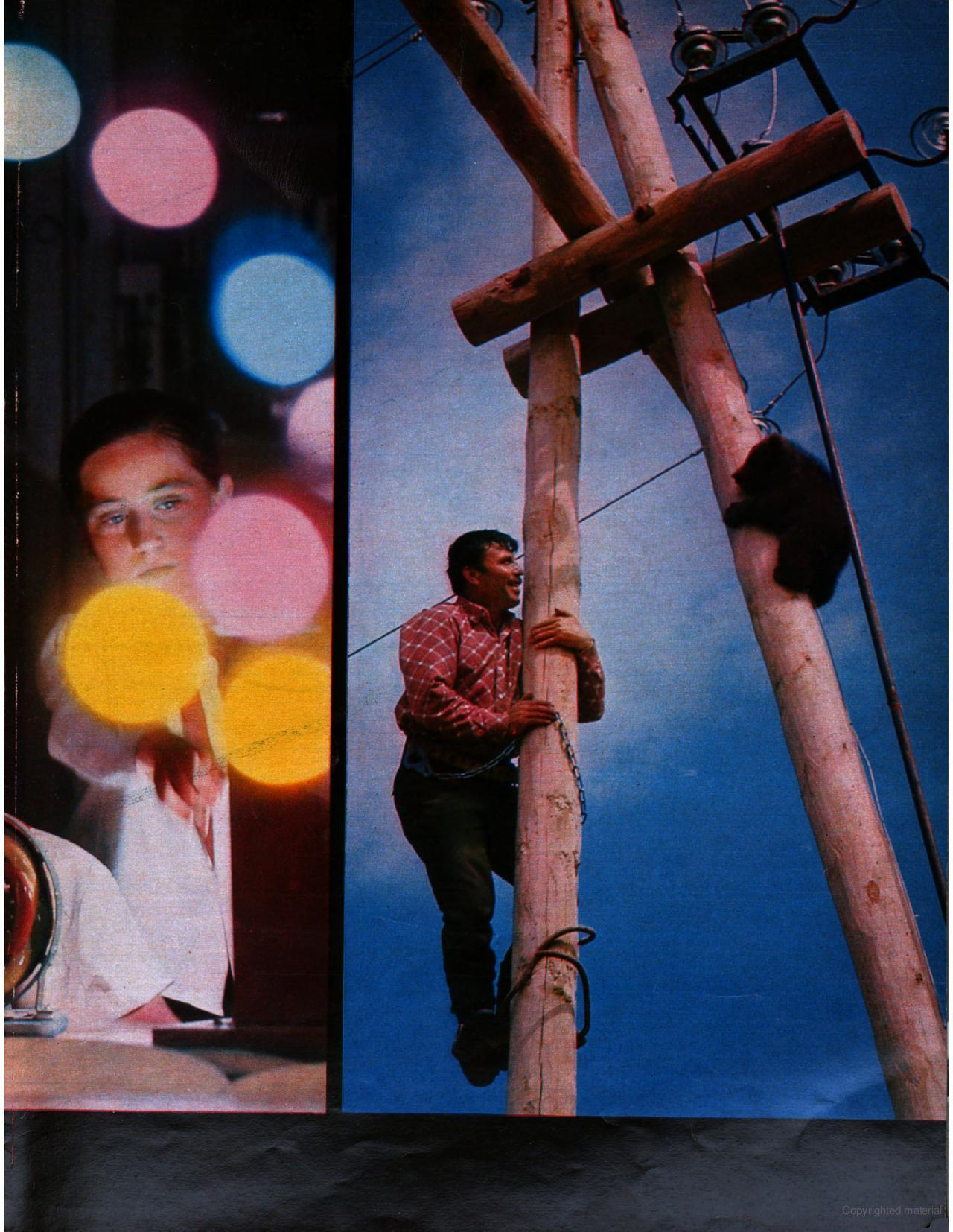
Абдуллатип Мухумаев — электромонтажник.

Очень ко времени ставят опыты по электричеству в Гунибской средней школе № 18!

Опора установлена. Последнее слово за прорабом Магометом Ильясовым и его верным другом медвежонком Васькой.









НЕОБХОДИМОСТЬ ПОЭЗИИ

Лев ОЗЕРОВ

Дело было в Архангельске, на Ломоносовских чтениях. Михаил Луконин читал в большом зале свой «Обелиск»:

> Не жертва, не потеря я —
> ложь, что ни слово.
> Не оскорбляйте вы меня
> шумихой тризны.
> Да если бы вернулась вспять
> угроза жизни —
> живой
> я бы пошел опять
> навстречу снова!

Говорил погибший солдат устами того, кто был с ним рядом, и так же мог погибнуть, и не погиб, и остался, чтобы сказать за него и за себя.

Сидевший рядом со мной Николай Леонтьев — знаток Севера и северных говоров, автор примечательных стихотворных книг и драмы о Ломоносове,— пока гремели аплодисменты, наклонился ко мне и прошептал:

— Написано чуждыми мне средствами, но, знаете, впечатляет. Есть обаяние подлинности. Обаяние необычности.

С этим нельзя не согласиться. Можно не принимать стилевой системы Луконина, его ритмики, его способов разжигать образ, но его поэзия заставляет тебя настраиваться на серьезный лад. Она говорит о главных, стержневых вопросах современности. Она не хочет стоять в тени, выжидать, присматриваться, взвешивать. Ей свойственно отчаяние откровенности.

Луконин вызывает доверие, он хочет, чтобы строка была равна его переживанию, ни больше, ни меньше, чтобы она была обеспечена жизнью. И это, оказывается, для поэта все...

На войну шел человек крестьянского труда. «Поле боя» начинается так: «Пахать пора!» В середине стихотворения есть строка: «В атаку ходим, пахари...»

До того, как попасть на войну, крестьянский парень попадает на завод. Для Луконина это Тракторный. Идите по стихам Луконина, и вы пойдете по судьбе этого крестьянского парня, который становится рабочим, затем солдатом, затем поэтом.

Я познаю реальность существования Луконина во времени и в пространстве.

Итак, время действия — двадцатые — семидесятые годы.

Место действия — Поволжье, Москва, Карельский перешеек, фронты второй мировой, дорога мира.

Заволжское село Быковы Хутора, с которым Михаил Луконин связан и сегодня, супесок, арбузные места...

Юность — в рабочем поселке Сталинградского тракторного завода, в рабочей школе, в газете «Молодой ленинец», в литературном кружке. Здесь корни поэмы «Рабочий день» и лирики.

Москва, Литературный институт, две войны: с белофиннами и Великая Отечественная.

Все это перечень, факты, хроника. Главное запечатлено в стихах и поэмах.

В начале войны в типографии «Сталинградской правды» сгорели листы первой книги «Стихи дальнего следования». Память ничего не сохранила. Это название в 1956 году Михаил Луконин подарил другой своей книге.

Поэта связывали либо с военной темой, либо с рабочей. И то и другое у него есть в изобилии — стихи, поэмы, проза. Но тематические реестры не раскрывают сути поэзии.

Буду пользоваться терминами Маяковского. Луконин пишет не о труде, а трудом. Он пишет не о войне, а войной.

Это больше, чем тема. Это больше, чем возрастная мета — поколение.

Это забирает всего человека и делает поэзию равной жизни, вторым ее именем...

Три десятилетия знаком с Лукониным, бывали долгие откровенные беседы. Но только в его стихе я встречаюсь доподлинно с ним самим.

Раскрыв книги Михаила Луконина, читатель прежде всего видит стих в его графическом выражении. Луконин пожелал бороться с инерцией канонического ритма, с накатанной дорогой старомодного стиха. В этой своей борьбе Луконин доходил до границы стиха и прозы, но не переступил ее.

> Я долго поджидал рассвет,
> а на заре,
> оставив влево парапет,
> пошел к горе.

Чередование четырехстопного ямба с двустопным. Казалось бы, гони его через всю поэму. Но уже в следующей строфе Луконин сворачивает с наезженной колеи и пишет:

> Я поднимался целый час,
> боясь взглянуть назад,
> навстречу,
> за руки держась,
> спускался детский сад.

Чередование четырехстопного ямба с трехстопным. И далее снова, как вначале. И после нескольких строф — перебив ритма:

> Ты не сердись, но я здесь
> домоуправ.
> Пойдем в милицию,
> там обсудим,—
> может, я и не прав?!

Так создается не загодя обусловленная ритмика, а динамически меняющаяся в процессе повествования.

На протяжении одного, даже малого стихотворения ритм меняется несколько раз.

Может создаться впечатление, что Луконин антимелодист, что его стих тянется к разговорной речи, что он далек от напевности. Это поверхностное суждение. Я всегда узнаю, в каком ритме у него написана вещь. Вот три четверти, ритм вальса:

> Гляжу на вас,
> а думаю не о том.
> Не сердитесь.
> Садитесь.
> Как танцуют кругом!
> Смейтесь, я не обижусь.
> Или спойте пока.
> Я помолчу.
> Мне в память пришел
> товарищ издалека.

Для того, чтобы прочитать Луконина, надо побороть в себе инерцию восприятия гладких стихов. Этот автор труден для восприятия. Нужен встречный труд читателя, его желание войти в мир этого поэта.

Чудесна диалектика работы над стихом. Канонический стих хочет освободиться от оков. Освобождается. Но оказывается, что освобожденный стих требует еще большей дисциплины, чем стих скованный. У Луконина об этом сказано: «Свободный стих имеет смелость не быть рабом своей свободы». Здесь, право, есть над чем подумать. Мне хочется назвать стих Луконина по-особому: это дисциплина раскованности.

Оригинальность поэта я порой проверяю по тому, как он раскрывает старую тему, как он трактует вечные, как мир, образы.

Уж до чего затрепанный в поэзии образ — счастье. Само слово. Понятие. «Нет памяти у счастья»,— говорит Луконин. Сразу же интересно. «Любая боль оставит сразу мету, а счастье — нет. Беспамятно оно». И слово, и образ, и понятие обновляются. Есть своя мысль о нем. Свое переживание вложено в свои слова.

Одно дело назвать чувство по имени — ревность, зависть, любовь. Другое дело, не называя его, окликнуть его по существу, передать драматизм его через ситуацию:

> Невозможно отвыкнуть
> от товарища и провожатого,
> как нельзя отказаться
> от движения вместе с Землею.

Попробуйте сказать точнее о дружбе!

Если читать все стихи Луконина в хронологическом порядке, они выстраиваются в некую летопись войны и мира. Летопись эта лирична по сути образов и эпична по впечатлению, производимому ими.

Он мастер концовок. Дает кусок жизни. Яро, угловато, неприкрыто. А в конце — оперенный мыслью афоризм. Картины возвращения воина домой; трудность ломки психологии, воля к тому, чтобы начать новую жизнь. И естественно, как гребень волны, взлетает концовка:

> В этом зареве ветровом
> выбор был небольшой.
> Но лучше прийти
> с пустым рукавом,
> чем с пустой душой.

Последние две строки едва ли не самые известные строки Михаила Луконина. Если бы он произнес только их, то и тогда его имя в нашей жизни не было бы забыто.

> Луконин, мы с тобой стареем:
> то пишем ямбом,
> то хореем...

Это, конечно, сказано с улыбкой. Но верность принципам тонического стиха остается у Луконина и в лирике и особенно в его поэмах.

Интонация — область, на которую поэт обращает особое внимание. Интонация передает его живую речь в концентрированном виде. Переливы этой интонации многообразны. Хочу показать хотя бы один из этих переливов.

Обратиться ко многим, как к одному,— особенность Луконина, почерпнутая им в нашем советском общежитии:

> ...спите, люди,
> отдохните.
> Вы устали.
> Не мешайте жить друг другу
> на Земле.

В другом стихотворении громкий шепот:

> — Тише, люди,—
> шепчу я,—
> не гремите войной.

Смотрите, какие энергичные названия книг: «Испытание на разрыв», «Преодоление», «Необходимость»... Резко очерченные строки строфы. Контурные. Без завитков. Только несущие конструкции.

Всех зрелей и определенней книга «Необходимость».

Необходимость жизни, творчества, любви, мечты.

...Книги Михаила Луконина я читал по мере их выхода в свет. Его «Сердцебиенье» вышло в «Молодой гвардии» в 1947 году одновременно с моим «Ливнем». Это было знакомство от книги к книге. Были естественные паузы между книгами, заполненные встречами, невстречами, беседами, суетой, поездками, работой, одним словом — жизнью.

Теперь все книги я прочитал одновременно. Они уложены в два тома; стихи, поэмы, проза — заметки о поэзии.

Здесь я описал прочитанное и автора. Что же стоит за прочитанным?

Никакая кардиограмма не прочертит линию работы сердца с такой внятностью, как стих. Я узнаю по стиху Луконина, что он ершист, резок, не любит полутонов, щедр, но не мягок, отходчив. От него достается близким и друзьям. Его можно не желать в качестве соседа, но с таким пойдешь в разведку — не подведет.

В человеке, каковы бы ни были образ его жизни, его мысль, жива жажда исповеди и чистоты существования. Она жива, я чувствую, в Луконине. Это самое традиционное в его нетрадиционном облике.

М. Луконин. Избранные произведения в 2 томах. М. «Художественная литература», 1973.

Разбивку трассы ведут инженер-изыскатель Анзор Одзелашвили и мастер Шайхали Рашидов (слева). Они идут первыми.

В РЕДАКЦИЮ ПРИШЛО ПИСЬМО

ЧЕЛОВЕК СПАС ЧЕЛОВЕКА...

Ия МЕСХИ

Как-то редакция получила письмо из города Рустави от Наташи С.: «Недавно я прочла статью, которая меня очень взволновала, вернула в то далекое прошлое, при воспоминании о котором хочется кричать, плакать. Я не знаю, какой это номер «Огонька», за какой год: старый журнал был порван. Там было написано о молодом человеке, закончившем институт (звали его Юлий или Юрий), который, спасая двух женщин, сам погиб. Один сын у матери, мать — учительница. И вот пишут, что Юра совершил подвиг...»

Да, действительно был такой очерк в «Огоньке», назывался он «Мгновение». Рассказывалось о человеке, который кинулся, чтобы помочь женщинам, под поезд, сохранил им жизнь, потому что иначе по своему воспитанию, по своим убеждениям не смог поступить. Так следовало из всей его предыдущей жизни. А вот у Наташи, которая прочла этот очерк, у нее такая история.

«Мне было тогда 13 лет, — пишет она. — Отец не вернулся с войны, а мать умерла. Росла я у бабушки. Брат работал на заводе, к нему с километр пешком по полотну железной дороги. Был январь, дети катались на санках вниз с насыпи. У одного мальчика лет семи что-то случилось с санками прямо на рельсах. Он долго возился, а навстречу шел поезд. Машинист давал гудки, я кричала, но мальчик, видимо, боялся бросить санки. Я успела его оттолкнуть, а сама отскочить не успела, и мне отрезало ногу...»

Да, Наташа осталась жить, но без ноги.

В письме было много слов по этому поводу, справедливых и всяких, горячих, запальчивых, искренних, о которых ниже. Сейчас же хочу сказать, что за строками письма стоял страдающий человек, страдающая молодая женщина, у которой из-за этой отрезанной ноги жизнь слепливалась с большим трудом. И этому человеку хотелось помочь хотя бы добрым словом.

Пока я разыскивала ее в Рустави (фамилию Наташа в письме изменила!), она с сыном своим Сашей собралась переезжать в Новосибирск. Застала я пустую комнату. Соседки сказали: «Билет у нее, кажется, на завтра. Может быть, еще зайдет». На всякий случай я оставила свои координаты, телефон. И в самом деле, Наташа позвонила мне, но для встречи уже не было ни минуты. Я, естественно, оперировала общими словами: «Держитесь! Не вешайте носа!» Потом началась переписка с Новосибирском. Словом, я хочу сказать, что с Наташей мы уже знакомы, что я в курсе и ее новосибирских злоключений: больниц, болезней сына и других тревог. «Вот и поднимай выше голову,— писала мне она,— когда все только плохое и горькое...»

А недавно я получила из Новосибирска очень обрадовавшее меня письмо: «Вышла замуж. Муж относится к нам очень хорошо. Живем дружно. Саша заканчивает пятый класс, вырос и очень скучает по Рустави. Вместе с ним и я.

Работаю, — продолжает Наташа, — на заводе, у станка точечной сварки. Закончила курсы крановщиков и теперь работаю еще на кране. Всем семейством делаем вылазки в город. Он очень красивый, хорошо застроился, много девятиэтажных домов. С продуктами тоже хорошо. Словом, пока не жалуюсь. Да что теперь об этом говорить! Лучшие годы ушли, вернуть бы что-то, да нельзя. Сейчас вроде бы все хорошо, только усталость уже не проходит...»

И вот сейчас, когда все как-то улеглось, когда и Рустави хороший и Новосибирск хороший, семья складывается дружная, работа стоящая, я подумала, что о тех Наташиных словах, которые она высказала в своем письме в «Огонек», можно говорить.

А слова такие:

«В 13 лет я еще не совсем понимала свою трагедию, поняла ее позже. Подружки бегали, влюблялись, а я не могла. Я не смеялась, не пела».

«Искать родителей мальчика было некому да и незачем, собственно. Теперь этот мальчик, наверно, уже отец, счастлив, все забыл...»

«Конечно, я работаю, имею квартиру, ращу сына Сашку (отец приезжает к нему). Но иногда Саша приходит со слезами и говорит: «Мальчишки дразнятся, говорят — у тебя мать хромая!.. А я им сказал, что ты была на войне». Да, другое дело потерять ногу на фронте, на работе. Люди хоть знают за что...»

И, наконец, такие слова: «Извините меня, но мне жаль Юрия. Подвиг был глупым. Так по крайней мере говорю я. Ведь та бабка и ее дочь и сейчас живы, а Юрина мать никогда не обнимет сына».

Мне довелось беседовать с женщиной, которая прыгнула в бурную реку спасать тонущего ребенка, а оказалось, что тонули еще трое, и она их всех четверых вытащила. Была эта женщина беременна на последнем месяце, и у нее начались преждевременные, тяжелые роды. Никто не надеялся, что она останется жить. Но когда мы говорили с ней у той самой реки, где все это произошло, на руках она держала новорожденного. Да, все обошлось хорошо, и женщина отвечала на вопросы сдержанно и смущенно. Собственно, на вопросы отвечала не так она, как ее односельчане. В том числе и матери всех четверых спасенных детей. Они гордились своей героиней.

Я знаю человека, которого благородный порыв толкнул на благородный поступок ради спасения другого человека. В результате — увечье. И все последующие годы спаситель терзал спасенного своим благородством, докатился, по существу, до вымогательства.

На этот счет в «Мудрости лжи» Сулхан-Саба Орбелиани есть такая притча. Два царя вступили в войну. Один победил другого, взял его в плен и бросил в яму. Через несколько дней подошел неизвестный, хотел его вытащить оттуда и дать ему возможность бежать. Он закричал ему в яму: «Хорошо я сделаю, если дам тебе возможность бежать?» Поблагодарил его царь. Тот опустил веревку в яму, вытащил его и снова спросил: «Хорошо я сделал, что вытащил тебя?» Снова царь поблагодарил неизвестного. И в третий раз тот спросил: «Хорошо я сделал?» Стало царю досадно, и он закричал: «Эй, кто здесь? Этот человек помогает мне бежать». Пришла стража и схватила обоих. Спросили царя: «Почему ты его выдал и не бежал?» Царь ответил: «Пока он меня тащил из ямы, он надоел мне, говоря о своей услуге; по дороге до дому он бы наговорил мне столько, что уморил бы меня. И я предпочел остаться здесь».

Наташа была ребенком, когда спасла жизнь ребенку. Представляешь себе заснеженную железнодорожную насыпь, на которой, весело гомоня, копошатся дети. Мчится поезд, мальчишка застрял. Тринадцатилетняя Наташа мгновенно оценивает обстановку. Страшно ей, очень страшно. Отвернуться бы и сделать вид, что ничего не заметила. Но она кидается к малышу.

Потом шесть месяцев больницы, искусственная нога, жизнь у тети, в большой семье, где гордая и ранимая девочка не хочет быть лишним ртом, бросает учебу, идет работать уборщицей. Потом несчастливая любовь, ребенок, с которым и радости и очень много трудностей. А всему виной, как считает Наташа, нога.

Обращение мыслями к тому мальчику, который, наверно, уже стал отцом, счастлив и ничего не помнит, чисто умозрительное. У нее нет на него зла: он-то чем виноват? Она и тогда не искала его и теперь не собирается. Она просто думает, размышляет: почему так? Почему одному везет, а другому нет, хотя и он этого тоже заслуживает. Ей просто плохо, одиноко, мятежно. Она не имеет зла и на отца Саши, который посильно внимателен к сыну. Нет, Наташа не винит никого. Она разволновалась оттого, что мы, журналисты, расписываем подвиги, а дальше-то, дальше? Заглядываем ли в душу матери, потерявшей сына в борьбе за жизнь каких-то недотеп? Интересуемся ли, как живут те, кто по причине порывов благородных остается без руки, без ноги, с обожженным лицом, с потерянным зрением? Подвиги — это хорошо, красиво. Потом идут обыкновенные будни, осложненные притом.

Наташа ответила так, как думала в тяжелую для себя минуту. Ответила, что и у нее жизнь испорчена, молодости не знала, калека, никому не нужна, мальчишки дразнят сына хромоногой матерью. И в этом тоже ее, Наташина, человеческая правда.

Считается: чего не наговорит человек в сердцах! Зная теперь Наташу, уверена, что, несмотря ни на какие слова, она и сейчас придет на помощь человеку и сына так же растит. А все-таки где-то в глубине у нее сидит горечь, есть что-то такое, что можно легко разбередить. Да только ли у Наташи?

Во время войны, где было очень много сложностей в человеческих поступках, все же акценты расставлялись четко: трусу и предателю — презрение, пуля в лоб, герою — награда и почет. Даже и сейчас (прошли десятилетия!) все еще выявляются подлинные лица участников войны, и каждому воздается должное.

Спокойная, мирная жизнь, труд, счастье творчества, здоровье людей физическое, здоровье нравственное — наша общая забота. И есть в этой жизни просто происшествия, просто несчастные случаи (упал, утонул, сгорел, убит преступником, попал под колеса...). И есть случаи, когда кажется, уже все, неизбежный конец, и тут человек оказался рядом, человек с горячим сердцем, быстрый на выручку: тебе помог, а сам пострадал.

Пожар. Бежит на помощь, вытаскивает задыхающегося человека... Самого зашибает горящим бревном.

Бандиты на кого-то напали. Увидел, ввязался, помог отогнать, но остался с покалеченной рукой.

Ребенок выскочил на проезжую часть. Человек резко повернул руль, врезался в столб. Грудная клетка перебита.

Сколько случаев! Бесчисленное множество! И в приведенных выше, довольно примитивных примерах закон прежде всего стремится разобраться во зле, наказать зло: поймать бандитов, установить причину автомобильной аварии, пожара и т. д. и т. п. Конечно, этим следует заняться прежде всего. Но, может быть, так же важно и добро отмечать? Отмечать не попутно, не вторым планом, не дарственной бумагой, хоть она и называется грамотой, не заметкой (прочтется заметка и забудется на второй день). Отмечать большим, весомым, гордо названным знаком, как отмечались военные подвиги на войне, как отмечаются трудовые подвиги рабочих, крестьян, деятелей науки, искусства.

Человек спас человека ценой своего существования. Человек пошел на смертельный риск ради спасения другого. Разве это частное дело двух?

Вспоминаю ту женщину, которая вытащила из реки четверых ребят. Село об этом знает, чего же еще? Но, может быть, и ей был бы наградой знак на груди со словом «ПОДВИГ» или каким-нибудь другим. Она бы прикрепляла его к праздничному платью, выезжая в город, и люди с почтением смотрели бы на нее.

Думаю и о том человеке, который превратился в вымогателя. Все спрашивал: «Ты помнишь, я ведь тебя спас!» А тут государство скажет: «Помним и ценим. И пусть об этом знают все. Пусть гордятся тобой». Какой же резон нудить?

И думаю еще о мальчишках, которые дразнили Наташиного сына. Обидно, что их вообще никто не научил состраданию к физическим изъянам. Это, пожалуй, главная беда. Но даже самые «дикие» мальчишки мира понимают слово «ПОДВИГ» и захлопывают перед ним свои неразумные рты.

То, что сделали Наташа, Юрий, то, что сделали многие другие, не оставшиеся или оставшиеся жить, сделали для человека средь белого и мирного дня, не помышляя ни о чем таком за мгновение до этого, называется подвигом. Слово это (или какое-то другое), отметившее человека с благородным сердцем, не вернет, разумеется, матери сына, не прирастит живую ногу, однако хотя бы чуть-чуть смягчит горечь потери.

Всех, конечно, взволновало рассказанное недавно в печати ростовское дело, и особенно судьба погибшего в борьбе с бандитами рабочего Владимира Мартовицкого. Указом Президиума Верховного Совета СССР этот чудесный, благородный человек посмертно награжден орденом Трудового Красного Знамени. И хоть жизни Володи не вернешь, Родина высоко оценила его горячее сердце. Нет, не проходит у нас без внимания подвиг во имя человека. Речь только идет о том, чтоб упорядочить это дело, чтоб называть вещи своими именами.

Такие мысли вызваны Наташиным взволнованным письмом в редакцию, которое вынесено на суд читателя сейчас, когда у нее все уже не так остро болит.

ГАСТРОЛИ

ПО САМЫМ ВЫСОКИМ ОБРАЗЦАМ

Нат. БАЛАШОВА

«Ульяновы» — спектакль уже не новый, подготовленный Ульяновским театром драмы по пьесе В. Осипова к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина,— был привезен на гастроли в Москву, и по тому, как бережно сохранен, с какой глубокой взволнованностью играют актеры, чувствуется, насколько дорог он коллективу. Это спектакль о великой силе идейной убежденности, о духовном единстве семьи Ульяновых, их готовности бороться за свои идеалы; не случайно словом «борьба» заканчивается последний монолог А. Устюжанинова в роли Володи Ульянова...

Впервые коллектив из Ульяновска выступал перед столичным зрителем; отсюда стремление показать как можно больше своих работ — тех, что считаются программными, и тех, что дают представление о возможностях. Театр вез классику — «Маскарад» М. Лермонтова, «Униженные и оскорбленные» по Ф. Достоевскому, «Бешеные деньги» А. Островского. Но, думается, большее впечатление оставили спектакли «Ульяновы» В. Осипова, шолоховская «Поднятая целина», «Долги наши» Э. Володарского, с наибольшей полнотой выразившие суть устремлений театра.

В. Ефремовой, главному режиссеру и постановщику большинства спектаклей Ульяновского театра, каждый раз интересен и важен не итог конфликта, как бы эффектно подчас он ни выглядел, а сам процесс формирования характера, мировоззрение героя. Вот поэтому-то она всегда акцентирует сложные психологические монологи, духовную борьбу.

Как часто — один на один со зрительным залом — выходил на сцену Володя Ульянов, чтобы помыслить вслух, поспорить с невидимым оппонентом, укрепиться в принятом решении... И в присутствии зрителей рождались мысли, поступки, деяния, определяющие ход истории... А с какой неожиданной силой прозвучала в «Поднятой целине» тема духовного пробуждения Варьки (Н. Загуменная)! Объяснение с Давыдовым (А. Чуйков) — один из самых значительных и волнующих эпизодов спектакля, тогда как, увы, массовые сцены остались пестрыми и довольно-таки неорганизованными.



Зато на едином дыхании играют молодые актеры театра пьесу М. Шатрова «Лошадь Пржевальского». Дружная сплоченность, дух коллективизма, чувство локтя помогают героям занять непримиримую позицию по отношению к тщеславному, самолюбивому Андрею К. Юченкова... В спектакле возникает многогранный образ молодого человека наших дней, чистый, благородный. Потому хочется тут назвать всех исполнителей. Это А. Дуров, Г. Родионов, Д. Калякин, А. Новоженин, Н. Холопова, Т. Фирсова, И. Андрианова...

Совсем иные ритмы, иную стилистику встречаешь в спектакле «Долги наши». Хотя по внутренней своей сути он на той же генеральной линии театра. Человек не имеет права жить только для себя, какие бы ни имел заслуги. Жизнь без большой цели рано или поздно обернется горечью одиночества. Герои этого спектакля словно на двух полюсах — удачливый, громкоголосый, шумно живущий Иван Крутов А. Чуйкова и тихий, неприметный Егор — его играет Ю. Заборовский. А в итоге за плечами Егора родная деревня, поднятая после военной разрухи, да еще и пригретая им, обласканная семья Ивана, которую тот бросил на произвол судьбы... И когда приходит в столкновение собственническая философия Ивана с благородной позицией Егора, то видно, что Иван получает огромный нравственный урок. Он сурово наказан, и его раскаяние убеждает.

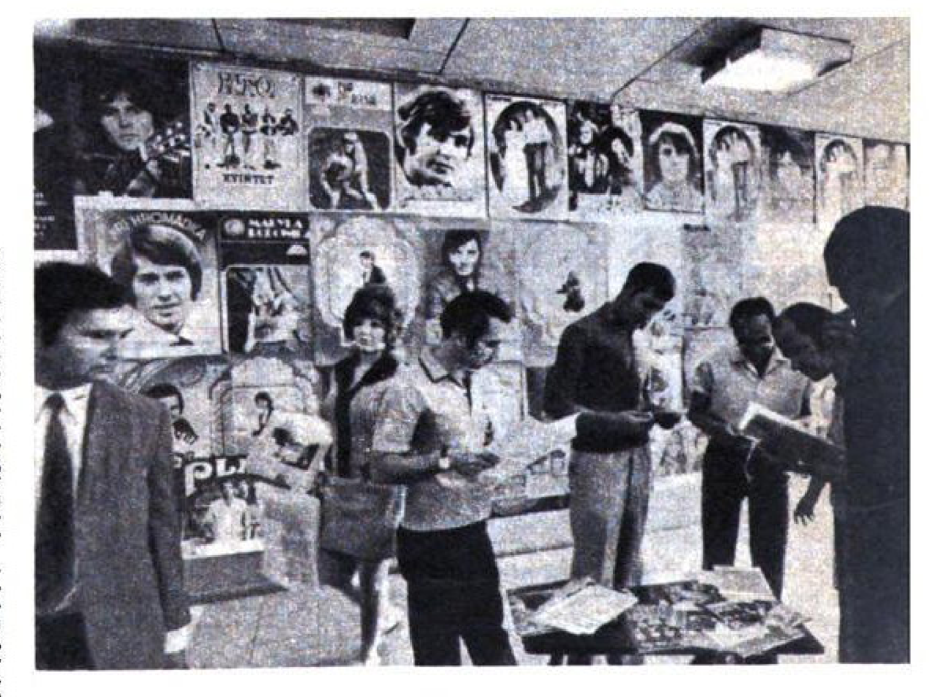
Внешняя, кажущаяся режиссерская «небрежность» спектаклей Ульяновского театра оборачивается большим достоинством. Ничто не заслоняет от зрителей актеров; они словно встают во весь рост, приближенные к рампе крупным планом.

Особенно впечатляющи работы зрелых мастеров, как и яркие, перспективные создания молодежи.

Ульяновцы по праву заслужили теплый прием в Москве. Их спектакли были лучшим свидетельством верности театра высоким обязательствам, принятым на родине Ильича.

На снимке: «Долги наши». В роли Ивана Крутова — А. Чуйков. Фото Н. Александрова.

ПОДАРИ МНЕ ПЕСНЮ



От Ташкента до Праги тысячи километров. Но для музыки не существует расстояний. Это еще раз подтвердилось в дни декады чехословацких грампластинок, проходившей в Ташкенте. Свою продукцию представили известные фирмы «Супрафон», «Пантон», «Опус». Жители узбекской столицы смогли послушать концерт из пражского зала «Люцерна», побывать в парке над Влтавой, где по вечерам звучат народные мелодии, встретиться с любимыми певцами — Карелом Готтом, Евой Пиларовой, Геленой Вондрачковой.

Чехословакия — страна с богатыми музыкальными традициями. Национальную гордость составляют произведения Б. Сметаны, А. Дворжака, Л. Яначека. Они записаны в исполнении лучших коллективов. Любят и берегут в Чехословакии старинную музыку. Ни один праздник, будь то в городе или селе, не обходится без народного духового оркестра. Далеко за пределами страны популярны и современные мелодии чехословацких композиторов.

Обо всем этом дает полное представление широкий и разнообразный выбор грампластинок, который был предложен жителям узбекской столицы. Грамзаписи из ЧССР отличаются высоким качеством звучания и красивым оформлением. Они снабжены также альбомами, рассказывающими о жизни и творчестве композиторов, о произведениях и их исполнителях.

Декада чехословацких грампластинок в узбекской столице явилась свидетельством крепнущих культурных связей между двумя народами.

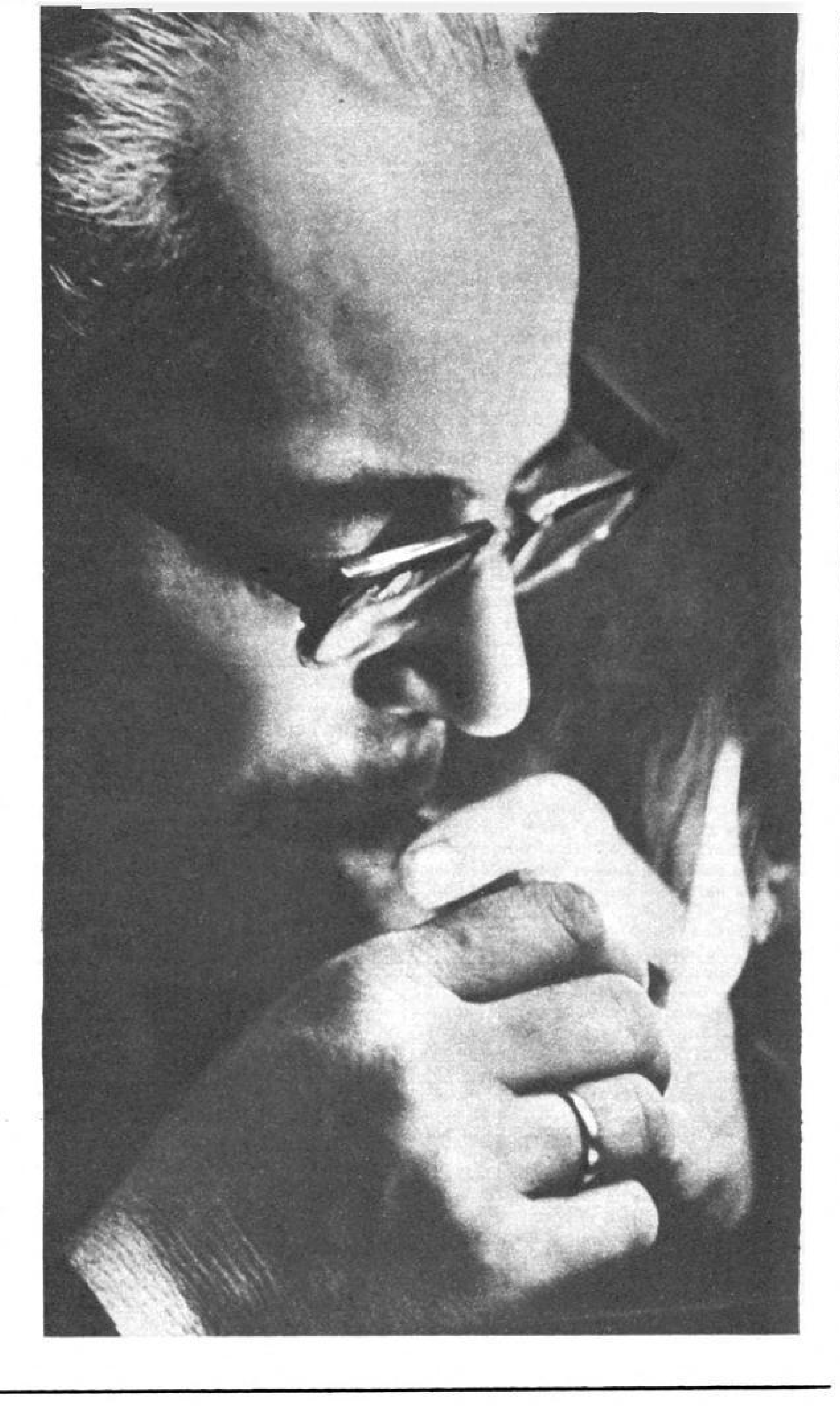
В. СВАРИЧЕВСКИЙ
Фото автора.



Более пятидесяти тысяч ташкентцев пополнили свои фонотеки музыкальными сувенирами из братской страны.

7 ОКТЯБРЯ — КРАСНАЯ ДАТА В КАЛЕНДАРЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ГЕРМАНИИ. 24 ГОДА НАЗАД В ЭТОТ ДЕНЬ БЫЛА ПРОВОЗГЛАШЕНА ГЕРМАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

ОБЫКНОВЕННАЯ БИОГРАФИЯ



Хорст ГОЛЬДШМИДТ

Его зовут Эрих Шталь. Четырнадцати лет поступил учеником в молочную. В тридцать — военнопленный, в сорок — государственный деятель, в шестьдесят—председатель кооператива. Что же он за человек, этот Эрих Шталь 1916 года рождения?

...Вечер за вечером сижу в правлении. Допоздна затягиваются разговоры с кооператорами. Люди рассказывают о жизни, о том, как ведут они хозяйство. И, конечно, о своем председателе. Все его хорошо знают: много лет проработали вместе.

Марта Карш, повариха:

— Любимая тема разговора у нашего председателя — квалификация! Каждый должен быть профессионалом в своем деле. Только тогда, говорит, достигнем успеха.

Лили Пич, бухгалтер:

— Человек он дотошный, любит сам во всем разобраться. И поспорить любит. Но если докажешь ему, что он ошибся, не обижается.

Герта Штолльхофф, птичница:

— Мы с ним всегда находим общий язык. Кого-то другого на месте нашего председателя я и не мыслю.

* * *

Эрих Шталь не только председатель сельскохозяйственного кооператива «Висмут» в местечке Фричесхоф под Нойбранденбургом. Уже многие годы он возглавляет местное отделение Общества германо-советской дружбы. В его календаре полным-полно пометок. На воскресном листке записано: поездка в Советский Союз! В этот день десять крестьян-кооператоров отправятся в страну друзей. И это уже не первое такое путешествие жителей Фричесхофа.

* * *

В кабинете Шталя стоит деревянный шкаф. Несколько движений — и шкаф превращается в удобную кровать.

— Ночую здесь не так уж часто, но все же случается, что нет времени добраться до дома,— говорит председатель.

Шталь и по сей день живет на той самой улице, где родился. Когда он познакомился с Ильзой, ему исполнилось... четыре года. Их родители жили по соседству, и Эрих часто катал колясочку с маленькой Ильзой. С тех пор прошло больше полувека. Скоро серебряная свадьба. Трое взрослых детей и внучка Христиана тоже будут участвовать в торжестве.

Попыхивая неизменной сигарой, Шталь рассказывает:

— Наши молодые кооператоры



ИНАРА РОЯ

ЗЕМЛИ КРУЖЕНЬЕ

ЗЕМЛЯНИЧНАЯ ПОЛЯНА

Смех земляничный в травах.
Поздняя ярость ягод.
Близко лесные поляны —
Не замедляйте шага.
Век земляничный не долог.
Ягоды ждать устали.
Пробуй на вкус их сладость
Жаждущими устами!
Эта коричневость ягод
Вовсе еще не привлялась.
Сколько горячей крови
В их глубине осталось!

Перевела с латышского
Ольга Зашибина.

* * *

Самолет, что высью одержим,
Свил гнездо среди поляны, в роще.
И почтовым голубем одним
Стало меньше на авиапочте!
И пока ученый ставил цель
Мир открыть
для сказочных свершений,
На одну на авиамодель
Крылья птицы стали совершенней.
И в пещерах люди-дикари
Птиц рисуют...
Так идет от века.
Только трудно, как ни говори,
Им на камне выбить человека.
А кому взлететь к звезде
дано,
По Земле покинутой тоскуют.
И ее, родную, все равно
В космосе по памяти рисуют.

Перевел с латышского
Борис Попов.

МОРЕ

Нет спокойной дороги вдоль моря —
Дюны целятся волнам в висок...
И всю жизнь, непокорные, спорят,
Друг у друга воруя песок.

Сосен нет с кроной
вечнозеленой...
На клочке ураганной земли,
Как трепещущие знамена,
Над песками они поднялись.

И не зря рыбаку море снится.
Он, тревожимый думой,
не спит
И, морской окликаемый птицей,
Вновь надежную лодку смолит.

Он по дюнам ее вниз спускает
И глядит долго в дымную хмарь,
Где тревожно волна закипает,
Где горит самородный янтарь.

ВЕЛОСИПЕДИСТЫ

Их не финиш зовет —
голубые дали.
С ветром встречным заведя маету,
Велосипедисты, раскручивая педали,
Вылетают за городскую черту.



Эрих Шталь — председатель сельскохозяйственного кооператива «Висмут».

Нойбранденбург. Отсюда до Фричесхофа рукой подать.

790 тысяч цыплят дадут в этом году кооператоры «Висмута» — вдвое больше, чем в прошлом. Фото Х. Фибиг, Й. Герберт.



лишь понаслышке знают, как раньше доставался крестьянину его хлеб. Каждый работал в одиночку. Помощи ждать было неоткуда. О том, чтобы выучиться, получить специальность, и не мечтали. А слова «отпуск» вообще в деревне не знали.

Продолжение разговора о жизни кооператива я услышал на партийном собрании во Фричесхофе. В повестке дня — подготовка к отчетной конференции. Товарищ Шталь делал доклад. Он говорил о том, как шло соревнование. Не заглядывая в листки, лежащие перед ним, приводил цифры:

— В этом году Фричесхоф даст свыше полутора миллионов яиц — на семьдесят процентов больше, чем в прошлом году, молока — на тридцать пять процентов, цыплят — вдвое.

Тороплюсь записать эти цифры, а председатель уже называет новые:

— Семьдесят процентов членов нашего кооператива имеют дипломы квалифицированных рабочих. Это хорошо, но успокаиваться рано. Повышенные обязательства мы не выполним, если не будем учиться!

* * *

— В самый раз,— сказал каптенармус, вручая Эриху Шталю железную каску со свастикой.— Отныне ты солдат.

Эрих разглядывал новенький мундир и думал о том, что в десять раз охотнее занимался бы сейчас своими сырами в молочной. «Великогерманское» небо было еще обманчиво мирным. Рядовой Шталь учился стрелять по мишеням. Потом пришел приказ: на Восточный фронт.

О многом передумал Эрих, прежде чем решил сдаться в плен. Это было под Киевом. Вместе с четырьмя товарищами они срубили ветку березы, привязали к ней белую рубашку и, запев Интернационал, помчались через ничейную полосу. Когда-то в детстве Эрих слышал эту песню, и на фронте он снова встретился с ней, когда украдкой ловил радиопередачи из Москвы...

В лагере для военнопленных была маленькая женщина-врач с темно-русыми волосами. Ее звали Таня. Она приносила Эриху книги. Однажды протянула маленькую брошюрку. На обложке стояло «Lenin». Тогда Эрих еще не знал, что читает первый декрет Советской власти, Декрет о мире. Потом он прочел много других книг Ленина. И запомнил прочитанное на всю жизнь.

* * *

Когда Шталь вернулся на родину, на востоке Германии набирало силы первое социалистическое государство немецкой нации — Германская Демократическая Республика. Звенели молодые и задорные песни: «Старое — прочь, мы строим новь, наше счастье — в наших руках, кто против нас — выходи!» Партия поручила Эриху Шталю организацию сельских комитетов Национального фронта. Новое пришло и в деревню. Крестьяне-батраки, у которых не было ничего, кроме натруженных рук, становились хозяевами жизни. Республика дала им землю. Эрих много ездил, разъяснял крестьянам политику народной власти. Потом вернулся в родной Нойбранденбург. Работая в окружном совете, он помогал становиться на ноги молодым кооперативам. В их числе был и «Висмут» во Фричесхофе, где позднее Эрих стал председателем. Здесь, как и повсюду, важно было закрепить ростки социализма, творчески следуя принципам ленинского кооперативного плана.

В разговоре председатель любит вспомнить годы, когда началась дружба фричесхофцев с советскими крестьянами.

— Того, что происходило тогда у нас на селе, не знала немецкая история. У кого же учиться, просить помощи, как не у советских друзей? Теперь это сотрудничество вошло в нашу повседневную жизнь. Вот недавний пример: с 1971 года стали мы половину полей, отведенных под пшеницу, засевать «мироновской-808». Отличный сорт! Две тысячи центнеров прибавки дал урожая.

Когда Эрих начинал работать во Фричесхофе, местное отделение Общества германо-советской дружбы насчитывало сорок членов, теперь — больше ста тридцати. А с ноября 1971 года кооператив носит почетное звание «Коллектив германо-советской дружбы».

Но только счастливому человеку
Крылья на миг дано ощутить,
Чтобы гул велодромов и велотреков
Смог дыхание перехватить.
Отступает, уходит тогда притяженье,
И зеваки глядят удивленно вослед:
То ли это под ним земли круженье,
То ли это крутится велосипед.
И навстречу ему все летит,
все мчится.
И сам он словно крутящийся смерч.
Видно, надо сильным на свет родиться,
Чтобы линию финишную пересечь.
Но только счастливому человеку
Крылья на миг дано ощутить,
Чтобы гул велодромов и велотреков
Смог дыхание перехватить.

Перевел с латышского
Евгений Антошкин.

* * *

Пока засыпаешь, спою о зиме,
Пушистой и нежной, не жгущей всерьез.
Тебя укрываю теплее во тьме —
Спасти бы от холода саженцы роз.
Студить поцелуем печали разгар,
В такт сердца баюкать тебя мне дано,
Как в час расставанья забьется оно,
Рукой замахнется и — сдержит удар.
Покрепче прижмись. Нам тепло — пополам.
Пусть вьюга ютится по дальним углам...
Ну, вот улыбнулся!
И — свет из-под век,
Мой маленький, знающий все человек.
Усни! За горами еще этот срок —
Расколется солнце у нас поперек.
Лишь еле заметно, как ночью на нем
Беззвучные трещинки лижет огнем.

НЕДЕЛЯ

Латышская загадка: «Пояс длиною в шесть миль, с золотыми пряжками на концах».

Когда понедельника колокол бьет
И нам извещает начало недели,
Наивно мы верим, вставая с постели,—
Любая загадка от нас не уйдет.
Но ты хоть одну за неделю осиль,
Тебе загадали ее не впервые.
Про пояс, который длиною в шесть миль,
Про пояс и пряжки его золотые.
С утра опоясавшись накрепко им,
Сорвать побрякушки с него мы готовы.
И кто-то, излишним усердьем томим,
Из пряжек кует лемеха и подковы...
А в полдень — расслабим.
Ты сам посуди,
Как туг этот пояс нам после обеда.
Прикинем в уме, сколько миль впереди
И сколько надежды у нас на победу...
Усталые пальцы вечерней поры
Вновь стали разматывать нити заката.
И сеются в свете лучей комары.
И сеются дни, уходя без возврата.

Перевела с латышского
Вера Панченко.

ЗЕМЛЯ, ЗЕМЛЯ!

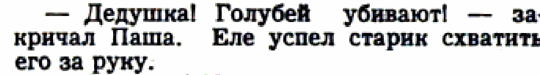
Давно здесь камни древние растут,
Но землю для лозы расчистить надо,
И осень окунешь в сироп из винограда.
...Пусть даже лакомкой тебя зовут.
Лицо живое в камень воплоти,
Коль ты ваятель — для тебя отрада.
А мне другое, мне другое надо:
В лозу сердца из камня обратить.
Гора похожа на певца слепого.
Вглядись в нее и ощутишь ты снова,
Как взор под маской лавы пламенеет,—
В нем отраженье гибели Помпеи.
Земля, земля, клубок противоречий:
Смертелен яд змеи, но он и лечит.
Рука убийцы смерть несет от века,
Но лечат раны руки человека.

Перевела с латышского
Лариса Романенко.

КРЫЛАТЫЙ ГОНЕЦ

Юрий СЕНЧУРОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.



Улыбался Паша, когда вверх смотрел, на голубей. Запрокинет голову — и снова глаза его синие и радостные, как небо.

Время тогда наступило такое: нечему на земле было радоваться... На войну с фашистами уехал Пашин отец. В госпиталь, лечить раненых бойцов вызвали маму. Она работала в сельской больнице и хотя поздно, но каждый день домой торопилась. А теперь когда ее ждать из города?

Дом Паши стоял на поляне, между сосновым бором и большим сумрачным ельником. Одиноко стало мальчику. Правда, не один он в лесу остался, с дедушкой. Дедушка у него тоже, как и отец, служил лесником. Но вот Паша увидит в небе белую, легкую, как облачко, голубиную стаю — и на время забудет о том, как невесело в родном доме.

А сегодня, наверное, кончилось лето. Холодом дохнуло из-за ельника, и не сразу взлетели голуби.

Лишь один голубь, Гурун, обрадовался, когда Паша засвистел и взмахнул шестом — тотчас рванулся вверх. Но... И зачем поверил он сейчас его рукам: связанными оказались крылья. Ай, обидно-то как! Знал ведь Гурун: любит его Молодой Хозяин. Любит — так почему летать со всеми не разрешает?

Но помнил Паша наказ Василия Авдеевича, прежнего хозяина голубя: «Взлетит Гурун в небо — и захочет вернуться туда, где родился. Надо, чтобы он привык к новому дому».

Хорош Гурун! Такой ладный — перышко к перышку и весь почти белый. Только посреди длинного хвоста перо черное и прямое, как стрелка. Гордо сидит. Запахнулся в широкие свои крылья и то один глаз, смородинку красную, вверх уставит, то другой. Тоскует. Вдруг гуркнул сердито да боком-боком... И нырнул в голубятню. Не смог, видно, больше смотреть, как зазывно машут ему в небе крыльями счастливцы.

А Паша смотрел и радовался. Забыл совсем, что зябко на ветру в летней рубашке и что дедушка в доме больной лежит...

В себя пришел, когда раздались позади резкие голоса. Обернулся, а рядом — люди! Держат впереди себя короткие, без штыков и прикладов ружья и зло выкрикивают непонятные слова. Откуда взялись здесь эти двое солдат? Каски-то на них какие чудные! И шинели... Такого цвета неприятного — вроде и зеленые, а изнутри будто грязь проступает.

В таких же землистых, чужого цвета шинелях вбежали во двор еще солдаты. И сразу — в дом, ружья вперед выставили. Да это чужие солдаты... Фашисты это!

— Мама! — закричал мальчик. Но вспомнил, как она далеко.

— Папка! — хотел было позвать на помощь. Но и его нет! Вскочил Паша на крыльцо. Дверь настежь открыта. Полно в доме чужих солдат. Обступили дедушку...

— Ты лесник? Помню! — раздался угрожающий голос.— Вставай! Дорогу-то, может, я забыл... Быстрее вставай!

Кто это приказывает? Что за командир нашелся — кричать на дедушку да приказывать! Паша наконец рассмотрел его среди солдат... Не фашистская на нем одежда, обычная, но гадко было смотреть на предателя! Вроде не старый он, а лицо серое, измятое, как тряпка. И глаза — белые, неживые. Будто и не глаза вовсе, а пересаженные с одной из этих шинелей оловянные пуговицы.

— Нет! — проговорил наконец дедушка и тяжело вздохнул.— Не могу я встать. У меня... тиф.

Что сразу сделалось с фашистами, как сказал он это слово! И без переводчика знали они — так называется болезнь, да еще какая опасная. Очень она быстро другим передается... Минуты не прошло — все убрались из дома.

Обманул дедушка врагов: не было у него никакого тифа... Простыл он вчера, температура и поднялась, вон лицо как горит. Но что это?.. Загремели выстрелы. Взглянул Паша в окно и глазам не поверил... Только-только опустились его птицы на крышу голубятни, только захлопнули свои белые крылья — и теперь одна за другой, совсем как проколотые мячи, шлепались на землю...



— Дедушка! Голубей убивают! — закричал Паша. Еле успел старик схватить его за руку.

— Не ходи! Нельзя туда, родной...— задыхаясь, проговорил он.— У нас сил нет, а у них — жалости! И тебя убьют.

Смотрели дед и внук в окно — и не узнавали родной поляны... Такая еще недавно зеленая да ровная, будто сгорбилась она под тяжелыми сапогами, потемнела от множества землистых шинелей, и не цветы сейчас на ней — погоны да каски ненавистные глаза режут.

Но вот встали чужеземные солдаты в одну цепь и друг за другом, как гуси, потянулись к ольховой роще. А за рощей — Селивановские топи! Так издавна назывались эти огромные и впрямь очень топкие болота. Почему же, увидев, куда они направились, встревожился старый лесник? Туда им, фашистам, и дорога — в болото зыбучее. А старик от волнения даже о внуке забыл, руку его выпустил.

Мигом у голубятни своей оказался Паша... Будто во сне поднимал он с земли убитых птиц. «Который из голубей Гурун?» — горестно подумал мальчик. Как вдруг загурковал кто-то над его головой. А потом раздалось: туки-тук, туки-тук! На всем белом свете один Гурун так стучал... Да это и есть Гурун! Ходит по своему голубиному гульбищу и клюет пшено.

— Гурун!.. Гурунушка! — обрадовался Паша. Быстро поднялся он по лестнице, а на гульбище вышел осторожно, чтобы не спугнуть птицу. И снова Гурун дал себя взять в руки — потому что добрые были руки у Молодого Хозяина.

Спрыгнул Паша на землю да скорее к дому, к распахнутой двери побежал:

— Дедушка! Гурун жив! Я связал ему крылья, чтобы не летал больше. А он обиделся, скрылся в голубятне — так и жив остался. Вот он, наш Гурун!

Но переступил мальчик порог и оторопел...

Пока он был на дворе, больной старик встал с кровати, взял с полки бумагу, ручку, чернильницу... А до стола дойти не смог — опустился на пол и торопливо стал писать. Да только очень у него руки дрожали.

— Фашисты в город рвутся,— сказал он Паше, даже не взглянув на его голубя.— Только почему далеко от главной дороги — здесь они оказались? Не догадываешься? Значит, не осилили наших в открытом бою — обманом задумали захватить город, через болота к нему пройти. Есть через болота тропа. В городе, наверное, о ней забыли.

Даже Гуруну передалась их тревога... Затрепыхался он, завертел головой. Паша опустил его на пол. Тотчас вспорхнул голубь на стол, крошки хлебные стал клевать. И все на старика поглядывал, как он укладывался на кровати, кашлял, говорил что-то Молодому Хозяину. А тот сел за стол, над белым, как снег, листом голову склонил...

Продиктовал старик Паше письмо, помолчал, а потом вот что велел добавить: «По болезни моей писал за меня внук Павел Артюхин, второго класса Селивановской школы ученик».

— Видишь, кому посылаю я это пись-

мо? — сказал он, когда Паша аккуратно сложил исписанный листок бумаги.— Самому большому в городе начальнику. Сейчас, внучок, живо с письмом этим в Селиваново, к бригадиру Афанасию Петро-о!..— Не договорил, застонал вдруг старый лесник.— Как же я запамятовал: уехал он. И никто в селе не знает этой тропы...

Да... Вот и ударило сегодня его, Пашу, горе, да только самое-то страшное оказалось еще впереди. Подойдет враг незаметно к городу, откуда не ожидают защитники. И погибнут тогда все наши солдаты, и отец погибнет, и мама...

— Как же быть, дедушка? Давай я пойду с письмом!

— Что ты, милый!.. Далеко. А через болота не пройдешь. Может, я все-таки смогу.

...Нет, не в силах он был сейчас даже выйти из дома.

Горько стало обоим, хоть плачь. Паша и всхлипнул уже, да замер — тишины испугался. Никогда так тихо не было в их доме.

— Гур-р... гур-р!..— встрепенулся голубь, со стола слетел — и в окно, на волю крылья навострил. Да тут же и ударился о стекло, глупый...

Паша посмотрел на голубя, еще раз посмотрел... и не мог уже отвести от него глаз...

— Дедушка! — тихо заговорил он.— Гурун же у нас есть! Гурун-то... почтовый голубь.— Голос Паши все громче звучал, радостнее.— Мы ему к лапке письмо привяжем, и пусть голубь в город летит, в дом, где родился.

Вот что придумал Паша! Старик взволновался, сел в постели. Просветлело в улыбке его темное от морщин лицо.

И как только скрылся в лесу последний вражеский солдат, выпустил Паша голубя в небо.

А грустно было расставаться с Гуруном! Нелегко он ему достался... Вырастил голубя Василий Авдеевич. Голубь Паше сразу понравился, да только что с того — Василий Авдеевич не родной ему, не выпросишь. Просто его дом в городе стоял рядом с домом Пашиной тети. И когда однажды они с тетей уже было уговорили соседа продать им голубя, спросил он с них такое число рублей, до которого Паша и считать тогда не умел. В ту зиму он еще только начал с мамой в село ходить: она в больницу на работу, а он в первый класс.

Ну и удивились ребята!.. Не любил Паша арифметику, а вон как взялся за нее: весной уже лучше всех в классе считал.

Еще заставил себя Паша рано вставать... Солнце летом как ни спешило подняться, а он уже был в лесу. Заглядывало солнышко в корзину своими недоверчивыми, всегда утром косыми лучами, но грибов там и вправду много уже было.

...И когда узнал Василий Авдеевич, сколько Паша насобирал да насушил для продажи белых грибов, чтобы на вырученные деньги купить его голубя,— вдруг заплакал старый, хотя был он герой гражданской войны, поцеловал Пашу, как родного, и упросил даром взять Гуруна.

К голубям Василий Авдеевич тоже с детских лет душой привязался. И водил их даже теперь, в трудное время. Выждет, когда фашистские самолеты уберутся с неба, и поднимает шест с привязанной на конце белой тряпицей. Он и сам — длинный, без одной-то руки совсем узкий, в белой заячьей шапке — похож на голубиный шест. Засвистит, сразу повеселеет — любуется, как парит в небе его белоснежная стая.

К нему и отпустил Паша своего голубя. Домой отпустил Гуруна. А тот все кружит и кружит вверху, прощается, наверное. И поляну несколько раз облетел и лес соседний — и так уже высоко в небо поднялся, что давно должен о родном доме подумать, прямо к нему лететь.

...Только что это? Вниз полетел Гурун. Что это?.. Собирается сесть на голубятню. Вот как! Не хочет от него, Паши, улетать. Значит, хозяина признал в нем Гурун. И дом новый полюбил. Милый, хороший Гурун!

Но время ли сейчас этому радоваться! В голос заплакал Паша от жалости к себе и Гуруну. А сам поднял шест и... тряпкой, привязанной на конце, хлопнул голубя.

Ах, как обиделся Гурун! Еще бы: не нужен он, оказывается, Молодому Хозяину.

И вспомнил Гурун дом, где родился... Конечно, не мог он помнить, как вылупился из яйца — слепым, в желтоватом пушке голубенком. А вот как его кормили горлица-мать и голубь-отец — помнит Гурун... Поймают клювом его маленький, раскрытый клювик и вливают в него уже приготовленную в зобу кашку. Насытится Гурун и снова — юрк под теплые родительские крылья. Хорошо было дома. Хорошо!

Так скорее, скорее домой! Вытянул Гурун шею, голову вперед — лучше так лететь. И быстро-быстро замахал крыльями.

Но кто это тенью хищной метнулся за ним из-за облака? Что за птица с такими желтыми злыми глазами? И почему в глазах птицы — голодные огоньки?

Ястреб погнался за Гуруном. Вот-вот в него вцепится алчно растопыренными когтями... И закрутятся тогда на осеннем ветру голубиные перья. И умчит хищник растерзанного Гуруна в свое ястребиное гнездо.

А враги уже идут к городу тайным путем!

Но не зря в хвосте голубя — двенадцать рулевых перьев... Резко в сторону повернул вдруг Гурун, сложил крылья — камнем упал в кусты. Будто его и не было.

Так и остался ястреб ни с чем. А Гурун подождал, пока он улетит, и снова пустился в путь.

Быстро долетел голубь до города, а вот в какой стороне родной двор,— никак не мог вспомнить. Страшно стало Гуруну. Заметался он над улицами. Где его зеленый, на высоких столбах дом? Нигде нет!

Много повидал он в тот день голубиных домов — и зеленых и на столбах. Да только все они чужие. А его, Гуруна, где голубятня?

Как вдруг затрепыхалось сердчишко от радости. Вот она... родная! А уже вечерело.



— Гурун!.. Ты ли это? — удивился Василий Авдеевич. Старый голубятник собирался уже со двора в дом идти, как вдруг будто свалился с неба голубь, давно подаренный им сыну лесника.

— Ах, Гурун, Гурун, ветрогон этакий! — сердито стал он ему выговаривать.— Зачем ты улетел от Паши? У него теперь твой дом, не здесь. Ну да погоди... Прогоним фашистов — верну я тебя, Гурун, настоящему хозяину. Постой... Постой! А что это к лапке твоей привязано? Ну-ка...

Развернул Василий Авдеевич скатанную в трубочку бумагу, а на ней написано... И что написано! Дважды перечитал он письмо, да как вдруг кинется на улицу. Скорее, скорее к военному начальнику!

Опередил врагов крылатый гонец. Пусть теперь по-воровски крадутся они к городу: быть им битыми!

А Гурун, как только ушел со двора Старый Хозяин, тоже заторопился, к родной голубятне взлетел. Все уже дома, но дверца открыта. Будто ждали его. Гурун даже глаза зажмурил — хорошо ему стало. Слышалась из голубятни воркотня друзей, и так приятно пахло нагретыми перьями и конопляным семенем...

Нина ВЕЛЕХОВА

С ИСТОРИКА СПРОСИТСЯ

I

Статья эта сначала была письмом. И должна была адресоваться прежде всего тем авторам «Истории советского драматического театра»[1], которые писали и редактировали разделы истории русского советского театра; я хотела его предложить и вниманию тех, кто осуществлял общую редактуру этого издания. Но затем мне показалось возможным обратиться со статьей ко всем, кто знает советский театр, любит его, понимает значение нашего искусства в развитии общественной мысли и культуры современности.

Как все, кто читал этот труд, я воздаю должное стремлению подытожить и обобщить опыт советского искусства в издании, где соединены очерки по истории театров всех народов Советского Союза. Очерки вызывают большой интерес; нельзя не оценить широкий фактический материал, собранный в издании. Материал обширен, интересен, зачастую совершенно нов или касается забытых моментов истории. Но достоинства не могут заслонить от взгляда изучающих историю недостатки исследования. Мы не имеем права обойти их: в этом случае ошибки были бы утверждены, неверное освещение многого из того, что сделано советскими художниками, было бы закреплено и подтверждено общим молчанием.

Проблема многонациональности, которой посвящено введение, очень важна для понимания основ и особенностей советского театра. Но нетрудно заметить, что она находит отражение только в статьях о театрах народов СССР и не отражается в анализе русского советского театра. Как сказалось постоянное взаимовлияние театральных культур разных народов на развитии русского советского театра? Какие итоги в этом смысле мы видим сегодня? Эти вопросы обойдены в статьях о русском театре. И обойдены не случайно, ибо в самом принципе подхода к истории возникновения советского театра есть методологические просчеты.

Театр социалистического реализма, по объяснению авторов, возник как сплав разнородных художественных тенденций. И сами эти «тенденции» — а не то, что их породило,— становятся предметом рассуждений в первом и втором томах «Истории». Слагаемый из «тенденций», облик театра распадается на наших глазах.

Как будто чувствуя неустойчивость основной позиции, авторы первых двух томов не раз задают сами себе организующий вопрос: как возник советский театр? Бесспорно, вопрос очень трудный, но, поставив его, нам дают право ждать и прямого ответа. Мы знаем, что здесь важна характеристика предыстории советского театра; но она не снимает необходимости дать представление о том, что такое самый театр, возникший на заре революционного общества как явление особое, как та новая эстетическая категория, которая впитывает наследие культуры прошлого, собирает, подтягивает к себе новые силы, идеи, таланты.

Во введении мы находим основную, очевидно, для всей «Истории» расстановку исторических идеологических сил. Это страница 11 тома 1-го, там говорится следующее: «20-е годы характеризуются чрезвычайной остротой борьбы за реализм. Так называемый «левый фронт», объединивший и действительно революционные, новаторские тенденции молодого советского театра и тенденции по сути своей буржуазно-декадентские, решительно противопоставил реалистическим традициям старых театров весьма пестрое и внутренне противоречивое искусство: многое в творчестве «левых» было непосредственно рождено революцией, многое опиралось на дореволюционные искания, в свою очередь, внутренне противоречивые, боевая революционная тенденциозность искусства подменялась подчас формалистическим субъективизмом». По логике этого положения действительно революционные и новаторские силы вместе с буржуазно-декадентскими силами решительно противостояли реализму. Если принять такое положение, то в процессе, в момент возникновения советского театра, новые идеологические и социальные силы играли роль тормоза и вели антиреалистическую линию. К тому же по этой логике объединяются в одном направлении революционные и буржуазные идеи. Мы видим в этом не умышленное искажение истории, а очень большую теоретическую неграмотность. Авторы стали жертвой схематического мышления; они не попытались найти и выделить живые идеи революционного искусства, но, наоборот, слили их с различными течениями «левого фронта». И когда слили, то оказалось, что сопоставить с «левым фронтом» некого, кроме старых театров.

На протяжении всего изложения эта схема не выпускает исследователей — а значит, и читателя — из своего плена. Сколько они ни пытаются дать толкований разным «крыльям» «левого фронта», им не удается разрушить схему, логические же противоречия из-за этого создаются в большом количестве. А самое важное было обобщить рано пробудившиеся реалистические движения. Луначарский сказал: «Революция постучала в землю, и оттуда прут теперь необычайно свежие, сочные силы».

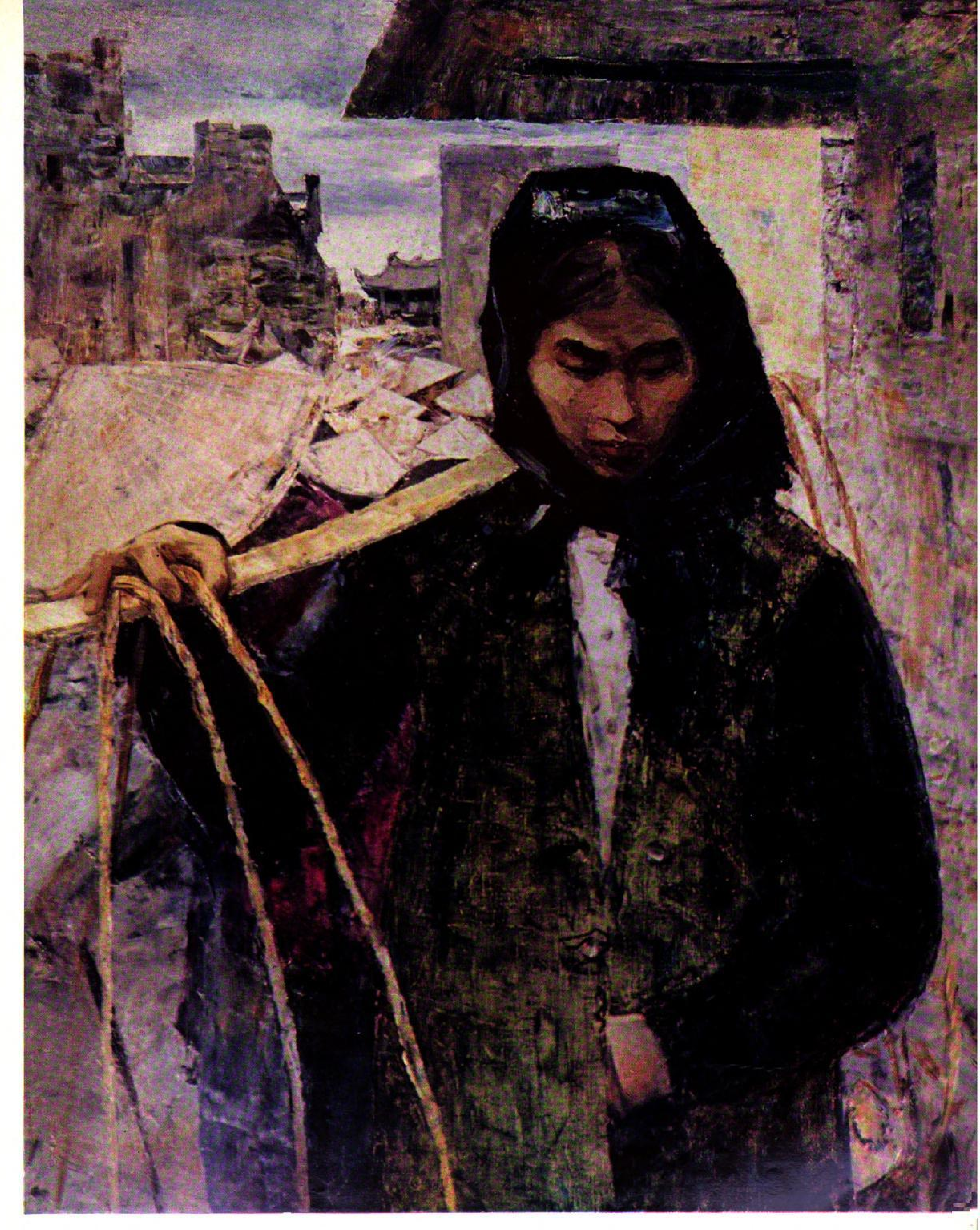
В «Наброске резолюции о пролетарской культуре» Ленин неодобрительно отзывался о «выдумке» новой пролеткультуры, но в то же время заявлял о необходимости развития достижений существующей культуры (с ее лучшими традициями и результатами) *«с точки зрения* миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата». У Луначарского, развивающего ленинские идеи в вопросе освоения культуры прошлого, мы находим тоже очень существенное наблюдение: он писал, что, выражая интересы победившего класса, художник близко подходит «к подлинной философии, той самой философии (а в других случаях — культуре), которая является философией класса пролетарского и одновременно с тем единственно общечеловеческой».

В свете подлинной философии может и историк театра увидеть процесс освоения старой культуры. Подход авторов «Истории театра» оказывается иным. Они как будто надеются пересчитать оставленные традиции; к тому же широкое понятие «традиции» они и не раскрывают, оперируя внешними признаками стилей и «тенденциями». Создать в этом какую-либо систему им не удается.

МХАТ, по их наблюдению, оказался ценен той традицией, которая исчерпывается воссозданием духовного мира личности. Это бедно для идей МХАТа, для его значения в истории и русской и мировой культуры. Малый театр со всей сценической историей Островского и Гоголя в состав завещанных традиций почему-то не входит. Из всего Малого театра в будущее допущены только Ермолова и Южин, да и то не по магистрали реалистической, а по боковой ветви романтических традиций! Напрасно ищем традиции А. П. Ленского, признанного реформатора театра, режиссера выдающегося значения. Его наследия нет.

Отнюдь не точны авторы в определении художественных течений конца XIX и начала XX столетия, которые были в России сложны и неоднородны. В «Истории» эти сложные течения объединены и называются вкупе то символизмом, то футуризмом, то декадентскими течениями. Здесь нужен был точный анализ конкретного содержания идей этой культуры. То, что мы читаем на страницах 1-го тома «Истории», анализом не является. «Тут заложены были предпосылки многих явлений, враждебных социалистической идейности, реализму и подлинной народности, явлений, затруднивших последующее развитие советской театральной теории и практики»,— пишут авторы. Что значит «тут», какие это были явления,— неясно, как неясно и следующее положение: «Но тут же, в исканиях этой поры, впервые проступили и некоторые существенные эстетические тенденции, знаменовавшие собой действительно новые черты искусства, тенденции, которые только после Октября по-настоящему обнаружили свою жизненность, помогли художникам установить непосредственные связи с революционной действительностью, выразить ее в сценических образах». Самый ход мысли об эстетических тенденциях, которые помогают художнику установить связь с революционной действительностью, глубоко неверен. Но авторы настаивают на своем положении, утверждая, что «эти тенденции, впоследствии уже преображенные, насыщенные новым содержанием революционной эпохи, обогатили реализм советского театра, продвинули его вперед». Механическая картина нового театра. Понятием «тенденции», которое означает, по существу, лишь направление, тяготение, волевое стремление к чему-то,— этим понятием подменяется в изложении ясный и определенный анализ идей старой культуры, ее разнопланового содержания. «Тенденции» получают в «Истории» некий самодовлеющий характер и как бы руководят процессом. Это мешает разобраться в интересных, содержательных материалах, которые собраны во многих статьях. Так в рассказе о 20-х годах возникает неточно объясненная проблема синтеза в искусстве театра.

[1] «История советского драматического театра в шести томах». М., Институт истории искусств, изд-во «Наука». 1966—1971 гг.



В. Игошев. ВДОВА. Из Вьетнамской серии.

Всесоюзная художественная выставка «СССР — наша Родина».



К. Махарадзе (Тбилиси). СИНЕЕ БАМАКО. Из триптиха.

Всесоюзная художественная выставка «СССР — наша Родина».

Авторы считают, что развитие театра сопровождал синтез лучших достижений «левого» театра с традициями и опытом театров академических. Происходило это, по мнению историков, так. Академические театры, усваивая средства выразительности «левых», становились сильнее и богаче, а в эстетическую систему «левых» проникал реализм. Очевидно, это—основное положение о возникновении нового театра,— оно повторяется не раз. «Новые формы (реализма.— **Н. В.**) вызревают в советском сценическом искусстве, жадно вбирая в себя все достижения «левого» театра и все сохранившиеся и обновившиеся традиции старых театров»,— читаем мы во 2-м томе.

Едва ли можно принять это за объяснение процесса развития нового искусства. Вызывает недоумение такая методология: реализм проникает в эстетическую систему (нельзя называть практику театров «эстетической системой»), «формы реализма вызревают в... искусстве». Механическое представление о движении метода! Взглянем на доказательства. Как, скажем, реализм Малого театра проникал в «левые» театры? Отвечая на этот вопрос, авторы вдруг опрокидывают собственное построение, начиная подробное и неуместное повествование о колебаниях и отступничестве актеров Малого театра, весьма неумело открывая завесу над забытыми частными фактами саботажа, отказа от ролей и т. д.

Это извне констатируемые факты, неглубоко понятые и необъясненные. Рядом с такими страницами неубедительно выглядит сообщение о том, что «левые» театры делают заем реализма у академических театров; или о том, что академические делают у «левых» заем идеологии и политичности. Настоящий рост и обогащение различных театральных организмов идут не путем заимствований и займов друг у друга. Говорят, что истина конкретна. Представьте себе, кто были эти художники персонально: Станиславский, Южин, Мейерхольд. Их развитие не определялось «усваиванием» чужих средств выразительности, и вряд ли они заимствовали как политическую актуальность, так и «реализм» друг у друга. Истинный процесс роста и углубления художественного организма и сложнее и самобытнее.

Анализ творчества агиттеатров, массовых зрелищ и народных представлений не удался авторам издания. Авторы оценивают работу агиттеатров с позиций психологического театра. Вывод, естественно, не в пользу агитационных театров: здесь нет характеров, нет индивидуальной психологии. Авторы задумываются над тем, как можно было бы совершенствовать пьесы агиттеатра. Если углублять их психологический контекст, рассуждают авторы, то исчезнет агиттеатральная специфика. Разумеется, исчезнет, но нужно ли это делать? Назначение агиттеатра было в другом. И он не был «хуже» психологических театров: он выполнял другие функции. Смысл и значение агитационных театров, народных празднеств и массовых действ не ограничиваются сугубо художественными задачами. Этот пласт творчества отражал именно ту огромную жажду культуры и искусства, которую испытывал, по мысли В. И. Ленина, народ (см. беседу В. И. Ленина с Кл. Цеткин). И в самом факте возникновения агитационных театров своеобразно отражалась и стихийная сила этой жажды, и культурно-просветительский и пропагандистский характер советского искусства. Однако «История» делает иной вывод: улучшение репертуара агиттеатров «подрывает» их систему изнутри. Остаются все те же слагаемые из «левых» и «академических». Во втором томе говорится о борьбе между ними, но и здесь авторам мешает схематичное представление о характере борьбы в искусстве.

II

Ни версия «синтеза», ни версия борьбы течений, тенденций и фронтов не дают истины рождения нового искусства. Синтез и борьба течений в театре **в том виде, как их описывает «История»**, есть явления, сопровождающие процесс, явления вторичные. Есть более глубокий процесс, диалектический процесс развития искусства, питающийся сущностью новых форм жизни, новых общественных отношений, ими рожденный, как рождаются идеи жизнью.

Новый театр возникал не по велению извне и не из стремления одного противника победить другого. Были и споры, и столкновения, и дискуссии, но только по ним изучать процесс — все равно что изучать процесс сгорания по искрам и дыму. Нельзя следствие подавать как причину.

В обилии фактов, которыми богата история театра, неизбежно бывают противоречия, авторы же часто не обнаруживают в их объяснении необходимой теоретической точности и глубины. Их объяснения в разных местах сами противоречат друг другу, одно отрицает другое. Там, где нет глубокого философского мышления, не будет и простой информационной ясности.

Как уяснить читателю картину дореволюционной культуры, если в начале 1-го тома говорится о том, что «в подавляющей массе своей дореволюционное актерство было аполитично», а через несколько десятков страниц — о том, что в предреволюционные годы «недовольство царизмом испытывали едва ли не все интеллигентные люди России, а протест против буржуазности пронизывал творчество большинства талантливых художников»?

Мейерхольд был большим художником. Его иногда называли путаным, потому что путь исканий был у него сложен. Но самый сложный процесс творческого развития может быть прояснен аналитической мыслью. А вокруг имени Мейерхольда в «Истории» создана еще большая неясность. Путаница начинается с первого же положения о Мейерхольде. Авторы «Истории» вдруг решили доказать, что он принял революцию не в силу своих идейных убеждений, а движимый «логикой своего творческого развития». И таким образом разъединили неразъединимое.

Какова, по мысли авторов 1-го тома, была эта логика? Вот она: «Путь этот был сбивчив, извилист, победы чередовались с явными поражениями, спектакли значительные — с постановками «проходными», малозаметными, срывы в мистику, расслабленность (?), декаданс — с произведениями остро сатирическими... Подчас Мейерхольд балансировал на опасной грани между формализмом самого эстетского толка и живой театральностью». Все это, конечно, не является анализом логики, которая могла привести к определенной программе взглядов. И тогда авторы начинают искать программу политических взглядов Мейерхольда в его стремлении к «откровенно игровому» театру, мысли о котором, по их сообщению, не были додуманы до конца потому, что «искания устремлялись то к эстетике народного балагана, то к реставрации различных форм старинного театра, то в сферу стилизаторства». Такие искания, по словам авторов, логически и последовательно развитые, вели к идее политического театра.

Думаю, что политический театр предполагает прежде всего наличие политического мышления; он определяется идеями, отношением художника к социальным проблемам жизни. И не понимаю, для чего понадобилось эту логику подменять случайным, хаотическим перечислением приемов режиссуры, которые не могут сами собой привести ни к каким идеям.

Авторы предлагают такой путь Мейерхольда к революции, для доказательств которого им приходится спорить со свидетельствами самого Мейерхольда. Его дневниковые записи, где режиссер отрицательно отзывался о политическом устройстве царской России, где он писал, что приходит в отчаяние от реакции правительства на 1905 год,— все это авторы объявляют несущественным. В мировоззрении художника, оказывается, не играет роли реальность истории. А это уже касается не логики Мейерхольда, но логики пишущих о нем. И именно поэтому те революционные спектакли, в которых Мейерхольд действительно был современным, глубоко актуальным и нужным обществу, не получают в «Истории» серьезного разбора. Зато «Дама с камелиями» — случайный этап на пути большого режиссера — определяла, по словам авторов, «новое Возрождение», ренессанс нашего театра, идеи красоты, гуманности и вечной женственности.

Роль возродителя женственности не согласуется с обликом революционного режиссера. Впрочем, мы встретим здесь немало мест, которые как бы не согласованы между собой. На одной странице Мейерхольд — недальновидный борец с академическими традициями, на другой — Мейерхольд — защитник традиций Щепкина и Шумского, пропагандист народного театра. На 178-й странице он снова нигилист, отрицающий культурную преемственность... На первой половине страницы 179-й говорится, что идеи Мейерхольда совпадают с идеями Пролеткульта, на второй половине этой же страницы он объявлен органическим антиподом агиток, хотя там, где речь идет о «Зорях», определен как сторонник агиток. Еще ниже сказано, что он делает агитку из «Леса».

Могучий и все еще не исчерпанный образ Вахтангова как-то обидно сник и выцвел на страницах «Истории». Его приход к революции объяснен так же неверно, как и приход Мейерхольда. «Художник помог гражданину,— пишут авторы.— И Турандот стала не только эстетическим, но и гражданским актом Вахтангова». Зачем, к чему эта игра с нормальной логикой человеческого сознания?

Как могло получиться, что Вахтангов в одном томе назван носителем светлого гуманизма со студийной скамьи, а в другом — выразителем мрачного, трагического взгляда на все, включая даже комические ситуации? Во 2-м томе о нем говорится: «Вахтангов безусловно был реалистом». А в самом последнем томе он отнесен к романтической школе. Почему?.. Мы должны были бы сказать о бо́льшем, чем удается здесь перечислить: о неверном анализе постановки «Росмерсхольма» в Первой студии МХТ, где авторы не распутали противоречия театра, а только усугубили их; о сомнительном разъяснении концепции Гамлета в исполнении М. Чехова («Страх перед насилием, перед самой идеей какого бы то ни было насилия,— пусть даже справедливого и исторически неизбежного»); о сведении к частности широкой социально-психологической концепции «Анны Карениной» во МХАТе. Здесь слишком многое получает смещение. Можно ли возводить скромный спектакль филиала Малого театра «Евгения Гранде» до степени образца и при этом клеймить «Человеческую комедию» в Театре имени Вахтангова за отсутствие социальной темы и, как выражаются авторы, «социального анализа Бальзака»? Социальный взгляд на роман как раз в спектакле вахтанговцев наличествовал.

Неверно называть «Тартюф» во МХАТе спектаклем, где был удачно решен только образ Оргона В. Топорковым. Исполнение М. Кедрова (Тартюф) нельзя вычеркнуть из ряда законченных, классических, глубоких по мысли решений мольеровского образа.

Необъяснимо, почему, говоря о «Грозе» в Театре драмы (позднее — имени Маяковского), авторы возмущаются абстрактным оформлением спектакля, которое-де не позволяет им даже уяснить, где происходит действие! Декорации художника Чемодурова имели ясный, локально-бытовой адрес, о чем говорят и по сей день сохранившиеся фотоснимки. В такие моменты кажется сомнительным, видели ли авторы спектакли, ознакомились ли с тем, о чем пишут?

Нельзя пройти мимо странного толкования народности, с которым мы встречаемся здесь. Напомню, что вопрос о многонациональном характере развития театра невозможен без решения проблемы народности.

Во имя какой идеи можно предлагать читателю увидеть народность в представителе чиновного Петербурга Варравине! По заверению авторов, «у нас в каждом классическом герое — от Отелло до Тузенбаха — искали черты народности... Если угодно,— пишут они,— этот бюрократический столп был демократичен — простолюдин, черная кость, корявый мужичина...» Чему и кому это может быть «угодно»? Проблема народности слишком серьезна, чтобы делать такие домыслы. Совершенно бездоказательно заявление о том, что во «Власти тьмы» в Малом театре была какая-то кабацкая,

слободская, жирная, наглая народность. Не было такого отношения к народу в этом спектакле. И не надо сегодня придумывать новые оценки, искажающие содержание произведений прошлого.

Такие недоказуемые определения «История» дает, к сожалению, явлениям, в большинстве случаев крупным и к тому же очень хорошо и подробно объясненным в прессе и литературе прошедших лет. Но в шеститомнике их суть, такая ясная, исчезает, расплывается. На место ясной и глубокой концепции спектакля или пьесы приходит прямо противоположная и, к сожалению, часто непродуманная.

Читая описание театра 30-х годов, мы встречаемся с пересмотром общего итога работы театров над классикой, в особенности над Шекспиром и Чеховым. Вывод гласит, что это был период односторонне понятой классики. То триумфальное шествие шекспировских пьес по сценам советских театров, которое сделало нашу страну второй родиной Шекспира, мы еще застали, мы видели эти шедевры. Но почему-то мы должны сегодня по приказу авторов 4-го тома увидеть прошедшее другими глазами. Мы должны поверить авторам, будто случилось непредвиденное превращение созданных театром шедевров в нечто весьма заурядное, мало достойное внимания. Выражаясь очень витиевато и, простите, осторожно,— настолько, что всегда можно найти фразы комплиментарного характера,— авторы данной темы все-таки не удерживаются от прямого обвинения театров в «ограниченности». (Конечно, нет ничего абсолютного и «безграничного»,— недостатки могут быть во всем. Но, говоря об ограниченности в трактовке классики, авторы протягивают нить в более поздние времена, где, как можно догадываться, ограниченность окажется преодоленной. Легко проследить, что преодоление они найдут не раньше чем к концу 60-х годов. До тех пор, очевидно, наш театр сидел за школьной партой.) Ограниченность авторы видят не только в работе над классикой 30-х годов, но и в работе с советской драмой и в самой драме. Тут опять-таки допускается расхождение между заявленным в предисловии к 4-му тому определением: театр первой половины 30-х годов «поражает своим художественным многообразием, смелостью...» — и анализом спектаклей, который дан равнодушно, порой с оттенком фельетонной насмешки по поводу существенных и реальных тем: «Невестка вместо того, чтобы утопиться, сбегает от домостроевской свекрови в колхоз». С невольной горечью мы замечаем, что значение Николая Погодина и Леонида Леонова не раскрыто и не понято. Константину Треневу приписана даже неоригинальность построения сюжета «Любови Яровой». Занижено значение сатиры Б. Ромашова. А Виктор Гусев? Светлый и чистый поэт, он отброшен со своей «Славой», как случайный спутник, чье лицо в полутьме и не пытались рассмотреть счастливые современники более знаменитых писателей.

Очевидно, и здесь выбрана точка зрения, с которой пейзаж истории приобретает другие цвета, другой характер. Но мне не хочется делать вид, что я не узнаю теперь, перестала различать то великое, что было в театре,— настоящее, большое движение его идей. И мне непонятна необходимость отречения от них. Ход жизни театра в те годы не был ровен, и путь многих произведений к признанию бывал тяжек и несчастлив. Вот что ждало справедливого пересмотра и его, кстати, получило. Так было с «Золотой каретой» Леонида Леонова. В «Истории» этот случай помянут с чувством возмущения, которое нельзя не разделить. Я хорошо помню, как труден был путь этой пьесы. Но я не могу понять, почему, призвав этот случай как пример необъективного отношения к произведению, авторы тут же, не разбираясь по существу, перечеркивают другие леоновские пьесы — «Садовник и тень» («Половчанские сады») и особенно такую сложную, неразгаданную, как «Бегство Сандукова» («Волк»).

III

Вопрос об особенностях театра социалистического реализма должен опираться на глубокий философский анализ социальных сдвигов, определивших жизнь новой России. Справедливость требует заметить, что во введении к изданию и в некоторых заключениях (их всего шесть) прослежены важнейшие вехи развития общества. Но в самом конкретном анализе истории русского советского театра процессы эти взяты чисто номинально. По верху жизненных перемен идут авторы. А эти перемены влияли на человеческую жизнь, на отношения людей, на сознание: менялась психология. Все время, даже в те «ограниченные» и «односторонние» десятилетия, совершался огромный труд театра по воспитанию психологии человека. Последовательности этого процесса «История» не заметила.

По утверждению авторов 6-го тома, в конце 50-х годов происходит «возвращение драматургии из мира условно сконструированных схем к действительным противоречиям и реальным конфликтам самой жизни» и открытие нового общественно-психологического типа современника. Здесь открываются «новые страницы, совершаются «новаторства», восстания против привычных, проторенных путей. Здесь «трезвое понимание жизни», которое способно взволновать зрителя.

Как всем, кто любит театр, мне дороги 60-е годы. Я не делю в своем чувстве театр на разные десятилетия. Я люблю его юность, зрелость — все этапы возрождения его сил и моменты переходные. И, возражая против схематичного распределения оценок по десятилетиям, я не хочу ни возвышать, ни занижать ни одно из них. Но в 6-м томе как раз сталкиваются и противопоставляются десятилетия, как сильнейшие и слабые. А читателям остается только приветствовать победителя.

Утверждая, что произошел обрыв традиций внутри театра, авторы вольно или невольно выносят отказ предшествующему. То, что говорится о 60-х годах, начинается с условия: «если до сих пор» (например: «...Если до сих пор молодые герои на сцене решали вопросы: кем быть, куда идти учиться, где получить диплом о высшем образовании», то у Розова они думают — какими быть). А затем на шаткой основе преодоления того, что было, выстраивается образцовый порядок жизни театра последующих лет. Для этого забыты исповедуемые в первых томах условия, например, верность традициям и культуре прошлого, преемственность поколений режиссуры и многое другое. Настаивая в первых книжках истории на том, что театр социалистического реализма возник из сплава разных традиций, авторы в 6-м томе фактически утверждают, что одно только десятилетие, вырванное из единого процесса, может дать новый театр и обойтись без связи с предшествующими.

Я хочу напомнить коллегам по перу, что мы не можем забыть и потому не имеем возможности ошибаться в следующем: мощная поэтика режиссуры и мастерства актера, оставленная основателями советского театра, так же как и гигантская энергия, с которой они проводили в жизнь свои художественные и политические идеи,— это почва для новых рождений. Я не могу понять, каким принципом историзма можно обосновать замечание о том, что свобода от самых близких традиций, разрыв юных «отроков» с культурой прошлого — все это было «предопределено». Как можно не видеть реально существующую преемственность, столь ощутимую даже в самой стилистике режиссуры?

Снова в последнем томе мы замечаем, что разговор о тенденциях замкнут внутри понятий «манера», «стиль», «ключ». Видимо, нет ясного представления, откуда же рождается та или иная манера в режиссуре шестидесятых годов, что обусловило и определило жизнь театра близких нам лет.

При таком нарушении процесса развития, конечно, нельзя проследить и выявить особенности многонационального театра, суть его социально-исторического происхождения.

IV

Позволим себе последнее отступление.

Психология современного человека — это категория узловая, во многом суммирующая движение советского театра. Содержание нравственного идеала — острейшая проблема. Идеал формируют не настроения, не смена направлений в искусстве и не очередная мода. В нравственном идеале выражен исторический характер общества. И потому этот идеал глубоко определен социальными основами, глубже, чем это понимают авторы статей «Истории» об отроках, поправляющих ошибки отцов.

Когда-то, на заре нашего общества, говоря о взаимоотношении искусства и революции, А. В. Луначарский сказал знаменательные слова о том, что искусство нового общества прежде всего помогает человеку ориентироваться в мире, в новых формах человеческих общественных отношений. И именно эти отношения важно знать художнику, ищущему ответ на вопрос, как жить человеку в бурно, революционно изменившемся мире.

«Для нас было ясно,— писал Луначарский,— что после революции, когда новый читатель начинает организовываться, он требует социального реализма». Конечно. Огромная часть человечества вошла в новую формацию общества. И неслыханно новый смысл человеческого бытия, от простейших вопросов существования до судеб человечества, стал смыслом и содержанием нового искусства. И потому мышление художников шло на философском уровне, хотя и не всегда отличалось внешним блеском. Они в глубине брали проблемы человеческих отношений — морали, нравственности, добра, личности и многих других важнейших категорий. Драматургия и театр с поразительной последовательностью решали труднейшую задачу творческого выражения психологии человека социалистического мира. Эта задача только сейчас кому-то кажется простой и в иных пьесах нередко размывается до полной неопределенности. Но тогда надо было на ходу, в стремительности п л а в я щ и х с я д н е й найти ответы, не терпящие промедления. Надо было показать, как после революции менялись взгляды человека на жизнь, как менялись нормы отношений людей, менялось понимание жизненных целей, добра, блага, счастья. Это и значило — выразить новый душевный склад, новые закономерности поведения людей в обществе социалистической формации.

При всех несовершенствах, при всех трудностях объективного и субъективного порядка писатели и режиссеры подняли очень глубокие пласты и решили многое. И необходимо сегодня разобраться в их деятельности, осторожным прикосновением реставраторского скальпеля снять пыль наслоений и увидеть картину творчества советского театра такой, какова она была в действительности. Ее не надо приукрашивать. Но и не надо ее уничтожать. Вспомните, какой сложной была эта картина в 40-е и 50-е годы. А в «Истории», открыв 5-й том, мы прочтем вывод: в послевоенные годы «все ощутимее становилась опасность нивелировки театров, подгонки их к некоему единому среднереалистическому образцу».

Годы были очень сложны, очень трудны, в них было много внутренних противоречий, но «История» явно посмотрела только в одну сторону. Надо же взглянуть и на то, к чему пришел и что дал театр послевоенных десятилетий, ибо здесь речь идет о развитии и защите общественных идеалов, с которыми и сегодня прогрессивное искусство борется за счастье человека.

Мы говорим о защите, ибо в советском театре годы войны и годы послевоенные, при всех внутренних художественных расхождениях между разными направлениями, содержат в себе то противостояние духовному распаду и реакции, которым театр наш живет и поныне и которое отозвалось, без сомнения, в мировом искусстве.

Война внесла в жизнь человека свои крайние, предельные для жизни вопросы, поставила его перед разрушением и смертью, подвергла испытанию не только крепость армий, но крепость нравственных и моральных норм, связей человека в обществе. Мы знаем, как сказались на психологии человека Запада хаос войны и ее последствия. Ребенок с факелом перед мордой минотавра на картине, где изобразил аллегорию нашествия фашизма Пикассо, мог оказаться более стойким, чем сознание некоторых художников и философов Запада, отступивших от идей гуманизма.

Смятение души вело к признанию ненужности идеала, бессмысленности идеала с точки зрения сохранения жизни и личного счастья. Это можно увидеть во множестве теорий современной буржуазной мысли. «Человек пришел в ужас перед непознаваемой вселенной, и из его души то и дело исторгались испуганные выкрики. Этими выкриками являлись произведения искусства», как писал один американский критик.

Капитуляция общественной мысли и искусства — даже при стойкости отдельных великих художников — сказывается на жизни общества. Мы можем наблюдать в мире и сейчас случаи катастрофы социальной морали, низведение общественного идеала, распад личности. И в том, что социалистический мир выстоял и не отдал высокие человеческие ценности, есть заслуга и деятелей советского искусства. Они неуклонно и, может быть, даже наступая на горло своей песне, изо дня в день вели свою линию, зная, что с художника спросится. Но тогда мы этот подвиг мало оценивали. Теперь же в панораме мирового искусства с его блеском и падениями отчетливее итог: строгое очистительное содержание искусства социалистического мира. И несомненный его отклик в явлениях прогрессивного западного искусства.

Имена, которые связаны с немеркнущим светом театра, перечислить здесь невозможно. Но одного режиссера, которого ныне нет, но который при жизни был знаменем театра, утверждающего человечность и подъемлющего дух, я назову — это Охлопков. Я называю его потому, что его роль в театре современности сведена в «Истории советского драматического театра» до степени автора случайно удавшихся постановок. Я восстанавливаю полустертое «Историей» имя основателя Реалистического театра, Театра имени Маяковского, создателя «Разбега», «Молодой гвардии», «Гамлета», «Грозы», «Медеи»... Носитель атмосферы героики в современном мире, всегда стремившийся к воздействию театра на идеальное начало в душе человека, выразитель народного духа в театре, он отразил в своей режиссуре новые идеологические, эстетические и социально-этические категории. И он был не один: в одиночестве он не пришел бы к таким высотам.

Вместе с ним шли большие, талантливые, крупные натуры, глубокие умы. Добровольный гражданский героизм — так можно назвать сознательное служение личности интересам общим — сказался не только в содержании произведений, но в углублении личности художника, в высоком эффекте духовного мужества. Талант отцов нашего театра был усугублен мудростью взгляда на жизнь. Они видели в жизни новый тип социальной психологии, возникший задолго до 60-х годов. И выражали его в образах мощного поэтического обобщения. Их жизнь и творчество — подвиг мысли, воли, веры и таланта. Произведения их были крупными по идее своей, потому что в больших идеях нуждалось Время. Повторю мысль Энгельса, применяя ее к художникам нашего времени: люди, живущие в гуще интересов своего времени, люди, которые становятся на определенную сторону в борьбе идей, которые борются за них всеми средствами и силами души. Отсюда та полнота и сила характера, которая делает их цельными людьми.

Непримиримость к душевному измельчанию, которую нес Охлопков, была не умозрительной идеей. Он внушал это чувство, с ним люди уходили после его спектаклей. Здесь была та искомая категория красоты, которую следует назвать социальной категорией. Она вводила высокую норму душевной жизни в жизнь обычного, в быт.

Охлопков не был исключением. Театры десятилетиями давали спектакли, которые всем своим духом, стихией выражения ставили человека перед невозможностью жить мелко, при мещански заниженных целях. Они препятствовали развитию буржуазного начала в психологии так же, как весь наш жизненный строй. Еще повторю: они стояли перед нелегкой, не имеющей прецедентов в истории задачей. Но они знали, чувствовали, что таков их долг, и свято служили ему. Да, они **искали**, они делали нечто совсем непривычное. Но невозможно оставаться равнодушным к тому, что мир их чувств и мыслей объявлен «миром условно сконструированных схем». Невозможно принять произвол в картине жизни театров 50—60-х годов, где в своевольном размещении «светил» задвинуты в дальний угол художники, определившие действительный подъем театра, **основатели его эстетики**. Нельзя молчать, если подбор цитат дает неверное представление о реальном содержании позиций, точек зрения, самого содержания выступлений и статей. Авторы, заявившие в 6-м томе о нивелировке под один образец, странно забыли о роли Охлопкова, выступавшего именно против среднеарифметических образцов в искусстве, выступавшего с широкой и прямой критикой ошибок, с утверждающей программой **многообразия реализма**.

В статье, данной под конец 5-го тома и называющейся «Заключение», авторы, как некий постскриптум, приводят отдельные места из газетных выступлений Охлопкова и уделяют ему несколько запоздалых похвал. Но похвалы эти находятся в противоречии с анализом того конкретного периода, когда режиссер работал, когда он действительно был в ряду новаторов.

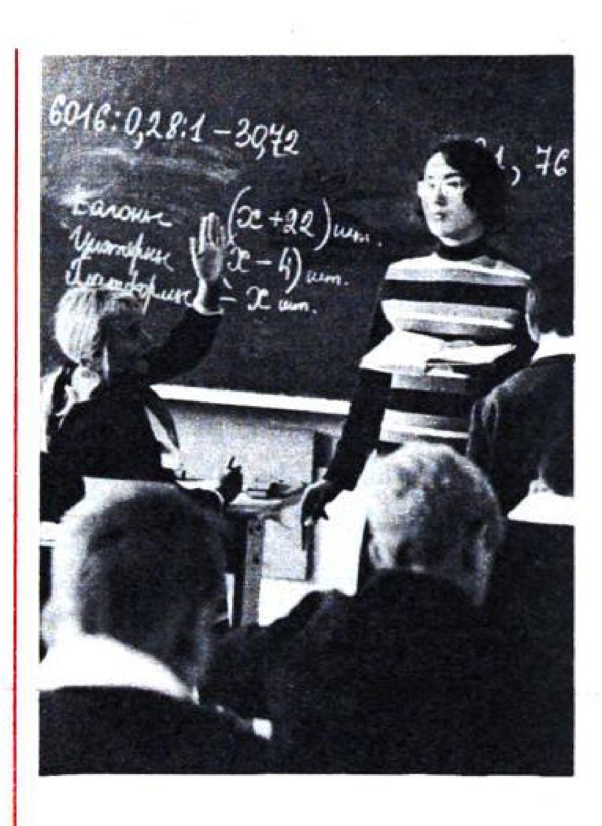
И уж просто странно звучит в самом последнем, шестом «заключении» еще одно запоздалое сообщение о том, что идея Мейерхольда о слиянии сцены и зала «будет подхвачена и воплощена» в Реалистическом театре Охлопковым. Очень хорошо это «будет», если во всех шести томах так и не нашлось места анализу ни этой идеи, ни других экспериментов Реалистического театра,— о нем сказано мимоходом! Что же касается самой идеи, то она была охлопковской. Он осуществлял ее в Иркутске. Авторы, очевидно, этот период его работы не посчитали достойным изучения. Из прессы об Охлопкове в «Историю» попали лишь негативные части цитируемых статей. Даже статья в «Правде» о «Грозе», переменившая отношение к поискам в театре и открывшая дорогу режиссерским дерзаниям, процитирована (при разговоре о его спектакле) лишь в тех частях, где Охлопкову сделаны замечания. Это уже не похоже на забывчивость. А тем не менее современный театр из его режиссуры, из его арсенала взял едва ли не все — поэтический язык условности, открытое общение с публикой, пространство; синтез слова, движения, танца и музыки; отказ от бытовой ограниченности; свобода и широта действия. Не в отрицании старшего поколения, но, по выражению поэта В. Хлебникова, на ее плечах укрепляется молодое поколение. Так произошло и в нашем театре.

Нет возможности назвать здесь хотя бы важнейшие проблемы, поднятые творчеством этих художников, их искусством, пока еще не замолкнувшим в памяти. Но ведь когда-то и оно уйдет в прошлое. Когда-то не будет и свидетелей. Останется многотомная «История». Но, к сожалению, эта «История» прошла мимо многих драгоценных открытий, брошенных в почву посевов, настоящих идей, давших всходы и реальные жизненные результаты.

Маяковский сказал:

Я к вам приду
в коммунистическое далеко
не так,
как песенно-есененный провитязь.
Мой стих дойдет
через хребты веков
и через головы
поэтов и правительств.
...Мой стих
трудом
громаду лет прорвет...

Вспоминая этот завет поэта, я думаю: то, что сделал для будущего наш театр, придет в коммунистическое далеко в самой сущности человеческой психологии с ее новым, бескорыстным, антибуржуазным, антимещанским отношением к жизни. Это и будет плодом великого труда театра, который прорвет громаду лет. Его путь должен быть точно обозначен в трудах историков. В данном случае точность нарушена. И мой долг перед историей театра — сказать об этом нелицеприятно и прямо.



7 ОКТЯБРЯ — ДЕНЬ УЧИТЕЛЯ

МНОГО СОБЫТИЙ

Первого сентября Женя первый раз пришла в школу. Она говорит, что уже не помнит тех волнений, которые испытала пятнадцать лет назад первоклашкой, но сейчас, конечно, все неизмеримо сложнее, чем тревоги о косичках, бантах и белом фартучке. Дело в том, что выпускница Московского педагогического института имени В. И. Ленина Евгения Васильевна Ильина сама стала учительницей.

Почему она выбрала именно эту профессию? Оказывается, потому, что уже с первого класса не представляла и до сих пор не представляет для себя другого дела.

— Мне вообще кажется, что для выбора дела, которому хочешь себя посвятить, очень важен ранний пример. Не оттого ли мальчишки мечтают стать космонавтами, что жил среди нас Юрий Гагарин? Мы, девочки, играли в школу. Была у нас в первом классе такая учительница — Надежда Гавриловна Агеева. Строгая, внимательная и добрая. Мы тогда не понимали, что вся ее жизнь в нас. Просто чувствовали в ней друга, которому можно во всем довериться и которого ничем нельзя огорчить. Это уже много позже я узнала, что коммунист Надежда Гавриловна пользуется большим авторитетом у преподавателей как человек исключительной честности и чуткости... Словом, вот вам мой ранний человеческий идеал и причина раннего выбора профессии...

— Какой предмет вы преподаете?

— Математику в четвертом и пятом классах.

— Любите, конечно, математику?..

— Не просто люблю. Считаю ее самой всеобъемлющей наукой. У нас в институте была хорошая, очень дружная группа. Но вы не можете себе представить, как мы, бывало, спорили и ссорились по поводу взглядов на математику! Я утверждала и стою на своем: математика — прогрессивнейшая из наук современности. Рада, что в институте нас обогатили не только серьезными математическими познаниями, но и романтическими представлениями об этом предмете, о его безграничных возможностях в объяснении явлений окружающего нас мира. Постараюсь передать все это ребятам в школе...

Мы, комсомольцы института, все перебывали пионервожатыми — это очень много нам дало: пришла к своим ребятам, как к знакомым! Я очень люблю спорт, театр, книги, особенно научную фантастику. Все это они, знаю, тоже любят. Вообще подростки одиннадцати, двенадцати лет, по-моему, самый интересный и боевой народ!

Женя — старшая дочь в рабочей семье. Отец — шофер одного из московских автохозяйств, мать — в недалеком прошлом токарь. Младшая дочь, Лена, готовится стать ученым-метеорологом и тоже говорит, что другой профессии для себя не мыслит.

— Жизнь идет...— сказала мать Жени Антонина Игнатьевна.— Я фэзэушницей в их-то годы была, жила здесь неподалеку, в рабочем бараке... Дочери вон куда шагают!.. Все хорошо, все идет, как надо.

М. АЛЕКСАНДРОВ

А. ЗУБОВ,

Л. ЛЕРОВ

Рисунки И. УШАКОВА.

КТО ОНИ?

Сергей получил разрешение каждый день бывать у дяди и после занятий мчался в больницу. Сидел у постели молча, виновато опустив голову. И лишь недели через две он решился повести разговор о том, что все понял и что ему стыдно за свое поведение. Синицын положил руку на колено племянника, улыбнулся и тихо сказал:

— Не надо, Сережа, об этом. Подведи черту... Итак, все позади. Вот и хорошо...

Он не знал, что пройдет время, и опять у Сергея не хватит сил воспротивиться тем, кто станет нашептывать: «Старик, плюнь да разотри! Предки, они все такие. Давай тряхнем, как бывало... Дюк вернулся с каникул, привез канадское виски».

Сергей не выдержал натиска дружков. Собственно, даже не столько дружков, сколько Дюка. Однажды в присутствии Ксаны, той самой девушки, которая у него дома лихо отплясывала на столе, иностранец повел разговор об «инобоязни» русских:

— О, это всемирно известная русская бдительность! Мой дорогой друг Сергей теперь боится приглашать меня домой. Ему, бедному, здорово попало от дядюшки. Это же так страшно — иностранец на квартире советского ученого!..

Дюк вместе с Ксаной весело смеялись, подтрунивая над Сергеем. И он дрогнул... Будь дядя в Москве, все, возможно, сложилось бы поиному. Но Синицын улетел в Вену, на симпозиум, и Сергей решил, что один раз — единственный и последний — можно «согрешить». Никто и знать не будет.

В среду Синицын улетел в Вену, а в субботу Круглов, старый друг Синицына и его сосед по лестничной площадке, возвращаясь поздно вечером домой, услышал из распахнутой двери синицынской квартиры визг пьяных девиц и чей-то надрывный голос: «Я подымаю свой бокал...» На лестничной площадке спиной к Круглову стояли два молодых человека. Один из них, долговязый, говорил с заметным иностранным акцентом. То ли оба они были сильно пьяны, то ли увлеклись беседой, но на Круглова не обратили внимания, и он услышал, как долговязый отчитывал собеседника: «Так не поступают джентльмены, Владик. Вы обещали принести сегодня рукопись. Где она? Я, кажется, поспешил отблагодарить вас...»

Вернувшись из Вены, Синицын на следующий день заглянул к Круглову. Сосед, не желая расстраивать друга, пытался перевести разговор на шутливый лад, дескать, сами мы в молодости грешили и нет ничего зазорного, если собралась студенческая компания. Но Синицын сразу уловил — Круглов чего-то недоговаривает. И решительно потребовал рассказать все.

...Сергей вернулся домой поздно вечером. Обнял дядю и торжественно протянул ему газету — в ней был опубликован репортаж, подписанный студентом С. Крымовым. Но дядя даже не заглянул в газету, сухо объявил:

— Все, что происходило здесь в субботу, мне известно. Объясняться не желаю. Могу лишь сообщить тебе, моему дорогому племяннику, что в возможно короткий срок ты должен перебраться в общежитие. Ежемесячно будешь получать от меня сумму, равную стипендии. И ни копейки больше.

Места в общежитии Сергею не дали: он не стал рассказывать декану всю правду, а выдумал нелепую байку о капризном дяде. И Синицын разрешил племяннику остаться в его квартире.

Однако, помимо «дядиной стипендии», у Сергея иногда появлялись шальные деньги. Попрежнему собирались, правда, теперь не столь многолюдные и шумные вечеринки, о которых даже сосед Круглов ничего не знал. А Синицын все так же бывал в разъездах...

И вот беседа работника КГБ с Сергеем в присутствии Синицына... Клюев знает о Сергее и его друзьях уже несколько больше, чем Синицын. Известно, что друзей у него много, но студентов среди них мало. Кто они, эти друзья, чем занимаются, где работают, однокурсникам Сергея неведомо. Крымов не очень разборчив в друзьях... Например, Владик, который только-только окончил строительный институт... Подружился Сергей и с аспирантом МГУ иностранцем Дюком. Дюком интересовались в КГБ в связи с кое-какими его валютными операциями. Кажется, аспирант не столько занят обогащением духовным, сколько материальным: спекулирует долларами. Письмо матери Толика — еще одно тому подтверждение. Видимо, именно его имел в виду Сергей, когда говорил Толику о человеке, который «по части дубленок дока»...

Месяца четыре назад Сергей, как утверждают ребята из его группы, «втрескался по уши» в Ирину Рубину. И, кажется, не без взаимности. Она старше его и уже готовится к защите диплома.

...Что скажет Сергей сейчас? Клюев дает ему понять, что, если потребуется, вызовут и Ирину Рубину. Сергей встрепенулся, заерзал на стуле:

— Зачем? Она не имеет никакого отношения...

— А мы считаем, что имеет... Так как, вызвать ее?

— Не надо... Я очень прошу... Не надо!

И тогда Сергей рассказал всю правду. Правда для Синицына оказалась страшнее, чем это можно было предполагать. Дюк, узнав, что дядя лишил племянника возможности тратить деньги без счета, как-то после нескольких рюмок коньяку доверительно сказал Сергею:

— Я имею честь сделать вам, Серж, заманчивое предложение. Вы имеете прекрасное хобби — журналистика... Я уполномочен одним английским прогрессивным журналом платить вам тридцать долларов за репортаж для этого очень интересного издания. Во время каникул вы поедете за счет журнала чудесным маршрутом: Москва — Одесса — Ялта — Батуми. Три недели будете путешествовать. Одну неделю будете писать отчет. Простите, репортаж... Вы даете вашу работу Дюку, и он платит вам наличными. Если Серж согласен, мы будем уточнять объекты...

После возвращения из вояжа Сергей сказал Дюку, что репортаж написать не сможет. Дюк рассвирепел, заявил, что не ожидал такого ответа от интеллигентного молодого человека. Но Крымов действительно ничего не мог написать, кроме того, что можно прочесть в путеводителях по Черноморскому побережью. Иностранцу не хотелось верить, что Сергей уходит из-под его влияния. Он не знал, что в жизни его «друга» появилась Ирина, что в ее доме Сергея не очень жалуют — «шалопут», «студентишка»,— что Сергей тщательно припрятал все деньги — и доллары и «командировочные» — с надеждой в ближайшем будущем щегольнуть перед Ирининым отчимом в качестве солидного «журналиста при гонорарах»...

Ирине о своих переговорах с Дюком Сергей ничего не сказал, а поездку в Батуми объяснил так: каникулы плюс небольшое задание редакции одного журнала, где его уже давно приветили. И вот теперь она все узнает.

— ...Для меня это самое тяжелое наказание. Поверьте. Я многое передумал...

До последнего времени Сергей считал, что живет полнокровной, интересной жизнью. И когда при первой беседе с Клюевым тот спросил его: «Вы-то сами довольны такой жизнью?» — он ответил: «Да, конечно...» И был уверен, что это действительно так. Клюев сказал ему тогда: «Поймите, это только видимость жизни...» Теперь, вспоминая разговор с Клюевым, он впервые задумался о глубоком смысле его слов: «Видимость жизни...»

Кто они, эти парни и девушки, окружавшие его, Сергея? Кто они — с виду интеллигентные, образованные, с претензией на высокие духовные запросы? Блеф, мишура, мыльные пузыри, подонки из того особого мира, в котором принято считать, что деньги всесильны, за деньги можно купить все — дубленку, машину, диплом инженера, красивую девушку, красивую жизнь... И будто стоит сейчас перед ним «златокудрый» Саша Аветисов, валютчик, гастролировавший по Закавказью. Из «гастролей» он возвращался с большими деньгами, приглашал всю компанию в «Арагви» и поражал девочек тем, что посылал на чужой столик малознакомым людям коньяки, шампанское и фрукты... «Вот это да! Вот это дает гастроль!» — вздыхали ошеломленные девочки. И Сергей, «болван из болванов», так он сейчас разговаривал сам с собой, старался перещеголять этого хлыща. За дядюшкин, конечно, счет... Среди вздыхающих была красавица Ксана — девушка, которая могла стать блестящим архитектором, а стала спекулянткой. У нее слюнки текли, когда валютчик Саша шептал ей: «фирмы много» — значит, «к берегу прибило» много иностранцев и надо спешить... В переговоры с иностранцами Ксана вступала вместе со своим любовником Давидом Круглянским. Круглянский специализировался на спекуляции заграничными джазовыми пластинками. Среди клиентов Давида попадались и ошалевшие от сионистской пропаганды люди — они платили бешеные деньги за пластинку с записью молитв главного кантора американской синагоги или за шестиугольную звезду, позолоченную, с клеймом, свидетельствующим, что «сделано в Израиле»...

И Сергей снова хватается за голову: «Боги ты мой, как я низко пал! И почему я не послушался Бориса?» Однокурсник Сергея Борис тоже одно время был в этом сборище ничтожеств. Но кто-то вытащил его из этого омута. Кто? Для Сергея сейчас это уже не столь важно. Для него, Сергея, теперь важно другое: почему он сам не вырвался, почему не поверил Борису в тот вечер, когда они сидели вдвоем в кафе и один на один вели нелицеприятный разговор? Борис тогда выложил ему все начистоту — о себе, о нем, Сергее, о Саше Аветисове, о красавице Ксане, о Давиде Круглянском, о долговязом Дюке и даже о Владике, который к их компании вроде бы не был причастен. Борис сказал о нем: «Теневой кабинет... Все видит, все знает, всем управляет». Сергей снова вспоминает гневные, призывные слова Бориса: «Опомнись, Сергей... Ты же отличный парень... Поверь другу... Давай забудем и сожжем все корабли. Согласен?» Сергей уклончиво ответил: «Хорошо». И негромко, почти шепотом добавил: «Надо подумать...» Он слишком долго «думал». И вот расплата... Да, теперь он все понял.

...Клюев тогда поверил в искренность Крымова. Его отпустили домой. Долго он не показывался никому на глаза. Никого не хотел видеть, кроме Ирины. А с ней встречаться страшно. Поймет ли?

...Они встретились на Фрунзенской набережной. Объяснение было трудным. Собственно, это была горькая исповедь молодого человека, который, прожив более двадцати лет, так и не понял, что счастье заключается совсем не в том, чтобы пройти по жизни бездумным гулякой. Он говорил тихо и горестно качал головой. А она молчала.

О чем она думает, что вспоминает — не тот ли вечер, когда он рискнул пригласить ее в ресторан, где его ждали Саша со своей Надей, Давид с Ксенией и Дюк с Владиком?.. За весь тот вечер Ирина не проронила ни слова и только испуганно всматривалась то в Ксению, то в Дюка, то в Сергея... Как и сейчас, Ирина тогда молчала и только у самого дома произнесла гневную фразу: «Мне хочется скорее принять душ... Смыть все это... А тебе?» Сергей ничего не ответил, он понял, что хочет «смыть» Ирина. Потом, глядя ему прямо в глаза, она сказала с тревогой: «Я боюсь за тебя, Сергей». Он попытался переключиться на шутливый тон. Но из этого ничего не вышло. Ирина ушла, грустная, обескураженная. У него не хватило силы воли порвать с дружками — через неделю снова состоялось шумное застолье с его участием. Но без Ирины. Так он жил двойной жизнью. Ирина — это светлый мир прекрасных чувств и мыслей. А вся эта братия...

Теперь он, Сергей, все понял. И обо всем этом честно рассказал сейчас Ирине.

Минуты две они стояли, не глядя друг на друга, словно боясь прочесть в глазах что-то еще недосказанное и куда более страшное, чем то, что уже было сказано.

— Но ты действительно все понял? Надолго ли?



Продолжение. См. «Огонек» №№ 37—40.

— Ириночка, не казни. Я... Ты...

Она уже не слушала его. Резко повернулась и, не попрощавшись, ушла.

А «казнь» была еще впереди. Да еще какая! Курсовое собрание студентов... Гневные слова однокурсников хлестали наотмашь, больно, без снисхождения. Ни одного слова в защиту, в оправдание. Говорили о нем и о его друзьях: «Это не товарищество, это объединение сообщников по дурным делам». Осуждая Сергея, осуждали себя: «...Одни из нас были равнодушными, другие не решались сказать правду».

Сергей, мертвенно-бледный, стоял в углу большого зала и слушал. Слушал и думал: все ли он сказал в те двадцать трудных минут, когда держал ответ перед товарищами? Ему хотелось крикнуть: «Перестаньте! Довольно! Нельзя бить лежачего!» Но Сергей понимал, что не имеет права даже на такое снисхождение, боялся оглянуться, боялся поднять глаза: вдруг здесь Ирина?

Сергея исключили из комсомола и института.

Вечером ему позвонил Владик: «Старик, не вешай нос. Ты попал в вагон для некурящих. Это бывает... Но я помогу. Давай завтра встретимся». Сергей ответил коротко: «Не хочу». И повесил трубку. Он ждал звонка Ирины. Она уже все знала. Но телефон молчал. Тогда Сергей позвонил сам.

— Алло!

— Здравствуй, Ириночка...

И все. Больше он ничего не мог произнести. Он не нашел тех слов, которые нужно было сказать ей в эти тяжкие минуты его жизни. Так с телефонной трубкой, прижатой к уху, Сергей молча простоял несколько минут, пока не послышались частые гудки. Все. Конец!.. Теперь он остался один. Даже дяди нет дома — он в длительной командировке. Вот разве только Владик... О нем у Сергея складывалось туманное и несколько противоречивое представление. Но нет, не хотелось видеть и его. Вот если бы сейчас Игорь Крутов оказался рядом...

Синицын приехал на третий день после исключения Сергея из комсомола. «А я тебя ждал только через месяц...» — сказал Сергей. «И что же,— отозвался тот,— огорчен? Недоволен?» Сергей не ответил, молча обнял дядю, похлопал его по широкой спине и убежал в другую комнату. К горлу подкатил непрошеный комок...

Через месяц Сергей сдал экзамены и стал шофером-профессионалом — ему, заядлому автолюбителю, это было нетрудно. И сразу же он был принят на работу в таксомоторный парк.

В тот день, когда Сергей принес домой первую получку, ему позвонил сотрудник КГБ Клюев. Поздравил. Пожелал успеха. Сказал, что приехал бы к нему, но что-то плохо с сердцем...

Сергей был растроган, благодарил и обещал, что непременно позвонит Клюеву. Он и не подозревал, сколь причастен был этот человек и к тому, что дядя досрочно вернулся из командировки, и к тому, что так быстро, сразу же после курсов, на которые он и поступил-то по совету Клюева, определился в таксомоторный парк. И уж, конечно, неведомо было ему тогда — Сергей узнал об этом позже, что имел Клюев долгий разговор с секретарем парторганизации факультета и что при этом был вызван к секретарю Борис, который, как комсорг группы, получил ответственное поручение — установить и поддерживать контакт с Сергеем. «Ты в ответе за этого парня»,— сказали Борису. Придет время, Сергей узнает и о встрече Клюева с Ириной. Сначала чекиста огорчила эта девушка, очень огорчила... Он даже назвал ее «бессердечной», а потом, как человек рассудительный, понял: «Чего, собственно, требовать от нее?» Она ему, Клюеву, честно сказала: «Не могу прийти в себя. Сергей для меня очень дорог. Но я не хочу его сейчас видеть. Пусть пройдет время...»

Но судьбе не угодно было отпустить этой девушке времени, достаточного для проверки чувств. Случилось так, что, забыв обо всех их размолвках, Ирина примчалась к нему...

КЛУБОК

Это произошло поздним августовским вечером на загородном шоссе. Сергей возвращался в Москву. В отличие от некоторых своих коллег он никогда не отказывал пассажиру, желающему ехать за город, никогда не придумывал легенд, не говорил в ответ, что, мол, ему надо возвращаться в парк. Не мог такого позволить себе редактор стенгазеты, организатор рейдов комсомольского «Прожектора».

Ему нравилась и новая работа и новый образ жизни. Все у него складно получалось. Машина в образцовом порядке. План перевыполняет. В комсомоле восстановили. Как это ни странно, инициаторами его восстановления оказалась группа тех самых студентов, которые требовали исключения Крымова из комсомола. И первая скрипка — Борис... Он пришел к нему домой, когда Сергей еще учился на курсах таксистов. Держался Борис так, будто ничего не произошло.

О прошлом теперь напоминал Крымову разве только Владик. Этот по-прежнему настойчиво навязывал свою дружбу, и Сергей не отказывался от нее. Владик был уже не тот: притих, присмирел. Правда, дядя скептически оценивал эту перемену. «Не притих, а притаился. До лучших времен»,— откровенно говорил он племяннику. А Сергей только острил по поводу дядиной сверхподозрительности.

Так, раздумывая о событиях последних месяцев, гнал Сергей свою «Волгу». И вдруг...

Это страшное в жизни автомобилиста «вдруг», за которым следует подчас непоправимое... Именно «вдруг» метрах в пятидесяти из-за газонов вышел на дорогу человек. Реакция была мгновенной: пронзительный сигнал, и рука резко выворачивает руль. Машина едва не перевернулась, оторвавшись парой колес от земли, а человек, с трудом держась на ногах, пошатываясь, невозмутимо продолжал топать к обочине. Сергей затормозил, прижал такси к газону — хотел проскользнуть мимо пьяного пешехода. Но все же чуть-чуть задел его. Скорее от испуга, чем от удара, пьяный упал на асфальт. Пешеход был спасен, а «Волга» влетела в кювет. Сергей вылез из машины и услышал истошный крик: «Помогите!.. Спасите!..» Кричала женщина. Сергей только на какую-то долю секунды задержал свой взгляд на покалеченной машине и ринулся на помощь...

Подвыпившие хулиганы ловили среди деревьев девушку. На земле лежал избитый парнишка, бесстрашно заступившийся за подругу.

...Что было потом, Крымов не помнил — он пришел в себя уже в послеоперационной палате. И первые слова, которые едва слышно произнес, были: «Ириночка... Спасибо!»

Он узнал ее. И это больше всего обрадовало медиков: все идет хорошо! Нянечка с радостной вестью тут же спустилась вниз, в вестибюль, где дежурили Синицын и Борис. Все идет нормально! Синицын помчался к автомату, чтобы позвонить домой больному Клюеву, обрадовать его. К телефону подошла женщина.

— Кто спрашивает? Здравствуйте. Жена Михаила Петровича говорит. Я в курсе дела... За вас рада, а вот Михаила Петровича два часа назад в больницу увезли... Острый приступ...

Первые две недели Ирина приходила в больницу ежедневно, как на работу. И все попытки Бориса подменить ее хотя бы в час трудных ночных дежурств не увенчались успехом.

— И не надо вам пытаться,— полушутя говорил ему врач.— Ее присутствие поможет Крымову быстрее подняться на ноги.

...Была еще одна целительная повязка на тяжкие раны Сергея...

В газете появилась заметка о героическом поступке шофера такси Сергея Крымова. Преступники были задержаны милицией, подоспевшей к месту события, и отданы под суд.

Через два месяца, незадолго до Октябрьских праздников, Крымова выписали из больницы. Когда он, сопровождаемый дядей, Ириной и Борисом, вышел на улицу, то увидел у больничных ворот целую вереницу машин-такси: Сергея по инициативе комсомольцев таксомоторного парка не без участия Бориса встречал эскорт из пяти машин. В нарушение правил водители приветствовали Крымова дружными гудками...

Дома его ждал еще один сюрприз — телеграмма Игоря Крутова. Вылетает в Москву, в отпуск, с нетерпением ждет встречи.

...На восьмое ноября у Сергея был объявлен «большой сбор» старых друзей. Ирина с волнением ждала — кто придет к Сергею, кто окажется в числе «старых»? Неужели и «те»? Собрались настоящие друзья. И по факультету и по таксомоторному парку. Веселые, приятные парни и девушки. И, конечно, Борис и, конечно, особо дорогой для Сергея гость — Игорь Крутов, водитель мощного «БелАЗа» на одной из строек в Сибири. Ирина сияла. И лишь когда узнала, что на «большой сбор» приглашен Владик, нахмурилась: у нее особое отношение к этой давнишней привязанности Сергея. Однако оказалось, что какие-то обстоятельства не позволили Веселовскому пожаловать в гости. Это очень обрадовало Ирину. Ну, а самое главное — Игорь. Встреча закадычных друзей...

Ирине многое было известно о жизни Крутова по рассказам Сергея. Он часто вспоминал друга, бережно хранил его длинные и сумбурные письма, иногда давал читать их Ирине. Сергею не все было понятно в образе жизни, в убеждениях этого «карася-идеалиста» — так Крымов давно уже окрестил Крутова. Вот и эта его история... Крутов еще до своего приезда в Москву писал:

«Дружище! Ты прав, жизнь чертовски сложна. Но я не склонен мириться со всеми ее сложностями, болячками, стандартной и отнюдь не мудрой «Такова жизнь...» Боюсь, что твое стремление быть «гибким» принесло тебе какие-то беды, о которых умалчиваешь. Я против твоего нравственного кредо. Какой бы дорогой ценою ни пришлось за это платить».

...А платить Игорю за свою непримиримость пришлось действительно дорогой ценой. На общем собрании автоколонны при подведении

Кирилл ОБОЛЕНСКИЙ

ФЕЛЬЕТОН

ЧЕМОДАНЧИК С ГАДЮКАМИ

Иногда приходится возвращаться к делам давно минувших дней. Ну хотя бы трехлетней давности. Итак...

В кабинет директора гостиницы «Армения» вбежала экономист, ведающая по совместительству надрами.

— Олег Федорович! — радостно воскликнула она.— Я подобрала сантехника. Очень милый мальчик. Он пришел с инструментом и к работе может приступить хоть сейчас.— И, повернувшись к двери, крикнула: — Игорек, заходи!

В дверях показался двадцатипятилетний юноша в спецовке, малоподходящей для прочистки водопроводных и канализационных труб: щегольская куртка на «молнии», галстук «бабочка», джинсы, украшенные медными заклепками, лакированные туфли. В руках новоявленный сантехник держал плоский черный чемоданчик, именуемый в обиходе «дипломатом».

— М-м-да! — недоверчиво пробормотал директор, оглядывая импозантного слесаря, но затем властно сказал: — Оформить!

И тут же последовал приказ:

«Хазова Игоря Витальевича зачислить в гостинице «Армения» на должность слесаря».

Новый сантехник особого рвения к работе не проявлял. Игорь жил по своей любимой поговорке: «Пусть работает трактор — он железный!»

Утром, появляясь в гостинице, Игорь первым делом начинал путешествие по номерам. Выбирал те, где останавливались иностранцы. Любил с ними посидеть, покалякать. После бесед и практических переговоров сантехник носился по этажам, предлагая встречным различный ширпотреб.

Разумеется, такой распорядок рабочего дня не остался без внимания администрации. Игорю предложили не появляться без вызова в номерах. Его стали отчитывать за нерадивость.

— Ах, так! — в сердцах воскликнул сантехник.— Вы все слетите с работы, если я захочу.

Далее следовала многоцветная ругань и заверение:

— Всем головы поотрываю! Мне ничего не будет: я нервный...

И Хазов перешел в генеральное наступление. Приходя на работу, он первым делом раскрывал свой чемоданчик и вытаскивал бумагу.

— На третьем этаже вода хлещет! — взволнованно кричит вбежавшая администраторша.

— Некогда! — спокойно отрезает сантехник.— На свежую голову пишу заявление в...

Называлось учреждение.

Обычно кляузники скрывают от людей свое грязное занятие. Здесь Хазов был оригинален. Он читал написанные им жалобы сотрудникам и в заключение шантажировал.

— Если вы не будете меня трогать, на вас лично я ничего не напишу,— говорил он.

Кляуза выглядела примерно так.

Как честный человек, я не могу равнодушно взирать на расхищение народного добра. Дежурная по коридору А. забрала домой ковровую дорожку, дежурная Б. унесла подушку с дивана, сотрудник В.— электролампочки. Вокруг меня все воры, взяточники и мошенники. Старшая горничная Г. сожительствует с младшим истопником, а со старшим — младшая горничная Д.

Далее следовала густозамешенная клевета на администрацию гостиницы. А заканчивалась кляуза словами: «Не могу молчать и подаю вам сигнал, хотя хорошо знаю, что меня ждет расправа за мою смелую критику!..»

Проверяющие, дотошно расследовав заявление, обычно констатировали:

«Ни хищений, ни других нарушений не обнаружено».

Однако это не останавливало Хазова. Он тут же выпускал из чемоданчика свои кляузы-гадюки на проверяющих. И они уже сами писали объяснения. Назначалась новая проверка.

Хозяин черного чемоданчика взял на вооружение и другой метод клеветы. Им теперь рассылались анонимки и жалобы с поддельными подписями сотрудников. Работа администрации гостиницы пошла по кругу дачи объяснений многочисленным комиссиям.

Трудно совмещать работу водопроводчика с разведением жалоб-гадюк. После нескольких выговоров за безделье сантехника уволили.

— Но окончательно он с нами не расстался,— вздыхает секретарь парторганизации М. А. Качкина.— К концу дня с руганью и угрозами встречает наших работников возле выхода.

— Мне часто Хазов грозит по телефону,— с возмущением говорит старший администратор А. Н. Жаворонкова.— «Убью,— говорит,— и повешу прямо возле дома».

Нам захотелось более детально выяснить, что представляет собой

итогов соревнования он вдруг заявил, что показатели пробега машин выведены «липовые», ловко приписана тысяча километров и потому премии колонна не заслужила. А что касается рекорда Анатолия Глазова, то и это «липа»... «Так не соревнуются. Ему созданы особо благоприятные условия. За счет других водителей. Это очковтирательство, а не социалистическое соревнование. Вот если бы всем водителям обеспечили такие же условия, как Глазову...»

Игоря обвинили в противопоставлении своего «я» коллективу, в том, что он выступает против принципов социалистического соревнования.

«Что было на этом собрании, мне трудно тебе описать, Сергей. Поносили меня всячески. А еще до этого была такая история... Моя комсомольская группа содействия милиции установила, что начальник автобазы не брезгует дарами «левых» клиентов. Представляешь, как он ухватился за мое выступление, «граничащее,— как он заявил,— с антисоветским». В общем-то вся эта история кончилась для меня благополучно. Назначили комиссию для расследования. Мое заявление подтвердилось. Взяточника этого с должности начальника базы сняли. Но вечером, после танцев, подловили меня дружки бывшего начальника. Спасибо, что ребята из нашей комсомольской группы содействия милиции оказались рядом...»

И вот он здесь, у него дома, этот неугомонный Крутов. Они успели о многом переговорить. Сергей поведал Игорю и о том, чего не было в его письмах...

В тот вечер произносилось много тостов. Самых разных. Всерьез и в шутку. Но один тост был только для посвященных...

Сергей увел Ирину и дядю в соседнюю комнату. На секретере стояли три рюмки с коньяком. Сережа первым взял рюмку и тихо, словно смущаясь чего-то, сказал:

— Давайте выпьем за здоровье Клюева... Я ведь, дядя, все знаю, немало доброго сделал для меня этот человек. Женщины, они народ болтливый, язык за зубами держать не умеют...— И, улыбнувшись, кивнул на Ирину. Но улыбка тут же потухла, лицо Сергея посуровело. Он о чем-то задумался и вдруг взволнованно сказал: — До конца жизни своей буду помнить этого хорошего человека!

Молча, не проронив больше ни слова, все трое выпили за здоровье Клюева. Ведь не могли они знать, что Клюев час назад умер...

Прошло время, и Сергей вновь стал студентом, а Ирина защитила диплом. Любовь их выдержала все испытания. Ирина работала, Сергей учился, и, казалось, что все развивается точно по плану, начертанному этой удивительно волевой девушкой. Но была в том плане одна трудная позиция — возвращение Сергея из рабочего коллектива в студенческий. И сопутствующие тому обстоятельства... Борис окончил вуз и уехал на Урал. Ирина совмещала работу с учебой в заочной аспирантуре, занималась английским языком, и все меньше и меньше времени удавалось ей урвать для Сергея. Вот теперь-то, пожалуй, в пору вспомнить прозорливость дяди, который вновь зачастил в командировки: «Он не притих, твой Владик, он притаился...»

Ирина расстроилась, когда узнала, что Сергей стал опять встречаться с Владиком и даже был у него на холостяцкой пирушке. На душе у нее стало горько, досадно: «Неужели все прахом пойдет?» И однажды Ирина твердо решила, что напишет Игорю Крутову, попросит его... О чем? Чем он может помочь, находясь за тысячи километров?

И вдруг приятное известие. Крутов на несколько дней прилетел в Москву. Сегодня вечером Сергей вместе с другом придет к Рубиным. Но застолье, да еще с участием Владика и Глебова, оказалось не лучшим местом для откровенных объяснений. И все-таки от зоркого глаза Игоря Сергей не смог скрыть свою душевную неустроенность. Когда они остались втроем, Игорь вдруг спросил:

— А что это за люди сидели за столом — Владик и Вася? Пыжились что-то...

— Наши друзья,— ответил Сергей.

Ирина пожала плечами, а потом обронила:

— Я бы их к своим друзьям не причислила.

— Почему?

— Спросите у Сергея. Молчишь, Сережа?

...Вот при каких обстоятельствах в запутанное дело доктора Рубина вплелись судьбы Ирины, Сергея, Владика и теперь уже покойного Глебова. В представлении Бутова это один клубок. Так ли? Покажет время...

КОМАНДИРОВКА

— Вам все ясно, Никанор Михайлович? Два задания сразу — Крымов и Строков. Вылет сегодня ночью...

Весь вечер они провели вдвоем — Бутов и Михеев, которому полковник обычно поручал дела наиболее сложные, запутанные и в то же время срочные, требующие быстрых, точных решений. При всей своей кажущейся медлительности Михеев — воплощение оперативности и деловитости. Ни одного лишнего слова, действия, ни одной зря потерянной минуты.

Михеев уже многое знает о Сергее Крымове... Есть у него впечатления и от бесед с Ириной, от ее вскользь оброненных характеристик Крымова, столь же метких, сколь и противоречивых.

...В редакции Крымову давно была обещана командировка в Сибирь. У сотрудников редакции дальний прицел: когда Крымов получит диплом экономиста, забрать его к себе. Экономические знания плюс острое перо — это то, что требуется сейчас журналистскому коллективу. И потому просьба Сергея послать его недели на две в командировку была удовлетворена. Михееву известно, что Сергей отказался от двух предложенных ему на выбор адресов — Рига и Ереван. Он настойчиво добивался поездки в Сибирь, в неприметный еще недавно районный городок, в тишину которого ворвался гул экскаваторов, бульдозеров, «БелАЗов» и звонкие песни молодежи. Сейчас там, среди тайги, уже поднялся первый корпус нефтехимического комбината, к которому тянут нефтепровод.

Бутов и Михеев озадачены: что побудило Сергея Крымова, парня, любившего беспечную жизнь, отказаться от командировки в Ригу и Ереван, поехать в Сибирь? Что это — зов души или нечто другое?.. Чем привлек его комбинат, продукцию которого с нетерпением ждут не только хлеборобы и текстильщики. Нет ли тут тех подводных течений, что дают основание, учитывая все сопутствующие обстоятельства, проявить особую настороженность? Бутов так и нацеливал Михеева:

— Нам небезынтересно знать, почему молодой человек, предложив любимой девушке «ховать игрушки», сам ринулся туда, где будут делать кое-что причастное к «игрушкам» весьма солидного калибра... И рванулся именно тогда, когда к отцу его любимой заявился этот самый господин Егенс. Разобраться во всем этом нужно. И, конечно, Строков... Кто на самом деле этот человек?

Продолжение следует.

столь одиозная фигура, держащая в состоянии, близком к шоку, целый коллектив. Мы побывали в районном ОБХСС. Там нам поведали любопытный эпизод из деятельности Хазова.

Как-то он заявил, что номер гостиницы за крупную взятку предоставили махровому спекулянту. Стали выяснять. Оказалось, это музыкант, и поселен он по ходатайству Союза композиторов. Подобные «сигналы» поступали от него не так уж редко. Целая бригада была вынуждена проверять их в течение нескольких дней.

Узнав о цели нашего приезда, участковый инспектор восемнадцатого отделения милиции С. Г. Винокуров с досадой махнул рукой:

— На моей территории, к сожалению, Хазов гость частый. К Цветному бульвару, когда там в условном месте собирается азартная публика, он подъезжает на такси. Начинается игра в угадывание номеров денежных купюр, зажатых в кулаке.

Отправляемся в одну из организаций, где раньше работал наш «герой». Уже первый собеседник, услышав фамилию Игоря, вздрагивает, как от близкого разрыва снаряда.

— Мой рабочий день начинался Хазовым и кончался им,— глухо роняет он.— По его жалобам нас посетило пятьдесят три комиссии. Измотался вконец! Седина начала пробиваться.

— Работник он был никудышный!— присоединяется к разговору другой сотрудник.— Беседовали с ним, убеждали, уговаривали — ничто не помогало. Решили уволить. Собрался местком, чтобы обсудить этот вопрос. Так он сорвал заседание. Как это случилось?.. Игорь явился в местком, держа шляпу в руках. Когда его попросили объяснить свое поведение, он мгновенно нахлобучил ее на голову, вытащил лезвие бритвы и стал им махать. Тут же его лицо залилось кровью. Все обомлели. Бросились спасать: отняли бритву, сняли шляпу, а из нее вывалились остатки давленой клюквы в сахаре...

Мы решили побеседовать с Игорем и вскоре встретились с ним. Знаменитый чемоданчик, как всегда, был у него в руках.

— Молодой человек,— обратились мы к нему,— не надоело ли вам писать кляузы? Пора браться за ум и не мешать людям работать. Представляете, сколько вы отняли драгоценного времени. Ведь по вашим жалобам работало почти сто комиссий.

В ответ он ухмыльнулся и заявил:

— Я всем им еще покажу. Въеду в гостиницу на белом коне.

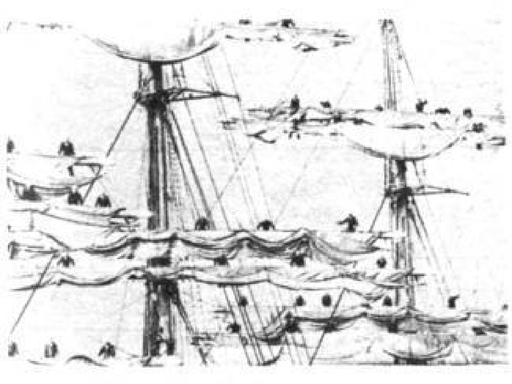
Прочитав жизнеописание хозяина чемоданчика с гадюками, читатель может подумать, что Хазов болен.

Хотим заверить — это обстоятельство изучалось так же тщательно, как и его деятельность на поприще клеветы.

Состояние здоровья Хазова таково, что он обязан нести ответственность за свои поступки перед нашим обществом.

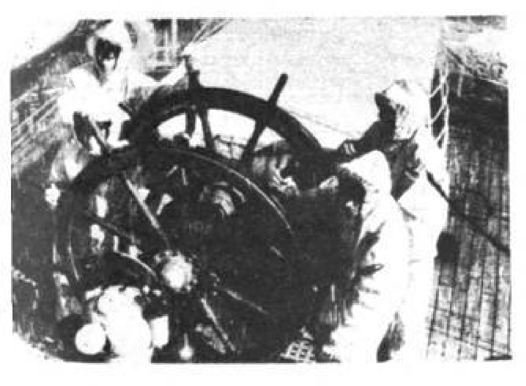


ПОПУТНОГО ВЕТРА



Парусное учение.

Вахта на руле.



Встречаясь с этим кораблем, суда всех стран отдают ему традиционный салют гудками и флагами, желают попутного ветра и благополучного плавания.

Капитаны океанских лайнеров, заметив на горизонте белоснежные паруса, меняют курс, чтобы подойти ближе к морскому красавцу и дать возможность пассажирам полюбоваться им.

При входе в различные порты парусник приветствуют все стоящие там его современные собратья. К нему тянутся вереницы людей, стремясь побывать на его палубах. Еще бы! Каждому хочется очутиться на судне, которое является потомком кораблей, совершавших в прошлом увлекательные путешествия.

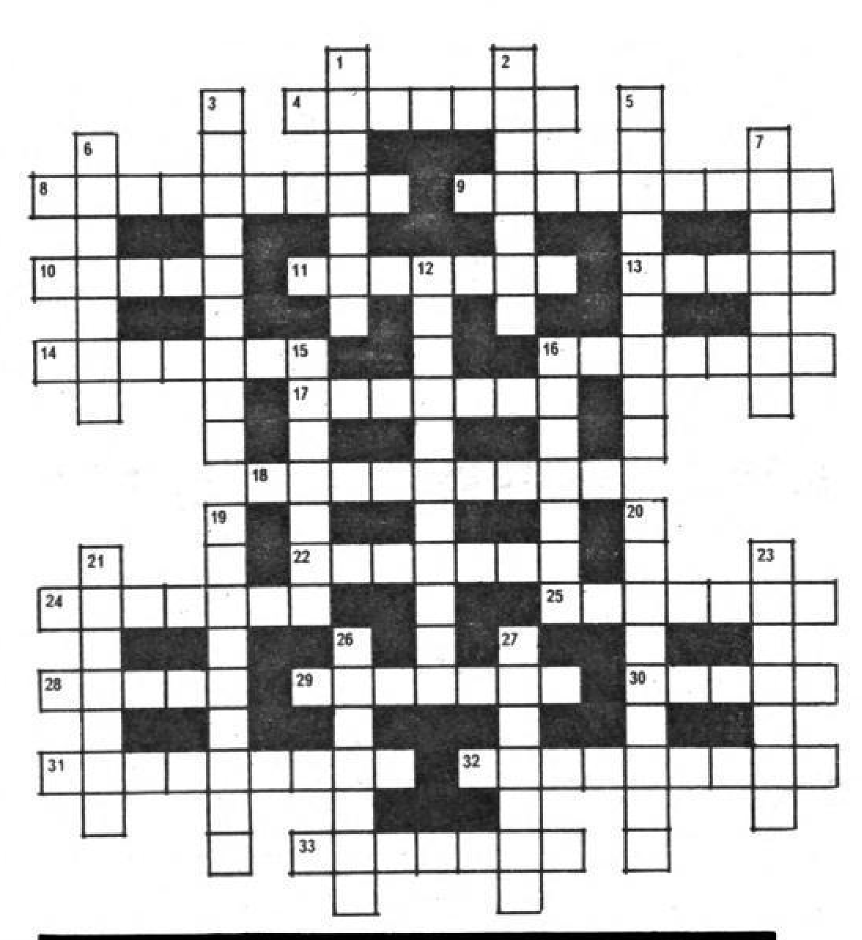
Парусный четырехмачтовый барк, носящий имя русского мореплавателя Крузенштерна, принадлежит балтийскому отряду учебных судов Министерства рыбного хозяйства СССР. Под руководством капитана Ивана Григорьевича Шнейдера на нем проходят практику курсанты высших инженерных морских и мореходных училищ.

После ремонта и модернизации «Крузенштерн» в этом году совершил плавание вокруг Европы из Риги в Севастополь и обратно.

Сейчас наш парусник, побывав на Кубе, возвращается к родным берегам. И идет на нем полная романтики морская жизнь. Пожелаем «Крузенштерну» попутного ветра и благополучного возвращения!

Г. КОСТЕЦКИЙ

Фото автора.



КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Народный поэт Дагестана. 8. Отделение высшего учебного заведения. 9. Согласованное сочетание звуков. 10. Спутник планеты Сатурн. 11. Высочайшая горная система. 13. Рассказ А. П. Чехова. 14. Промысловая лодка. 16. Действующее лицо драмы Л. Н. Толстого «Живой труп». 17. Пояснение к пьесе. 18. Медицинский прибор. 22. Название первой печатной книги в России. 24. Сказка М. Е. Салтыкова-Щедрина. 25. Свойство тел сохранять состояние покоя или движения. 28. Плод пальмы. 29. Французский скрипач, композитор. 30. Способ печатания. 31. Поэма А. А. Блока. 32. Телескоп для фотографирования Солнца. 33. Порода собак.

По вертикали: 1. Камвольная ткань. 2. Птица семейства ястребиных. 3. Грузоподъемное устройство. 5. Раздел математики. 6. Офицерское звание. 7. Роман Ф. В. Гладкова. 12. Автор картины «Девятый вал». 15. Склад оружия и военного снаряжения. 16. Грузинский народный танец. 19. Ядро земного шара. 20. Древнегреческий историк. 21. Специалист, изучающий язык, литературу. 23. Курорт в Литве. 26. Овощ. 27. Постройка в саду.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 40

По горизонтали: 4. Саксаул. 9. Монреаль. 10. Апостроф. 11. Воронихин. 12. Белуга. 14. Ампула. 16. «Сиверко». 20. Боливар. 21. Абордаж. 22. Куросио. 24. Лежнев. 26. Морава. 27. Антоновка. 28. Динамика. 30. Бельэтаж. 31. Пуансон.

По вертикали: 1. «Последние». 2. Даль. 3. Куба. 5. Корреспонденция. 6. Халва. 7. Тонна. 8. Новолазаревская. 13. Гливице. 15. «Морозко». 16. Сурок. 17. Вебер. 18. Ребус. 19. Огайо. 23. Основание. 25. «Вадим». 26. Марля. 29. Ашуг. 30. Блок.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Монтаж ведет «МИ-10К» (см. в номере репортаж «Операция В-3»).

Фото Л. Шерстенникова.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Парусный четырехмачтовый барк «Крузенштерн» (см. в номере «Попутного ветра!»).

Фото Г. Костецкого.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Е. ПУЗАНОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 17/IX—73 г. А00130. Подп. к печ. 2/X—73 г. Формат 70×108 1/16. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2151. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1122.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.



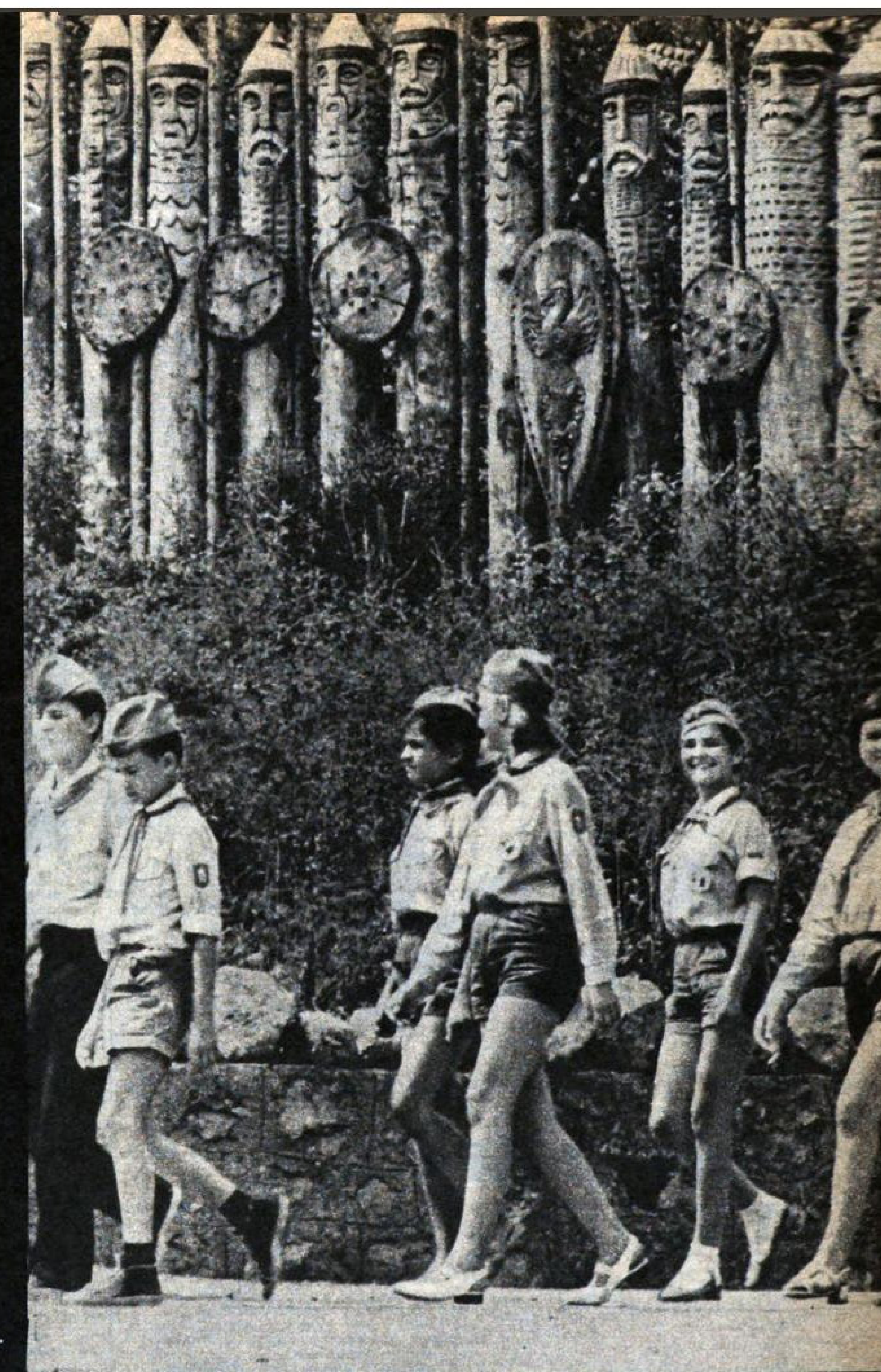
Михаил Александрович Чиликов.

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Михаил Александрович Чиликов — летчик, ныне руководитель полетов Симферопольского аэропорта. Он богат творческой фантазией, умеет занять себя в свободное от работы время. Каждая встреча его с засохшим деревом высекает ту самую искру, которую мы называем творческой.

Ствол, корневище, ветви вновь оживают, как только руки Михаила Александровича прикоснутся к ним. Орех, ясень, граб, лесная черешня, дуб — вот материал для его творчества. Михаил Александрович умеет разглядеть сказочную красоту в причудливых творениях леса. Чиликову диктует дерево, сама природа, он их неутомимый дешифровальщик. Работы Михаила Александровича выставлены на Поляне сказок Ялтинского краеведческого музея.

Б. Николаев



У входа на выставку.

КУДЕСНИК И







З СИМФЕРОПОЛЯ









Цена номера 30 коп.
Индекс 70663